

Георгий ДЗЮБА

**ГОРОЛЬ О ДЕВИЧЬИХ
СМЕШИНКАХ И ПЕЧАЛИНКАХ**

Москва
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Д 438

ДЗЮБА Георгий Евгеньевич

**Гоголь о девичьих
смешинках и печалинках:** – М.:
ООО «Палитра Д», 2017. – 352 с.

© ДЗЮБА Г.Е., 2017

ISBN 978-5-9907856-1-8

НЕ ТОЛЬКО РУМЯНЕЦ: ТАЙНЫ ГОГОЛЕВСКИХ КРАСАВИЦ

Женщины и девушки «Вечеров на хуторе близ Диканьки»... Какие они? Похожие друг на друга, схематичные красавицы с белым лицом и чёрными бровями – или же неповторимые, обладающие индивидуальным характером, полноценные героини? При одном упоминании Татьяны Лариной, Наташи Ростовой, Настасьи Филипповны всплывает целая палитра душевных переживаний, определённых надежд или их крушений. О гоголевской девушке почти ничего не слышно. До сих пор женские образы Гоголя словно спрятаны за красочной, богато расшитой тканью. Читатель видит тончайшие элементы узоров, когда каждая, даже малейшая сценка (а то и слово!) так и норовит обратиться в отдельный миф; чувствует звуки и волшебные краски и, увлечённый всем этим пиршеством, проходит мимо психологической сердцевины

характера, зачастую так и не приподняв таинственную ткань.

Параска, Оксана, Ганна, Пидорка... Большое искушение – ограничиться лишь общим обзором, перечнем их нарядов. Георгий Дзюба решил пойти дальше и поставил вопрос о своеобразии душевного склада героинь, о специфике проявления женского начала в сюжете повестей и рассказов. Ведь гимн женской красоте, созданный Гоголем, – «Всё в ней венец создания» – далеко не исчерпывается шёлковой сорочкой, яркими лентами и румянцем во всю щёку. Автор книги доказывает, что озорные, а порой печальные и даже несчастные девушки и женщины повестей Гоголя всегда восхитительны. И проявляется их характер через поступки, а значит, и через выбор того или иного пути. Возможность, а иногда и необходимость выбора отмечает даже намёк на марионеточность героинь. При некотором портретном сходстве их врождённые нравы и приобретённые манеры глубоко индивидуализированы. Вас ждёт подлинное открытие целой галереи беспечных и красивых, но зачастую капризных девушек, домовитых или бестолковых, завистливых и сварливых баб, практикующих ведьм.

Три типа женских образов, которые выделяет Георгий Дзюба, проявляются в самых разных

ипостасях. Для чего Оксана («Ночь перед Рождеством») просит у кузнеца золотые черевички, «которые носит царица»? Об её интересе к нарядам питерских дизайнеров ничего не говорится. Смысл желания становится понятным, если посмотреть на событие сквозь призму сказочного сюжета. И вот уже принц спешит к своей Золушке и приносит золотую туфельку...

Или, например, в «Сорочинской ярмарке» Георгий Дзюба прослеживает лейтмотив «Алых парусов» Александра Грина. Тема превращения сказочной мечты в счастливую реальность волнует человечество испокон веков. Каждый художник раскрывает этот сюжет по-своему. «Для людей одинаково иррациональны, таинственны и непостижимы алые паруса, и лоскуты красной свитки...» – к такому неожиданному выводу приходит автор, обращаясь к художественным образам Гоголя и Грина. Слово ликующие финалы, наполненные радостью исполненной мечты, не могут скрыть до конца хрупкую условность сказочных событий.

Ганна в «Майской ночи» не только безумно влюблена, как Параска или как Оксана в конце святок, – но и сильно сомневается в себе. Кто же принесёт ей счастье? Молодость и красота или богатство и власть? Так вопрос ещё никто не ста-

вил, что уже само по себе, наверное, подзадорит читателя к тому, чтобы окунуться в ярмарочные события ещё раз.

Кстати, про счастье. Невозможно до конца согласиться с психологической концепцией, которую автор кладёт в основу трактовки всех женских образов. Безальтернативно и без тени сомнений, например, утверждается, что «жажда нравиться мужчинам сопровождает женщину на протяжении всей жизни», что «в основе многих женских поступков лежит естественное женское качество – стремление нравиться»; «девочки всегда мечтают о любви»; «любой нормальной женщине без мужчины жизни нет» и т. д. Все эти сомнительные утверждения звучат как аксиома. То, что существуют и другие девочки, которые совершенно не мечтают о любви, или девушки, жаждущие какой-то иной правды (как, например, героиня «Чистого понедельника» Бунина) и почти равнодушные к собственной внешности, – даже не обсуждается. А жаль. Такой подход довольно сильно ограничивает возможности исследования женских образов, порой низводя всё до банальных естественных инстинктов. Широта взглядов, умение воспринять женскую душу в самых разнообразных проявлениях добавили бы повествованию

бытийной глубины и неожиданных ракурсов. Впрочем, подобный подход, навязанный массовой культурой, и сегодня весьма распространён. И вот уже Солоха становится под исследовательской лупой Георгия Дзюбы привлекательной и очень приятной героиней, как будто собрать вокруг себя большое количество мужчин невесть какая заслуга и доблесть. Между тем анекдотическая ситуация с необходимостью прятать любовников в мешки подаётся именно таковой. К концу текста уже как-то устаёшь от разъяснений некоторых сексуальных деталей – не столько даже деталей, ведь повествование «Вечеров...» достаточно целомудренно но самого слова: «сексуальная чертовка», «сексуальный огонь», «сексуально привлекательные черты» и т. д. Происходит замыливание этого понятия, что в последующем в качестве особенности того или иного литературного образа уже не каждый раз воспринимается.

С другой стороны, перед нами своеобразная полемика. Ведь многие исследователи упрекают Гоголя в поверхностном понимании женских образов. Георгий Дзюба показывает читателю, что писатель, которого многочисленные критики изображают то девственником, то убеждённым холостяком, патологически боявшимся жен-

щин, изображал своих героинь со знанием этого «предмета». Именно он смог выразить всё очарование и притягательность женской красоты, причём не только душевной (что вполне ожидаемо), но и физической.

Мы видим, что героини действительно разные (и даже контрастные!) по своему характеру и жизненным позициям. Нова сама постановка вопроса: каковы женские образы Гоголя?

Возможно, это только начало, и скоро в литературоведении будут говорить о гоголевской девушке наравне с тургеневской. А образ Солохи станет таким же символичным и знаковым в мировой литературе, как, например, женщина бальзаковского возраста. Всё это такие горизонты, о которых мало кто прежде задумывался...

Прочтите книгу сами, чтобы в этом убедиться.

**Анастасия Чернова,
прозаик, лауреат всероссийских
и международных литературных премий,
кандидат филологических наук**

ЗА КУЛИСАМИ ВОСТОРГА

Николай Васильевич Гоголь часто подвергался острой, но не всегда объективной критике. В том, что творчество гения, да и его личная жизнь попадали в зону повышенного внимания, не было ничего особого. Почему? – ответ прост. Талант творца, как это у нас порой случается, вызывает у других не только магнетический восторг, но и зависть. Время от времени в прицельном злоязычии преуспевали и западники, и славянофилы, и писатели, и критики, и церковники, и цензоры, и, конечно же, чиновники. Гоголя критиковали своеобразно, как-то «по-своему», но в то же время или откровенно грубо, или через «третьи» языки и уши – утончённо и с подлой изощрённостью. Его даже любили неестественно, докучливо требуя от писателя безраздельной ответной любви. Иные же любили очень лукаво, скрывая за кулисами восторга от его таланта стремление выжать из Гоголя материалы для их публикации в своих изданиях или найти факты для осмеяния любых неудач поэта...

Уже после смерти Н.В. Гоголя ожесточённую борьбу с ним затеял Василий Василье-

вич Розанов. Он прослыл, да и на самом деле являлся маститым публицистом, критиком и прекрасным стилистом, но Гоголя почему-то невзлюбил. Как замечал уже в наше время (в 1990 году) в статье «Розанов против Гоголя» В.В. Ерофеев, «Розанов пытался защитить Россию от "клеветы" Гоголя, не осознавая того, что эта "клевета" достовернее любой "правды"». Не лишним будет вспомнить, что В.В. Розанов при выборе методов борьбы с ушедшим к тому времени в лучший мир писателем себя ни в чём не стеснял. Он называл Гоголя роковой и вредоносной для России фигурой, отзываясь о нём в самых неприличных выражениях. Считал его «идиотом», который, таращит глаза, восхищается бессмысленным восхищением осязаемого и гордится бессмысленной гордостью. Если по мнению Д.С. Мережковского, Гоголь всю жизнь боролся с чёртом, то по разумению Розанова – его творчество отличалось сатаническим формализмом, где самоценное слово, освободившись от человеческого смысла, становилось чёрной магией, и «более страшного человека, ...подобия человеческого... не приходило на нашу землю». Розанов искал и с неистовым наслаждением находил в писателе безумие тоски Гоголя-демона, «хватящегося боязливо за крест». Наверное, он справедливо улавливал сложное отноше-

ние Гоголя к христианству, но чем было объяснить его выводы о человеческих качествах писателя?..

Время шло, но сторонников у критика сильно не прибавлялось. Он не печалился и принялся обосновывать связь загадки Гоголя с половой сферой, тем более что такая тема им была уже давно «обкатана», когда параллельно Фрейдю какое-то время он забирался в теорию зависимости духовной жизни человека от его половой структуры. «Интересна половая загадка Гоголя... – отмечал Розанов во втором «коробе» «Опавших листьев» (1915). – Он, бесспорно, "не знал женщины". Что же было? Поразительная яркость кисти везде, где он говорит о покойниках... Везде покойник у него живёт удвоенной жизнью, покойник – нигде не "мёртв", тогда как живые люди удивительно мертвы... Ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают». Но они, конечно, умирают, а только Гоголь несколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, и не старух, а всё «молоденьких и хорошеньких».

«Теория Розанова не воплотилась в какую-либо последовательную систему, – справедливо апеллирует к нему В.В. Ерофеев, – ибо последовательная система и Розанов суть вещи несовместимые, однако его идеи были вполне

ясны», и они «прежде всего, наивны». Но сочность кисти Гоголя, «где он говорит о покойниках», совсем не в физиологическом пороке, а в жгучем интересе писателя к самой неразрешимой проблеме смерти и в страхе перед ней. Мы могли бы приводить сколько угодно аргументов в пользу позиции Ерофеева, которую и сами разделяем, или остановиться на выводах Розанова о том что у Гоголя никогда «не было физиологического аппетита» к женщинам. Здесь тоже – версий, как мух на балу в губернском городе NN в период расцвета и сияния чичиковщины. Но чем темнее ночь, тем ярче звёзды. И что же здесь обсуждать, если некому выступать арбитром?

Давно замечено, что одной из особенностей Гоголя-писателя было его постоянное стремление к идеалу во всём, что включает в себя и его обожествление женщины, и его отношение к ней. Впервые это отразилось в его миниатюре «Женщина», где 22-летний автор писал: «Мы зреем и совершенствуемся; но когда? Когда глубже и совершеннее постигаем женщину».

Мы попробуем убедить наших читателей в том, что Николай Васильевич Гоголь создал немало и восхитительных, и поэтических, и прозаических, и сатирических, но вполне «живых» и понятных нам женских образов, подтверждающих верность гимну женской

красоте, созданному им же: «Всё в ней венец создания». (Эти слова Н.В. Гоголя нами взяты из его отрывка «Рим».) К литературным образам женщин в творчестве Гоголя мы попробуем привлечь вас своими «очень далеко» не академическими рассуждениями. Мы попытаемся убедить вас в том, что у поэта кроме «молоденьких и хорошеньких» усопших барышень есть немало других замечательных героинь со своими индивидуальными особенностями и житейскими принципами. Нам представляется, что считать Гоголя убеждённым идеалистом во взглядах на женщин было бы тоже определённым упрощением. Если бы мы взяли лишь такой из человеческих изъянов, как например, пошлость, одинаково возможную как для мужчин так и для женщин, то даже и здесь Гоголь не остался в стороне. Ему удалось сотворить и выставить для всеобщего обозрения в числе других и необыкновенно ярких по своей пошлости героинь. Звучит чудно, но это так, а мы легко вспоминаем Коробочку, благоверных Манилова и Собакевича, женщин из семьи городничего, приятную даму и даму приятную во всех отношениях или, например, прелестных столичных дамочек на этапе погружения их неземной красоты в трясины разврата. И это тоже жизнь. И она многослойна и многоцветна независимо от того, в

платье ли и с брошечкой ли этот человек или в мундире и со шпагой. У Гоголя даже пошлость очаровательна, как и любая из выстраданных им строк.

Мы не считаем возможным соглашаться с тем, что женские образы, созданные Гоголем, например в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», совершенно «поверхностны» и «схематичны», как считают критики. Напротив, мы полагаем, что в самих подобного рода оценках снова превалируют упрощенчество, поверхностность и та же схематичность таких оценок, когда анализ литературных образов подменяется беглым обзором и сравнением их нарядов, бровей или ресниц. Так оценивать литературных героинь Гоголя – всё равно, что в финале «Мисс Вселенной» пробежаться вдоль строя соискательниц короны с оцифрованной сантиметрами ленточкой и перепроверить по факту их соответствие заявленным 90x60x90, а затем по дюймам отклонения от эталона объявлять победительницу.

Продолжая короткий экскурс в сегодняшний день, в качестве примера вспомним о тех же «Живых Барби» или «Любительницах розового». Или о десятках других сообществ девушек всех возрастных категорий, однако в одном диапазоне интересов и предпочтений:

белокурые, длинноволосые, губки бантиком, на груди рюши, ниже – пышные юбки вола-ном, рукава-фонарики, в атласных лосинах или колготках с котиками, в ушах – кисточки до плеч, в руках – игривые сумочки сердечком-звёздочкой-цветочком и т. д. И это не только девочки, но и неостановимо заигравшиеся дамочки... Что у них в головах – очень неясно. Это сегодняшний день и свежие строки о них. Если пожелаете «впечатлителься» ими больше, о таких литературных героинях сегодня сможете найти себе всё что угодно: рассказ, повесть, роман...

При всей схематичности героинь, вменяемой Гоголю в вину, нам трудно оторвать взор от его строк, повествующих и о девушках, и о взрослых барышнях, выдающихся не только своей удивительно-прекрасной внешностью, но и глубокими характерами, многогранными качествами, ясными целями и стремлением их достичь. Причём так, что многим нынешним кокеткам гоголевские героини и их поступки со всей вероятностью могут потом только сниться, долго сниться вплоть до самого выхода на заслуженную пенсию.

Гоголь не знал (мало знал, боялся, опасался, остерегался...) женщин, поэтому у него женские образы и не получались, утверждают критики. Допустим, не знал, плюс то, что мы

поместили в скобках... Но скажите тогда, разве возможно было бы нам сегодня представить себе сюжет той или иной повести без приветливой Солохи, капризной Оксаны, решительной красавицы Пидорки или наполненной сомнениями Ганны? Сварливая Хивря или драчливая кумова жена, о которой мы знаем всего лишь из нескольких строк Гоголя, разве не могли бы стать главными героинями произведений любого жанра и размаха? Такие женщины во имя любви (или корысти) и сегодня легко отправляют на подвиг, мошенничество, убийство или сделку с нечистой силой очарованного или околдованного ими мужчину. Да, женское начало у некоторых героинь Гоголя имеет демонические дарования, а каждая ведьма у него «она»? Так ведь и чёрт – «он»! И каждый из его образов по-своему интересен неординарным характером и талантом, психологичностью, поведенческой индивидуальностью, взлётами или провалами, опасными рифами или испытаниями. «Его» женщины совершенно разные. Они пронзительные и необузданные, великодушные и злопамятные, беспощадные и сердобольные, ранимые, но стойкие, сексуальные или сексапильные, неприступные или страстные, высокомерные или даже базарные. И они такие даже тогда, когда их глаза, косички и губки «сильно оди-

наковые». С ними картина, созданная Гоголем, красочна, совершенна, актуальна, органична и полифонична.

«Можно предположить, – возвращаемся мы ещё раз к Ерофееву, – что неудача на любовном фронте укрепила писателя в мысли о том, что его миссия лежит вне обычной любви и семейной жизни, что сам бог подвиг его на иной путь духовного подвига посредством литературы, а женщины могут лишь увести его с избранного пути». Впрочем, и в этом тезисе очередная субъективность одного лишь Ерофеева апеллирует к другой субъективности – субъективности одного лишь Розанова.

Мы не собираемся анализировать тактику, использованную критиками в «матче» Розанов – Ерофеев. Да такого матча и не было. Мы вспомнили этих критиков лишь для иллюстрации увлекательной ситуации, где первый из них – блестящий «нападающий», который когда-то повёл на Гоголя сильную команду критиков, а второй – талантливый «защитник» поэта. Вспомнить их – всё одно что рассказать вам сейчас, например, о КПСС и её мудром Политбюро с наиболее мудрой, но другой идеей, когда Гоголя без его ведома принудили выступать у партии коммунистов «топ-менеджером» по борьбе с крепостничеством.

Это ведь совсем не давнее прошлое! Но и этого мы вам тоже рассказывать не будем.

Мы не будем касаться и тех вопросов, на которые мог бы ответить один лишь Гоголь, потому что правды мы не узнаем. Ну а об отношении Гоголя к христианству вспомним такую легенду. Незадолго до кончины, а именно в ночь на 21 февраля (4 марта), последние слова Гоголя звучали так: «Лестницу! Дайте скорее лестницу». Как же они перекликаются с диалогом Лёвка и Гали из «Майской ночи!» Прочтите или прослушайте сами...

«Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, – туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба. А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далёкой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нём на землю ночью перед Светлым праздником.

– Нет, Галю; у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Её stanовят перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле».

Повесть от легенды отделяют 22 года жизни великого художника...

ГЛАВА I. О ЖЕНСКИХ НОЖКАХ САХАРНЫХ, ПРЕЛЕСТНЫХ...

О непрерывном слиянии фантастики с реальностью в происходящих на страницах «Вечеров на хуторе близ Диканьки» событиях мы постоянно вспоминаем независимо от того, как давно эту замечательную книгу Николая Васильевича Гоголя держали в руках. Действительно, разве можно забыть простые и непростые судьбы героев этих повестей и рассказов, или странички о ведьме, которая буднично и непринуждённо с клубами дыма взлетает на метле через трубу одной из хат, или строки, когда та же метла, но уже без пассажира и водителя, словно очеловеченное разумом такси, после ночной смены возвращается в автопарк. Точно так же с улыбкой и с охотой к прочтению следующей строчки поэта вспоминаются нам картинки, когда сам чёрт с опасливой правдоподобностью хватается горячий месяц или ведьма посреди «Майской ночи», чтобы уклониться от кары за содеянное ею, хитро выдаёт себя за обычную утопленницу. В этой удивительной и ка-

жущейся для нас уже привычной гоголевской интонации нет даже намёков на вероятность появления сказочных персон, но они появляются снова и снова, причём почти на каждой страничке. При этом всё же не сказочные герои, не черти и не ведьмы, а прежде всего люди являются главными действующими лицами и генераторами развития каждого сюжета.

Повесть «Ночь перед Рождеством» в сказочном букете сборника «Вечеров...» является одним из наиболее сложных произведений мастера. Здесь мы встречаем несколько сюжетных линий, которые одновременно динамично «раскручиваются» на поле колядования. В «Книге всякой всячины» Гоголь пояснял: «Колядуют накануне Рождества Христова в честь хозяина дома, молодых супругов и проч.» Технология этого действия проста: парни и девчата с песнями, шутками и прибаутками ходят от дома к дому по селу, высказывают добрые слова хозяевам, напевают им благожелательные песни и куплеты, а в благодарность получают от них подарки.

Заметим такую особенность: в этой повести все женские (впрочем, как и мужские) образы тоже, как нам поначалу может показаться, представлены читателям с удивительной простотой и бесхитростностью.

Совершенно не случайно, что именно эту особенность в творчестве «раннего» Гоголя отметили многие критики. Именно такое впечатление складывается и у нас при первом погружении в текст этого произведения. Однако последующие наши «погружения» в происходящие здесь события в большинстве случаев первоначальные впечатления заметно видоизменяют. Впрочем, всё это вы обнаружите и сами, ведь на образах Оксаны, Вакулы, Солохи, царицы Российской империи, Потёмкина мы будем останавливаться постоянно, хотя вы, наверное, этих персон помните и без наших напоминаний. Совсем другое дело увидеть их так, как это удалось великому Гоголю, да ещё и оставить нам не одну дюжину загадок.

Если рассуждать в общем, а предположительные выводы представлять себе схематично, то среди жителей хуторов, расположенных вокруг Диканьки, всех хуторянок можно условно разделить и отнести к трём типам. Это беспечные и красивые, но зачастую капризные девушки, домовитые или бестолковые, завистливые и сварливые бабы и практикующие ведьмы. Конечно, последних мы не идентифицируем с женщинами. Скажем, что это лишь существа, но женского рода. Пусть пока что будет так. В критике нередко указы-

вадается на тот факт, что нравы и особенности женщин, включая хуторянок, автором слабо индивидуализированы. По нашему мнению, это не совсем верно. Гоголь действительно придерживается кое-какого, а нередко и поразительного портретного сходства многих своих героинь. Однако, несмотря на внешнюю схожесть молодых барышень, сельских дамочек среднего возраста, сварливых старух и прожжённых профессиональных ведьм, его героини заметно разнятся в своих специфических индивидуальных качествах, врождённых нравах и приобретённых манерах. Самый беглый взгляд в их сторону позволяет понять, что среди них встречается, например, девушка жизнерадостная, мечтательная и доверчивая; другая – вся в себе, зажатая и закрытая. Но именно этих девчонок их соседи и родители неожиданно для себя «фотографируют» в объятьях парубков. Третья героиня здесь капризная и любознательная, но скрытная, а четвёртая – не только капризная, но и беспредельно самовлюблённая. Ещё одна красавица (у Гоголя они действительно все красавицы) – в широкой полосе сомнений: взять ли в мужья богатого старого волокиту или прижаться к плечу наполненного горячими желаниями и силами юноше? Прочей требуется лишь «лучший парубок на свете», но

хуже царицыных черевичек – не предлагать! Мы перечислили только девушек, а ведь у Гоголя полно ещё и «ягодок». Среди них всякие: грубые, драматические, трагические, комические, извините, но придурковатые, глупые, жадные, наглые, стервозные. Некоторые проходят через весь текст повести или рассказа, другим – двух-трёх гоголевских строк достаточно, чтобы проявить себя во всей красе, а читателю получить о них точное представление. Взять для примера хотя бы сварливую, болтливую и жеманную Хиврю или умную, смешливую и хозяйственную Солоху, а может быть, обратить наше внимание только на обжорливых и насмешливых ведьм на их шабаше. И тогда тезис об однообразии женских образов в творчестве Гоголя чудным способом обернётся в утверждение об их прекрасном многообразии.

И да простят нас женщины, образы которых мы тщимся «извлечь» из повестей сборника, чтобы высказать наше мнение, но мы будем размышлять не только о них. В этом деле нам не обойтись и без упоминания о мужчинах, их сопровождающих, хотя дамы в нашем тексте всё же останутся, как и в жизни, самыми главными действующими лицами.

Да и дело здесь такое, что и сам чёрт полезет будет...

Дама с голубыми глазами

Остановимся на событиях, происшедших в повести «Ночь перед Рождеством». Но прежде обратимся к тем минутам рождественской ночи, когда кузнец Вакула с использованием возможностей «проворного франта с хвостом и козлиною бородой» попадает в Петербург и присоединяется к делегации запорожцев. Мастерство и тонкое лукавство, с которыми Н.В. Гоголь представляет нам эту встречу запорожцев с Екатериной II, вызывают наше искреннее восхищение поэтом. Для понимания одного из женских значительных образов, созданных великим Гоголем в повести «Ночь перед Рождеством», мы будем вынуждены делать небольшие отступления, которые позволят полнее понять Екатерину II и, возможно, несколько глубже рассмотреть её, поскольку именно об этой женщине в памяти читателей, как нам кажется, подробностей сохранилось совсем немного.

Императрица «Екатерина была роста среднего, стройного стана, отличной красоты, следы которой не истребились до самой её кончины» – эти слова в 1832 году написал литератор П.И. Сумароков. «На (её – Г.Д.) голубых глазах изображались приятность, скромность, доброта и спокойствие духа, – пишет он

далее. – Говорила тихо, с выжимкою, несколько в горло; небесная улыбка обворожала, привлекала к ней сердца. Приближённые расставались с нею преисполненными преданности и удивления. Сколь ни старалась она скрывать важность своего сана, но необыкновенно величественный вид вселял уважение во всяком; не выдавший её никогда признал бы императрицу и среди толпы».

Многочисленные источники – здесь мы в своих «исследованиях» выше беллетристики не поднимались – донесли до наших дней информацию не только о том, как она руководила государством, но и о том, как она заботилась о своей внешности. Её современники пишут, например, о том, что императрице расчёсывали локоны гребешками, смоченными отварами череды и чистотела. Отмечают, что после бани Екатерина Великая всегда ополаскивалась холодной водой и протирала тело смесью из нежирного молока, сыворотки либо кофейной гущи с замоченным в кипятке овсом. В число косметических процедур после умывания царицы якобы входило натирание лица мёдом и нанесение на него гусяного либо свиного жира. Другую маску для лица и зоны декольте ей периодически помогали делать из яблочного пюре или земляничной смеси, которую по окончании

процедуры смывали сливками... С отёками и тёмными кругами под глазами она предпочитала бороться компрессами из отвара ромашки, крепкого чая или тёртого картофеля. Утверждается, что царица, матушка наша, ввела в моду пудру, основу которой составляла мука, и губную помаду из свекольного сока и глицерина, а также все фруктовые маски, да и выглядела она всегда не по годам активной, бодрой, привлекательной и свежей. Наверное, реестр симпатичных прилагательных для Екатерины Великой можно было бы и расширить, если бы не фактор её исключительно высокого служебного положения. Будь она хоть мегерой, кто бы из её современников рискнул заявить об этом? Но к фасадной красоте её, настоящей или вымышленной льстивыми подхалимами, да и к её должности, какой бы она ни была, трудно не добавить один пункт из «каталога» дурной её славы по деликатному профилю и весьма легкомысленному амплуа. Наверное, при виде интересных мужчин её лицо становилось ещё привлекательнее, поскольку расцветало красками хотений и желаний, как у кошки от вида тазика со свежей сметаной. По воспоминаниям её современников, число реально известных любовников Екатерины II достигает 23, хотя в некоторых источниках называется и более приличная

(в 2,5 раза приличней) команда мужчин, члены которой в разное время имели постоянные, сезонные, временные или разовые пропуски в её спальню.

Намёки, содержащиеся в речах запорожцев при встрече с государыней (в тексте повести – Г.Д.), мы можем совершенно обоснованно отнести к реальным событиям российской истории, памятным современникам Николая Васильевича Гоголя. «Напасти», на которые жалуются казацкие делегаты, характеризуют политику Петербурга по отношению к Малороссии и плану ликвидации Запорожской Сечи, в чём преуспел один из фаворитов Екатерины Великой – господин князь Потёмкин. Его мы тоже встречаем на страницах повести «Ночь перед Рождеством». Роль фаворита Екатерины II – князя Григория Потёмкина до недавнего времени историками устойчиво принижалась. Между тем князь прославился не одними лишь манёврами среди подушек и перин в спальнях покоя царицы, что чаще всего вспоминают, причём в первую очередь. Он сыграл значительную, если не сказать решающую роль в присоединении Крыма и Новой России к империи, основал военный и торговый флот, ряд городов и портов на Чёрном море, внёс значительный вклад во многие военные

операции, выигранные Россией, получив за это титул «светлейшего князя Таврического».

На страницах энциклопедий, прежде всего советского периода, мы можем обнаружить суждения о том, что Потёмкин, «не обладая крупным стратегическим дарованием, действовал нерешительно, мешал А.В. Суворову», командуя русской армией. Но Суворов Александр Васильевич, напротив, не раз утверждал, что его начальник «человек великий: велик умом, велик и ростом». Впрочем, этого в энциклопедиях нет. Поверим французскому послу в Петербурге графу Сегюру, которому вроде бы и врать было бы ни к чему. О Потёмкине он писал «Сей человек был одним из необыкновенных своего века. Он в своей особе заключал достоинства противоположные: был прост и великолепен, горд и благотворителен, надменен и ласков, хитёр и доверчив, расточителен и часто скуп. С теми, кто искал его милостей, обходился вежливо и ласкал тех, кто получил оныя. Всегда обещания свои помнил и ничего никогда не забывал. Он много читал и даже во время военных действий редко могли найти образованнее его».

Как бы то ни было, но судьба запорожцев окончательно была решена в августе 1775 года манифестом «Об уничтожении Запорожской

Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии», подписанным именно Екатериной II. И именно «...по инициативе П. была ликвидирована (мы цитируем ту же энциклопедию и добавляем к её тексту ещё три слова – «без единого выстрела» – ГД.) Сечь Запорожская и её войско», названная Екатериной II «политическим уродством».

Для лучшего понимания особенностей созданных Гоголем образов напомним, что Николай Васильевич в период написания «Вечеров...» был очень сильно увлечён темой свободлюбивого казачества, прославляя его почти в каждом из своих произведений. Вероятно, под влиянием такого настроения у него и появились образы е. и. в. Екатерины II и надёжного во всех отношениях князя Потёмкина.

Итак, встреча запорожцев с императрицей, что следует из текста повести, совершенно точно происходит незадолго до упомянутого нами манифеста, поэтому в строках повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» тревога от прогнозов в отношении развития событий уже есть, и она нарастает. А мы продолжим свой обзор с того момента, когда матушка-царица, пытаясь смягчить обиды казачьих депутатов за притеснения центром их вольницы, беседует с ними, демонстрируя намерения обласкать и успокоить.

Гоголь пишет:

«Хорошо ли вас здесь содержат? – продолжала она, подходя ближе.

– Та спасибо, мамо! Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожьи, – почему ж не жить как-нибудь?..

Потёмкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...»

Здесь, как мы замечаем, и родное казакам Запорожье в чём-то превзошло «индекс» столицы, и к выражению: «почему ж не жить как-нибудь?..», хотя оно и носит вполне насмешливый и дерзкий характер, придаться трудно.

Лукавство проявляется и в том, что, как замечает про себя кузнец Вакула, только что беседовавшие с ним на отличном русском языке запорожцы говорят с царицей, «как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием». «Хитрый народ! – подумал он сам себе, – верно, недаром он это делает». Уже в этом проявляется не только демонстрация самостийности, но и желание «заявителей» жить именно так, как у них было испокон века заведено.

Давайте же взглянемся в, вероятно, так и не постигнутый даже цензурой портрет этой великой и могущественной женщины из номенклатурной династии. Напомним, что мы пытаемся проанализировать именно женские

образы, что нашли своё отражение в сборнике «Вечеров...». А начнём наши размышления именно с того человека, который в момент встречи с депутацией являлся её «действующим» возлюбленным. Начнём с Григория Потёмкина, вернувшись к моменту, предшествующему выходу Екатерины Великой. Что же скрывается за строками Н.В. Гоголя, которые, на первый взгляд, будто бы до краёв наполнены глубоким уважением и беспристрастной почтительностью?

«Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты **величественного роста** (здесь и далее выделено мною – Г.Д.) довольно плотный человек в гетьманском мундире, в жёлтых сапожках». После прилагательного эпитета **величественного** мы, конечно, ожидали бы увидеть, например, слово **вида**, но видим именно **роста**. «Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная **величавость**, во всех движениях видна была привычка повелевать», – продолжаем мы цитировать классика, опираясь на анализ В.В. Ермилова.

Слова, обязанные служить будто бы выражению **величия**, дважды поставлены в ироническую связь: рост может быть **длинным**, **высоким**, но уж никак не **величественным**.

Словосочетание *величественный рост* вызывает у вдумчивого читателя лишь комический эффект благодаря внутреннему противоречию в нём. Действительно, здесь нетрудно заметить, как прилагательное уничтожается существительным. В другом случае, наоборот, существительное уничтожается прилагательным, ибо *величавость* не может быть *надменной*, ибо *надменность* является пародией на *величавость*. Таким мы видим Потёмкина, где, казалось бы, незначительные или второстепенные детали служат общему снижению его пафосной «монументальности».

Далее наши «симпатии» к фавориту снижаются ещё больше сообщением автора, что во время беседы царицы с казаками Потёмкин «небрежно чистил небольшою щёткою свои бриллианты, которыми были унижены его руки». (Прям-таки куртуазный маньерист какой-то.) Н.В. Гоголь нередко в волшебную ткань текстов вплетает отдельные, будто бы и не вяжущиеся с поэтической материей сказки предметы или обстоятельства. Даже самые обычные, бытовые и нешуточные из них читателю предлагаются как бы мимоходом. Вот она – на сей раз щётка! Обратите внимание: униженные бриллиантами пальцы держат извлечённую из кармана щётку.

Лукавством и иронией наполнен и такой фрагмент текста:

«– Это царь? – спросил кузнец одного из запорожцев.

– Куда тебе царь! это сам Потёмкин, – отвечал тот».

Довольно дерзко, но прямо и как бы в бесхитростной наивности запорожцев содержится открытый намёк на характер амурных отношений Потёмкина с царицей. А так как весь облик светлейшего князя уже катастрофически понижен, то намёк на его близость к царице начинает снижать (в то время, наверное, об этом было страшно и подумать) и образ самой Екатерины. (Наконец-то мы добрались здесь и до образа этой интересной женщины, подаренного Гоголем читателям.)

Понятно, что в воссоздании портрета царицы откровенные «вольности» для любого литератора, включая и Н.В. Гоголя, были совершенно недопустимы. Однако взгляните, что делает писатель? На первый взгляд нам кажется, что в тексте автором все нормы необходимого в подобных случаях приличия строго соблюдены. Потому в повести мы и встречаем «небольшого роста женщину, несколько *даже* дородную, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел поко-

рять себе всё и мог принадлежать одной царствующей женщине». Конечно, мы понимаем, что царицу обидеть тогда было уж никак невозможно, да и опасно.

Удивительное слово гоголевская усилительная частица **«даже»**. Она стоит того, чтобы попасть в поле нашего самого пристального внимания. В этой связи давайте вспомним ещё одно «мероприятие», описание которого вышло из-под пера великого мастера слова и формы Н.В. Гоголя. Всем известные чиновники на балу у губернатора (а это уже поэма «Мёртвые души») «посматривали только по сторонам, не расставлял ли где губернаторский слуга стола для виста. Лица у них были полные и круглые, на иных **даже** были бородавки...» Другой пример из той же поэмы: «Прочие тоже были, более или менее, люди просвещённые: кто читал Карамзина, кто Московские Ведомости, кто **даже** и совсем ничего не читал...»

Слово **даже** предполагает нечто выходящее за рамки обыкновенного. Это некое количественное нарастание, приводящее к новому качеству или сообщающее явлению превосходную степень чего-то положительного либо отрицательного. Иронический смысл слова **даже** в отношении к бородавкам на лицах отдельных чиновников указывает, на-

столько эти лица невыразительны, незначительны, обезличены, настолько они не отличаются одно от другого чем-либо значительным, связанным с серьёзными человеческими качествами и особенностями. В этом случае мы погружаемся в мир абсолютной пустоты и серости, когда **даже** бородавка является чертой персонального своеобразия. Человек не обладает ничем из того, благодаря чему его можно было бы запомнить. Его отличие от других из безликой толпы в бородавке. Больше о нём сказать нечего...

Забавность применения частицы **даже** в характеристике просвещённости чиновников основана на неожиданной подмене логики хода одного рассуждения ходом другого – противоположенного рассуждения, при сохранении видимости продолжения первоначальной линии. (В освещении этого «фокуса», тонко подмеченного В.В. Ермаиловым, мы продолжаем пробираться по тропинке, проложенной его логикой.) А он замечает, что частица **даже** поставлена там, где должна бы означать нарастание в логическом развитии той характеристики просвещённости, которая принята Гоголем «на старте». Мы ожидаем перехода в новое, ещё более высокое качество просвещённости: «кто читал Карамзина, кто Московские Ве-

домости, кто **даже**...» Но вместо ожидаемого имени ещё одного писателя или названия какого-то, может быть, самого научного или уникального издания, свидетельствующего о ещё более высокой степени просвещённости («**даже!**»), вместо подъёма, мы получаем падение, крутой спуск вниз и круглый нуль. И теперь мы уже совсем иначе оцениваем просвещённость господ чиновников губернского города NN, понимая, что «пробежали» глазами не по тем «ступенькам», что ведут вверх – к просвещённости, а по тем, что ведут вниз – к полному невежеству.

Так как же нам понимать частицу **даже**, поставленную Гоголем недалеко от обворожительной и «свежей» матушки нашей Екатерины? Лукавой частица **даже** у Гоголя получилась! Что она вносит в портрет её императорского величества, представляя нам «небольшого роста женщину, несколько **даже** дородную»? Понятие дородности не находится в какой-либо связи с высоким или низким ростом. Если бы вместо слов «небольшого роста женщину» стояли слова «довольно плотную женщину», то в этом случае частица **даже** послужила бы усилению и нарастанию её «плотности». А «плотность» женщины, как мы понимаем, не входит в число тех качеств, которыми можно было бы восхищаться. Но

здесь, как мы видим, этого нет. Перед нами мастерски выстроен не один логический ряд, а два разных ряда. Слово **даже** выглядит совершенно излишним или неуместным. Но стоит нам лишь воспринять его не в поверхностном ходе повествования, который действительно совершенно исключает в данной связи это словечко, а увидеть внутренний поэтический ход, заключающийся в последовательном наращивании признаков, снижающих образ царицы, как мы поймём всю оправданность частицы **даже**. Более того – только во внутреннем поэтическом движении повествования, только в ряду выявленных нами здесь снижающих признаков понятен смысл слова **даже** в приведённом фрагменте.

Теперь восстановим уже отмеченные, но ещё не полностью рассмотренные из числа обнаруженных нами признаки, снижающие образ «матушки». Связь с кривым (при невыясненных обстоятельствах Потёмкин лишился глаза и носил повязку – Г.Д.), растрёпанным, непривлекательным и надменным Потёмкиным. Рост у царицы небольшой, а если к этому добавить ещё и полноту – «несколько **даже** дородную», – то её фигуру величественной уже не назовёшь. Её напудренность также не могла заморозить запорожцев, Вакулу или рассказчика этой истории. Лукавую двусмыс-

ленность мы находим и в словах о её величественно улыбающемся виде, который мог «только принадлежать одной царствующей женщине». Заметьте, насколько прозаичны здесь слова «царствующая женщина», хотя... при определённых условиях их можно отнести и к поэзии. Но в этом случае они же характеризуют не красоту и привлекательность женщины, а всего лишь занимаемую Екатериной II должность! Здесь все предшествующие этим словам детали в её характеристике неостановимо опускают её образ к повседневной прозе. Эти слова настолько же прозаичны, насколько поэтичны слова «царственная женщина» безотносительно к должности царственной особы. Но «харизма должности» и коленопреклонённая любовь делают своё дело. Кажется, всё правильно: царица и есть царица. Как виртуозный фокусник, на протяжении всего нашего знакомства с текстом повести Н.В. Гоголь не снимает читательского напряжения, демонстрируя нам всё новые и новые трюки и чудеса со словами. А мы убеждаемся, что царица на самом деле не такая уж и красавица.

Логично, что Вакула, увидев императрицу и получив от неё туфельки (черевишки), с восхищением восклицает: «Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах

и в них, чайтельно, ваше благородие, ходите и на лёд ковзаться, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере, из чистого сахара». И коль скоро государыня, «которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своём запорожском платье мог похвастаться красавцем, *несмотря на смуглое лицо*», нам остаётся задать себе или читателям лишь такой вопрос: а мог ли автор дать здесь ножкам Екатерины иную оценку?

Ещё один, но не последний, тонкий приём исполненного автором снижения образа Екатерины мы находим в такой его фразе: «— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор ещё не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев».

Самим по себе прекрасным, мелодичным и воздушным словосочетанием «дама с голубыми глазами» образ царицы низводится к абсолютной прозе. Ведь мы же не забыли её должность? А разве можно было великую царицу народов назвать дамой? Одно уже слово «дама» сразу же опускает Екатерину в атмосферу повседневности, приземляет её и ставит на один уровень с множеством других дам.

Добавим, что это слово, поскольку оно заимствовано нами из французского языка, придаёт Екатерине нерусский колорит. И именно это слово резко противопоставляет Екатерину поэзии и одновременно всему сказочному и русскому, что наполняет повествование. Применение слова «дама» к Екатерине, столь метко и удачно характеризующее её, до умышленно-демонстративного уровня поднимает звучание подчёркнуто простецкой речи запорожцев, что при прочтении этих строк заметит далеко не каждый читатель. Они ведь говорят легко, используют такие фразы и слова, какие могли бы применять у себя дома при общении с каждым встречным.

В XXI веке Гоголь формулировками «об оценочных суждениях» вряд ли бы смог отбиться. Если даже и не атаку на власть или закон, то оскорбление чести, достоинства и деловой репутации монархии ему бы точно здесь припомнили, и возможно, что даже не единожды.

В повести «делегаты» идут к царице и проходят три зала, в четвёртом ждут её, а затем и встречаются с самой Екатериной. В этой связи кратко отвлечёмся на «Пропавшую грамоту», в основе которой лежит легенда о душе, проданной чёрту. (Напомним, что названная повесть находится в том же сборнике «Вечеров...»)

Так вот. Испокон веков так сложилось, что люди, потерявшие веру в свои силы, взывают к помощи Бога, а встретившись с неприятностями, относят их к вмешательству чёрта и его «соратников». Нашу гипотезу или размышления можно было бы развернуть и шире. В данном случае мы не будем этого делать по одной лишь причине. В настоящем тексте чертей и ведьм очень много и без «Пропавшей грамоты», поэтому будем осторожны: как бы здесь не умудрится и невзначай не оскорбить чьи-то религиозные чувства в части, касающейся светлых сил, и не оказаться на беседе у прокуроров...

Сюжетным стержнем «Пропавшей грамоты» является повествование о путешествии деда рассказчика в логово нечистой силы. У этого человека с религиозными чувствами всё в порядке, но без чёрта ему уже не обойтись. По указанию гетмана он ехал в Царьград гонцом или, как бы мы сказали сегодня, фельдъегерем, но излишняя доверчивость и потеря бдительности при выполнении служебного долга приводит к тому, что зашитое в шапку письмо к царице попадает в руки сатаны. Итак: черевички с помощью чёрта, грамота с помощью сатаны – и всё ведёт к Екатерине II? Уж очень часто нечистые поглядывают вверх! К чему бы это?

Давнишние мифологические былички предполагают существование Лысой горы, где изошрённые в своих выкрутасах ведьмы и черти проводят свои шабаши и другие сходки и корпоративы. Там ведьмы много веселятся, пируют, танцуют и дерутся между собой и замышляют свои новые акции. Главные из них приурочены к началу весны, к купальской ночи и к святкам. В мероприятиях участвует много «мужчин»: чертей и колдунов, упырей и оборотней, леших, водяных и домовых. И если «дамам» почтенного возраста – старым, сморщенным, как гриб, беззубым и дряхлым – остаётся лишь соревноваться в своём профессиональном мастерстве, то для молодых ведьмочек это ещё и отдых: танцы с кавалерами, веселье с неистовым смехом и визгом, как и у пьяных баб на горлицу или метелицу. «Крик, гам, топот, возня, пронзительный скрип и свисты адских гудков и сопелок, пенье и визг чертенят и ведьм, – рассказывает О.М. Сомов («Киевские ведьмы») о шабашах так, будто бы они происходили на его глазах, – всё это было буйно, дико, бешено; со всем тем видно было, сия страшная сволочь от души веселилась».

Кража грамоты случилась на ярмарке в Конотопе, когда на хмельном застолье гонец крепко расслабился в компании случайных собутыльников, среди которых оказался че-

ловек, продавший чёрту душу, а срок оплаты по контракту истекал именно в ту ночь. Теперь шапку нужно было вернуть, и конотопский шинкарь оказался в курсе дела, где найти её.

Так дед оказался там, где «возле огня сидели люди, и такие смазливые рожи, что в другое время Бог знает чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства». Когда же он догадался кинуть им деньги, то «...земля задрожала, и, как уже, – он и сам рассказать не умел, – попал чуть ли не в самое пекло. "Батюшки мои!" – ахнул дед, разглядевши хорошенько: что за чудища! рожи на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака. Пыль подняли Боже упаси какую! Дрожь бы проняла крещёного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя. На деда, несмотря на весь страх, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек; а музыканты тузили себя в щёки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в валторны».

Позднее ему поступило предложение, отказаться от которого было невозможно. «Ладно! – провизжала одна из ведьм, которую дед почёл за старшую над всеми потому, что личина у ней была чуть ли не красивее всех. – Шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!»

Ведьма то и дело по-дьявольски мухлевала, но казак не дрогнул, выдержал и издевательства, и мухлѣж, а затем перекрестил колоду и победил. А потом уже без остановок и по сиделок добрался и до царицы. «Как заглянул он в одну комнату – нет; в другую – нет; в третью – ещё нет; в четвёртой даже нет; да в пятой уже, – пишет Гоголь, – глядь – сидит сама, в золотой короне, в серой новѣхонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест». Здесь путь к царице был на одну комнату длиннее, чем у казачьих делегатов и Вакулы, хотя это и не главное. Может быть, главное в том что без нечистой силы к этой гордой, честолюбивой, высокомерной, сластолюбивой женщине с голубыми глазами простому человеку не добраться? В первом случае в таком деле помогает чёрт, во втором – ведьма, что тоже без славы Богу. Да и мы здесь самым чудесным образом разглядели, чем занималась царица в свободное от управления государством время, и разобрались заодно, как у

нечисти организована культурно-досуговая работа. Как она была организована у самой царицы, по воспоминаниям её современников – мы уже знаем...

Царственная красота Оксаны

Так кто же здесь подлинно царственная женщина? Есть ли у Гоголя такая? В повести «Ночь перед Рождеством» есть Солоха, которой в нашем небольшом исследовании далее мы посвятили отдельные странички, пытались понять её и выяснили, что она на эту роль не годится. Здесь есть Оксана. Но какой же мы привыкли видеть Оксану в критике? Капризной, избалованной красавицей, эгоистичной и самовлюблённой. В критике Оксана – это власть «Я», наполненная амбициями, эгоизмом и тщеславием! Из текста в текст повторяется тезис о том, что, несмотря на богатство её собственного гардероба, она завистлива к чужим нарядам, а кроме них её уже мало что интересует. В минуты отчаяния даже Вакула задумывается о том, что «с неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться». Он замечает, как она заносчива, как издевается над ним в присутствии подружек. Мы не можем упустить и тот факт, что, сознательно или нет, она, по

существу, толкает влюблённого в неё юношу на необдуманные действия и даже на суицид, в одном шаге от которого тот остановился. Наконец, именно под её психологическим «прессом» Вакула привлекает нечистую силу для приобретения, как сегодня бы сказали, элитной обуви.

Из текста мы узнаём о том, что лишь после внезапного исчезновения кузнеца Вакулы у Оксаны проявляются к нему хоть какие-то более-менее нешуточные чувства: «Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть её первую красавицею на селе?» И что же мы видим? Здесь никакой любви ни к кому нет и близко, всё то же опасение или даже страх упустить харизматичного мужчину и вполне вразумительная ревность, связанная именно с этим фактом. Здесь эгоистичная красавица больше жалеет себя, осознав, что теряет выгодного и терпеливого ухажёра. Следует заметить, что разбор образа Екатерины II по тексту повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» встречается чрезвычайно редко. Что же касается Оксаны, то именно к такой её характеристике мы «приучены» со школьной скамьи. Именно в таком свете Оксана выходит из строк одного критика и «всплывает» в выводах и умозаключениях другого исследова-

вателя, который её видит в целом в точно таком же цвете.

Для примера обратимся к Анне Гранатовой и к её публикации «"Божественная трагедия" Николая Гоголя». Эта заметка появилась в «Литературной России» в 2014 году. Здесь писательница особой оригинальностью во взглядах будто бы и не выделяется, зато философично тиражирует давнишний штамп о штампах Гоголя, «штампующего» однообразных литературных героинь. Она утверждает, что «фольклорные» женщины у Н.В. Гоголя откровенно грубы и вульгарны, сколь бы забавными ни казались нам их выходки и реплики. «И даже прекрасная Оксана из "Ночи перед Рождеством", – заявляет Гранатова, – ведёт себя весьма решительно и грубо, как баба, а не как женщина. При этом все её достоинства и преимущества оказываются чисто внешними, это не интеллект, не культура, не сила воли и характера, а просто ленты, золотые галуны и т. п. Мечты Оксаны приземлены – черевички, как у царицы, с той лишь разницей, что в этих черевичках Оксане не придётся управлять государством». Что уж там, дескать, говорить о других женских образах Гоголя, подводит нас автор к очевидным в её понимании выводам, если у Гоголя кроме образа бессмертной Коробочки Настасьи Петровны никого из

женского племени «за душой» и в строках не числится? Что ж, каждый имеет право на собственное мнение. Этим правом мы здесь воспользуемся и сами...

Давайте пока не будем спорить и на одну лишь минуточку согласимся с теми оценками, которые определила девушке эта очень проницательная женщина в упомянутой нами газетной публикации. Кстати, сходные с этим мнения можно обнаружить у десятков других, в том числе и у вполне заметных критиков Гоголя. Но если даже такую характеристику Оксаны мы будем считать верной, то разве это препятствует тому, чтобы сказать: автором создан цельный образ литературного персонажа, наделённого как некоторыми достоинствами, так и определёнными не лучшими, а может быть, и самыми худшими (кому как) качествами? Ведь набор качеств этой литературной героини, будь он позитивным с незначительными изъянами или негативным с проблесками и неуловимыми надеждами на его «исправление», ничуть не свидетельствует о том, что образа нет или он никакой. Напротив, это говорит о том, что положительный (отрицательный) образ автором создан, и в определённых условиях этот литературный герой может рухнуть на дно жизни скукожившимся до состояния осыпавшегося одуванчика или

набрать жизненных соков и сил, засиять под солнечными лучами и раскрыться прекрасной и нежной розой.

Неужели в Оксане мы не сможем найти и другие качества, те из них, что позволят сказать: это совершенно реальный образ девушки, такие девушки встречаются, их немало?

Сразу же отметим, возвращаясь к названию настоящей главы, что «беленькие» ножки Оксаны кузнец вспоминает лишь один раз, когда расхваливает свой сундук, что делает по её заказу. Но здесь дело далеко не в ножках.

Дело в Оксане: такой непростой, но и... прекрасной.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит чёрными очами! – продолжаем мы читать повесть Н.В. Гоголя. – Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся". Как будто невольно, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

– А, Вакула, ты тут! здравствуй! – сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. – Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевички, которые носит царица, достал? достань черевички, выйду замуж! – И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный, стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... – произнёс он наконец. – Но, боже ты мой, отчего она так чертовски хороша! Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт...»

Почему бы нам не высказать гипотезу о том, что в повести «Ночь перед Рождеством» настоящей царицей выглядит именно Оксана? Ведь что ни скажет, что ни сделает эта девушка, – всё у неё получается царственно! И нам кажется, что мы видим стройную, юную, прекрасную её девичью фигурку, слышим царственный и мелодичный звук её повелительно-указующего (как должно быть у царицы) и в то же время горделиво-насмешливого, но нежного голоса. Рядом с Оксаной, как и принято у настоящей царицы из сказки, не надутый неряха-князь, хоть он и светлейший, а симпатичный и, конечно же, восхищённый и очарованный ею юноша. Он влюблён и добивается взаимной любви от Оксаны, а она, как и следует сказочной царице, смеётся: «она всегда смеётся», и её смех кажется музыкальным. Эта и на самом деле величественно улыбающаяся царица, наверное, способна покорить любого мужчину. И она покоряет, но не «по должности», а потому, что сказочной царице рад повиноваться всякий. В сказках ведь всегда или, по

крайней мере, чаще всего простая девушка отличается удивительной красотой, а недостатки богатой женщины (часто мачехи) не могут скрыть даже наряды и драгоценности. Такой мотив динамично развивается и у Гоголя. И когда Оксана спрашивает у сгорающего от любви к ней кузнеца, достал ли он золотые черевички, «которые носит царица», мы понимаем лишь одно: речь идёт о черевичках, которые должна носить именно Оксана. Именно она достойна этих черевичек! Ведь они созданы для самых стройных ножек, и такие прелестные ножки как раз у неё!

Точно так же с помощью изящной хрустальной туфельки в сказке сильному и смелому юноше удаётся найти свою целомудренную и прекрасную Золушку. И у нас возникает повод ещё раз вспомнить Екатерину и задуматься, можем ли мы связывать наше представление о прелестных, стройных ножках с образом пожилой дородной женщины небольшого роста... Как нам представляется, даже такие, казалось бы, внешне совсем мелкие детали текста приводят нас к совершенно неожиданному или, по крайней мере, к иному, отличному от внешнего хода изложения повествования прочтению. Поэтические строки Гоголя посвящены, конечно же, Оксане и её прелестным ножкам, а прозаические – внешне по-

строены лишь на том, что размер обуви императрицы Екатерины оказался подходящим и для девушки... Точно так же и царский дворец со всей его роскошью и блеском оказывается в тексте прозаическим, а деревенская глушь – поэтической. И это легко заметить и понять благодаря тому, что внешний ход повествования у Гоголя совпадает с вельможным и официальным представлением о людях, о вещах и значении тех или других слов. Внутреннее же движение мы ощущаем только тогда, когда речь автора касается тех обыденных проблем, которыми живут простые хуторяне.

Нам может показаться, что поездка Вакулы верхом на чёрте в Петербург за черевичками является лишь простым, но неизбежным следствием тщеславия и аристократических (хотя откуда бы им взяться?) замашек взбалмошной Оксаны. В то же время мы встречаем в Петербурге «множество... дам в атласных платьях с длинными хвостами» и понимаем, что модные наряды не являются вожделенными чаяниями этой провинциалки, так хорошо представляющей себе свою цену. О её интересе к нарядам питерских дизайнеров Гоголь даже не вспоминает. Скорее в черевичках не необходимость, а её упрямая поза и желание изобразить свою «особость», поднять выше и без того высокую в её понимании свою «цену»,

продемонстрировать Вакуле, что она не такая, как все её подруги. А значит, и отношение к ней должно быть совершенно другое – особенное!

Дальнейшее развитие «петербургской» темы в «Ночи перед Рождеством» подводит нас к пониманию ещё одного вопроса, о котором мало кто вспоминает. В «походе» за роскошными черевичками с «сахарных» ножек Екатерины II под лёгким и тонким юмором скрывается мысль о начавшемся в XVIII веке «соблазнении» русских людей тем, что завело нашу экономику в нефтегазовые трубы большого калибра. Восхищение Вакулы неизвестно в каком «государстве на свете» сделанными «царицыными черевичками» стоит в одном ряду с его восторженной оценкой изготовленных немецкими кузнецами – «за самые дорогие цены» – медной ручки дверей и замка во дворце. Из этой же «упаковки», по-видимому, извлечена и роскошная дворцовая лестница, вызывающая у Вакулы почти детский восторг. «Что за лестница! – шептал про себя кузнец, – жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки!.. Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!» Здесь мы уже встречаемся с приметами европейской индустрии, развращающими, правда,

пока ещё лишь российское столичное общество. Вспомним, что в «Коляске», которую Гоголь написал чуть позднее (1836), «спальными башмачками», «которые супруг её выписывал из Петербурга», уже щеголяет жена провинциального помещика Чертокуцкого! И как тут не вспомнить недавнее время, когда наши прекрасные дамы во сне и наяву мечтали видеть себя в импортных колготках или сапожках? Теперь эти сны сбылись, и то и другое можно купить почти на каждом углу, но с отечественными производителями по-прежнему всё-таки лучше не связываться. Подобных примеров можно найти множество, хотя Гоголь об этом, конечно, был не в курсе...

В «официозной» обстановке кузнеца Вакулы мы видим глазами дворца и его обитателей: нелепого, хотя и красивого парня с его диковатыми выражениями и прямолинейными оценками. А внутренний, подлинно поэтический ход у Гоголя совпадает с нормальными, человеческими представлениями о нём и о его жизни. В поэтическом ряду мы находим полное превосходство Вакулы и его песенной любви, превосходство его гордой, своенравной, но простой Оксаны, превосходство поэтического мира, который они представляют. Эта юная пара семьёй пока ещё не стала. Но какими бы недостатками она ни была наделе-

на, внутренне она выше всех подхалимов, начальников и генералов, которые до появления Потёмкина «расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах», а после – «засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его».

Мы снова и снова встречаемся с двумя рядами в повествовании: внешним, совпадающим с подцензурными оценками, и внутренним, совпадающим с простыми общечеловеческими представлениями. Первый ряд у Н.В. Гоголя подвергнут ироническому рассмотрению изнутри, при соблюдении всех атрибутов внешней почтительности. Второй ряд – освещается поэзией и подвергается своеобразному ироническому рассмотрению извне, с точки зрения традиций первого ряда, то есть светскости и официоза. Такова ирония и над простотой Вакулы. Внешне он выглядит смешным, а по сути, – смешны те, кому он таким кажется.

Приглядимся к кузнецу лишь только потому, что Оксана впоследствии его напора не выдержала и сдалась. Вакула «в своём запорожском платье мог похвастаться красавцем, **несмотря** на смуглое лицо», пишет Гоголь. К чему здесь уступительный предлог **несмотря**? Да и поставлен он так и там, где следовало бы

поставить противопоставительный союз «но». Мы ожидаем какого-то признака, противоречащего понятию красоты, какого-то изъяна, недостатка у этого парня, вроде того, например, что он был красив, **несмотря** на конопатое лицо. Но здесь сказано: «**несмотря** на смуглое лицо». Разве понятие смуглого противоречит понятию красивого? Конечно, нет! Об этом у Гоголя свидетельствует и тот факт, что и у самой красавицы Оксаны лицо было «смугловатое». Понятие «смуглое лицо» вполне сочетается с понятием «красивое лицо» и может красоту его усилить. Так думаем мы. Однако вспомним ещё раз «небольшого роста женщину, несколько даже дородную, **напудренную**, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе всё и мог принадлежать одной царствующей женщине». Ведь по мнению матушки-царицы и её окружения, красота совершенно неотделима от напудренности. Бомонд пудрил лица и парики, для него красота заключалась в искусственности, а не в естественности. Этот припудренный или отполированный, так сказать, блеск заставляющего гламура тогда был одним из важнейших законов жизни двора.

Так мы видим это гоголевское **несмотря**. Возможно, совершенно лишнее и бессмыс-

ленное слово с точки зрения читателей или школьных учителей словесности, но совершенно оправданное и точное с точки зрения обитателей двора е. и. в. и придворной челяди. Очень странным и смешным это слово показалось бы, если бы предложение «о смуглости Вакулы» прочли запорожцы, сам Вакула или Оксана. Н.В. Гоголь использует приём иронического присоединения к далёкому от него придворному ряду представлений, критериев приличия и красоты алогичности и бессмысленности их употребления.

Бесспорно, высказать по отношению к господам свои сокровенные мысли, чувства, мечты или даже забористые шутки иначе чем в форме простодушия или наивности люди позволить себе не могли. Гоголь отлично понимал это. Исходя даже из этого, особенности его поэтики и техники употребления отдельных слов вполне объяснимы. Поэтому иные из них в речи его литературных героев порой кажутся странными, но никогда не бессмысленными. Об этих особенностях его стиля критиками написано немало. Некоторые научные, а иногда и наукообразные объяснения данного обстоятельства нередко сводились именно к «алогизму» его стиля. При этом слова в языке Гоголя, вырванные из поэтического контекста и рассматриваемые вне логики

образов, вне хода повествования, – как, впрочем, и вырванные из текста любого другого писателя, – представлялись бессмысленными. Понятно, что такой подход неверен и говорит только об ошибках оппонентов Гоголя, но не о промахах в его изящных пассажах.

«Оксане не минуло ещё и семнадцати лет...» – рассказывает о ней Н.В. Гоголь в повести «Ночь перед Рождеством». В зеркале мелькнуло «свежее, живое в детской юности лицо...» Лицо – в детской юности! Представьте на миг – перед вами 17-летняя девочка. Задумайтесь и задайтесь вопросом: на какую же «силу воли и характера», как пишет госпожа Гранатова, о которой мы вспоминали по публикации в «Литературной России», она здесь рассчитывает и что надеется найти, но не находит? Понятно ведь, что в таком возрасте девушки и в самом деле многого ещё не постигли и не умеют сдерживать свои эмоции. В этом возрасте они нередко отличаются неуравновешенностью и перепадами настроения как из-за большей по сравнению с юношами эмоциональности, так и в силу своих физиологических особенностей и психологии. «Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица», – читаем мы

Гоголя и мало сомневаемся в том, что у парубков, стремящихся к ясности и перспективе определённости во взаимоотношениях с девушками, такое поведение Оксаны вызывало раздражение. Но Оксана не столько капризна, сколько умна, она анализирует ситуацию и проверяет, «прощупывает» соискателя её руки и сердца, чтобы не допустить ошибки, чтобы понять, до какого предела её женское очарование и характер смогут диктовать мужчине свои условия. Нам трудно представить, что могла думать она, но может быть, в этом и состоит главное?.. А может быть, всё это и не является следствием её интеллектуальных расчётов? Может, это происходит вследствие врождённых особенностей каждой женщины и идёт от неё на подсознательном уровне, что совершенно естественно и органично сочетается с характером самой Оксаны. Поэтому дело не в самолюбовании или капризах девушки, а в запуске её организмом осмысленного поиска и отбора, простите за незатейливость, «самца». У такой яркой и чистой девушки должен быть исключительный мужчина, действительно лучший мужчина, беспредельно влюблённый в неё, а не тривиальная особь, отличающаяся взбушевавшимися гормонами. Многим из парубков, очень хотелось с ней задрожиться, но... Утратив надежду на завое-

вание её благосклонности или хотя бы персонального внимания и «потерявши терпение», парубки прекратили за неё бороться и теперь уже «обращались к другим, не так избалованным» девушкам. В общем, ребята сошли с дистанции. Обидно и позорно для них, ведь Оксана выглядела суперпритягательной: эффектной, нарядной. А вот кузнецу нужна была именно она и её любовь. Такую ситуацию мы встречаем и видим с самого начала нашего знакомства с Вакулой.

А в то время, когда отец девушки Корний Чуб принялся за исполнение своего личного плана проведения ночи перед Рождеством с Солохой, оставив дочь в одиночестве, девушка действительно долго принаряжалась перед зеркалом и никак «не могла налюбоваться собою». "Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? – говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. – Лгут люди, я совсем не хороша". Но мелькнувшее в зеркале свежее живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказали противное. "Разве чёрные брови и очи мои, – продолжала красавица, не выпуская зеркала, – так хороши, что уже равных им нет и на свете. Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху

носе? и в щеках? и в губах? будто хороши мои чёрные косы? Ух! Их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша!" – и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: "Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть".

Продолжим разговор об Оксане несколько более абстрактно, вспомнив ещё раз о том, что ей пока ещё не исполнилось и 17 лет. Сразу же заметим, что её шаги к зеркалу, так осуждаемые и обсуждаемые в критике, являются характерными для самых первых из числа осмысленных шагов любой девочки. Затем у девочек интервал между походами в направлении зеркала уменьшается, продолжительность встреч – увеличивается, и наступает момент, когда они себя без зеркала уже не представляют. В зеркало «погружаются» их первые любовные романы, хотя разворачиваются они пока ещё всего лишь с их собственными отражениями. На страницах этих романов и кокетство, и отчуждение, и самолюбование, и досада, и слёзы. Зеркало выдерживает всё. Оно может быть и другом, и магом, и врагом, и наблюдателем, и советчиком, и лукавым льстецом.

Тайное или демонстративное кокетство как психологическая особенность выражения полового созревания и влечения у девушек находится в полной взаимосвязи с их пристальным вниманием к своей внешности. В основе этого интереса лежит стремление нравиться юношам (мужчинам), страсть к тому, чтобы привлечь к себе их внимание. Примечательно, что именно женщине в «организации» общения с мужчиной при этом принадлежит внешне пассивная роль. Не принято, чтобы девушка сама начинала ухаживать за мужчиной, так как это противоречит и женской природе, и особенностям женской психики. Вместе с тем она обладает другим ресурсом. Девушка может и прекрасно умеет, как и наша Оксана, «провоцировать» мужчину на активность во взаимоотношениях, выгодно представляя ему свои внутренние качества, внешние чары или даже самые взбалмошные желания. Мы этого не утверждаем, а всего лишь «примеряем», и, как нам кажется, вполне уместно примеряем, эти распространённые девичьи хитрости к Оксане, оправдывая её абсолютно логичные и продуманные действия.

Если вы, уважаемый читатель, на самом деле читательница, то прикиньте наши рассуждения о зеркале и поступки Оксаны на себя. Может оказаться так, что, проснувшись и гля-

нувши в зеркало, поначалу вы не удержитесь от самокритики, но спустя некоторое время приведёте себя в порядок и уже пококетничаете с собой. А вслед за определёнными процедурами увидите себя именно такой, какой бы вы и хотели себя видеть, и дадите себе оценку не менее чем на один балл выше обнаруженного.

Мы снова вспоминаем о семнадцатилетнем возрасте нашей героини. У большинства девушек в этом возрасте заканчивается пубертатный период. Наша Оксана, как это можно предположить, достигла половой зрелости и обрела качества физически сформировавшейся женщины. Как утверждают специалисты, в такой период у девушек наиболее ощутимо проявляются индивидуальные колебания поведения, меняется психика и социальные ориентации. В такое время у них формируется «внутренняя позиция женщины», что совпадает с повышением самооценки. Обостряется желание и потребность нравиться представителям другого пола, а в случаях отсутствия успеха зарождаются болезненные переживания, проявления чувств острой самокритики и протестного отношения к изменению, обнаруженным в себе. Здесь уже не столько симптомы изменений в физиологии и в буйстве «проснувшегося» воображения, сколько ежеминутное и ежечасное ожидание

любви. Это та возбуждающая пора, когда девушка вечером засыпает, а утром просыпается с мыслью о любви или с тревогой: а вдруг ей не ответят взаимностью? В такие дни девушка подвержена сомнениям и страхам при возникновении любых пустяков. В такие дни она может оторвать свой взгляд от зеркала и со счастливой улыбкой, и с чувством тяжёлого разочарования, если найдёт себя невзрачной, невыразительной, неяркой или, по крайней мере, в чём-то заметно уступающей своей подруге.

В ту минуту, когда Оксана перед зеркалом восхищалась и сомневалась в своей красоте, она и увидела вошедшего в хату кузнеца. Оксана вскрикнула и «сурово остановилась перед ним». «Трудно рассказать, – пишет Гоголь, – что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна; и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз – вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего».

Другая деталь, характерная для той же минуты. На ней также следует остановиться. В этом же эпизоде Оксана «взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чув-

ство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах». Ещё несколько слов от Оксаны: «Да, парубки, вам ли чета я? Вы поглядите на меня, – продолжала хорошенькая кокетка, – как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это накопил мне отец мой, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!»

Почему же женщина или, как у нас с Оксаной, юная девчушка всегда так любит свою одежду и вправе ли мы здесь упрощать её интересы лишь к «внешним достоинствам», как это утверждает на страницах «Литературной России» другая женщина? Вряд ли. Так может быть, именно в этих словах и действиях проявляется то внутреннее, ещё не осознанное Оксаной, но всё возрастающее желание нравиться, и уже не зеркалу, а юноше(ам), покорять их своей красотой? Вряд ли нам нужны рассуждения на этот счёт, потому что жажда нравиться мужчинам сопровождает женщину на протяжении всей жизни. Даже поэтому не только телесная привлекательность девушки, но и красота её нарядов или украшений (совсем не обязательно дорогих) занимает столь важное место в жизни каждой представительницы прекрасного пола. Эти детали, назовём

их «сопутствующими», в любом из смыслов слова подчёркивают женское начало, усиливают внутреннюю энергетику, чувственность, сексуальность, красоту и грацию, повышают надежду на то, на что рассчитывает, наверное, каждая женщина: комплименты, знаки внимания, подарки, слова признания и заверения в любви.

Давно известно, что у юношей эротические компоненты чувств и мыслей проявляются и активнее, и раньше. Поэтому они всегда оценивают у девушки сначала внешние, сексуально привлекательные черты: красоту лица, гармонию фигуры и другие. Что же касается девушек, то у них опережающим является именно духовный компонент влечения. Потому и повышенная их чувствительность к оценке своей внешности другими людьми развивается и проявляется у девушек с самого раннего детства. В психолого-педагогической литературе отмечается, что в основе многих женских поступков лежит естественное качество женщины – стремление нравиться, что и «запускает» естественный «механизм» интереса к своей внешности у каждой из представительниц прекрасной половины человечества. Девочки всегда мечтают о любви. Поэтому их стремятся своевременно, а то и быстрее научить, как себя правильно вести, чтобы, сотрясаемые

вихрями гормональных бурь, их юные души и тела «на дистанции» физического, интеллектуального и эмоционального созревания правильно поняли себя и лучше подготовились к жизни. В казачьих семьях это достигалось через воспитание, соблюдение установленных обществом норм, правил и обычаев. К примеру, «смывали с дочурки заботы». Ритуал состоял в том, что родная и крёстная матери, тётки и старшие сёстры устраивали празднество помывки крошки. Отец был единственным мужчиной, кто допускался на этот праздник, и пока девочку купали, он съедал «отцовскую кашу»: горелую, пересоленную и совершенно несъедобную, чтобы его дочери в жизни горького оставалось меньше всего. Всегда отмечали «первый шаг». В раннем возрасте подарки на девочку всегда буквально сыпались: ленточки на первый бантик, гребёнку «на косу», «платок в церковь ходить». Девочку никогда не поднимали с постели до тех пор, пока она не выспится. Вместе с тем в семьях капризам девочек не потакали и обучали их тому, что они должны уметь как хозяйки. Быть может, именно так и воспитывалась Оксана? Правда, пример взят от кубанских казаков, а что было у запорожских – Гоголь не сообщает. Наверное, что-то было, ведь географически – это совсем рядом...

Конечно, Оксане льстило то, что кузнец так сильно её любит и готов выполнить любое её желание вплоть до того, что поднесёт «такие черевички, какие редкая панночка носит». Отсюда и возникают её шаловливые усложнения задачи – доставить «те самые, которые носит царица». Отсюда и её смешливое публичное объявление: «если кузнец Вакула принесёт те самые черевички, которые носит царица, то, вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж».

Из литературы мы знаем немало случаев испытания мужчин, как говорят юмористы, «коварно-кошачьими чарами женской натуры». Отвлечёмся на отдельные из примеров, которые находит в романтической поэзии Лермонтова и Жуковского и приводит нам журналист и писатель Андрей Яхонтов. «Незабудка», например, о том, как недостойная дама велела своему поклоннику лезть в болото за поразившим её своей красотой цветком, где бедняга и погиб. В «Перчатке» холодная прелестница велела рыцарю выйти на арену к тигру и льву. Рыцарь исполнил её каприз, остался жив, но после этого испытания наградил жестокою возлюбленную презрением, и только этикет не позволил ему швырнуть перчатку ей в лицо. В третьем случае дамочка уронила ожерелье в море и снарядила за ним кавалера. Тот ны-

рнул, достал и сообщил ей, что оно лежало в жемчужном гроте. Затем он был послан в пучину повторно – уже за жемчугом – и сгинул. «Навязчивая мания обличения негодяек женщин! – пишет А.Н. Яхонтов. – Откуда она, эта боязнь женских чар, чем продиктована?»

Действительно, откуда? У гоголевской Оксаны испытание другое, да и Оксана другая. Цель она видит совершенно точно, сердце ей тоже подсказывает, но характер не позволяет стать лёгкой «добычей» парубка, каким бы славным он ни был. В этом все черты молодой, красивой, острой на язык, весёлой и подвижной украинки. Вы, наверно, удивитесь, если прочтёте характеристику обозревателя «МК» Артура Гаспаряна, которую он дал на страницах газеты певице Наташе Королёвой. Удивитесь тому, как она нам напоминает гоголевских девушек-хуторянок, хотя написана статья в 2017 году. «Поначалу её (Королёву – Г.Д.) приняли в штыки, – пишет Гаспарян, – зло подтрунивали над разговором, борщом с пампушками, злились на весёлый нрав и самостийную строптивость – за словами девушка в карман не лезла...» и т. д. Как заметил один литератор, сейчас Украина переходит на ридну мову, что «дзвенить струмочком». Ручеёк Гоголя и звенит и журчит поэтическим ручейком на русском языке, который отлично и совершенно

мелодично передаёт всё великолепие и красоту «своих» прекрасных девушек и их характерных черт. Они во многом остаются традиционно и восхитительно неизменными на протяжении многих десятков и сотен лет, но от языка изложения, заметьте, ни в одной букве не теряют своего обаяния и красоты.

В одну из минут Вакулу охватило уныние. «Через эту глупую любовь я одурел совсем», – отчаивается юноша. Какое-то время он сомневается в своих возможностях. Он в полной прострации, практически уже одной ногой за красной чертой. «"...Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай, душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!" Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поровнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом: "Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете"».

«Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца, – пишет Гоголь, подробно раскрывая далее ту гамму чувств, которые переживает в себе девушка. – Уже внутри её что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? "Чего доброго? может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и

с досады станет называть её первую красавицею на селе. Но нет, он меня любит. Я так хороша! он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдёт минут десять, как он, верно, придёт поглядеть на меня. Я, в самом деле, сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя"».

Теперь она, как мы замечаем, уже совсем по-другому оценивает и слова кузнеца, и его терпение, и его отношение к ней. Вот как описывает этот напряжённый момент Гоголь: «Но что, если он в самом деле ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдётся такой молодец, как кузнец! Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый – и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от неё самой, она почти вслух бранила себя. То, приутихнув, решалась ни о чём не думать – и всё думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца».

Каждую строку Гоголя пронизывают внутренние душевные переживания девушки, которые во время церковной службы достигают наивысших пределов. Она уже не в силах была удержать себя в руках, не в силах улыбаться

или думать о чём-то постороннем. «Одна только Оксана стояла как будто не своя, – пишет Гоголь. – Молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Девчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец».

И вот после путешествия кузнеца на чёрте в столицу Оксана встречает парубка уже «с изумлением и радостью», да и на ценную царскую обувь реагирует обиденно просто и без всякого восторга. В черевичках она уже не видит того, что считала самым важным: «Нет! нет! мне не нужно черевичков! – говорила она, махая руками и не сводя с него очей, – я и без черевичков...» – Далее она не договорила и покраснела».

«Кузнец подошёл ближе, взял её за руку; красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуце загорелось, и она стала ещё лучше», – заключает Гоголь. В этом и состоит поэзия и правда жизни, и совершенно не удивительно, что лирический дух «Вечеров...» нашёл своё воплощение в операх наших выдающихся композиторов – Мусоргского, Римского-Корса-

кова, Чайковского. Ведь поэзия Гоголя – это та же музыка...

Крайне трудно обойтись без широкого цитирования финальной части повести. «Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, – пишет Николай Васильевич, – хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

– А чья это такая размалёванная хата? – спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

– Кузнеца Вакулы! – сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она».

Казалось бы, какие перемены могли произойти в Оксане? Что в ней изменилось? В девичестве она была сногшибательной красавицей, да и в замужестве, судя по тексту, выглядит выше всех похвал! Это – внешне. Внутренне она, конечно, помудрела. Женственность и материнскую красоту всего прежде теперь мы видим в образе этой молодой женщины. Нежность и чуткость, доброжелательность, приветливость и тактичность, сдержанность, гордость и обаяние, то есть качества, обусловленные успешным исполнением её и биологической, и социальной функций матери и верной жены, обозначенных в одной фразе Н.В. Гоголя. В ней и осознание Оксаной своей роли в семье, и её чуткость,

и умение общаться со старшими, и её красота, которую она теперь совсем по-другому понимает, ощущает и бережёт для себя и для других безо всякой оглядки на зеркала и наряды. Оксана представляет уже «другой» мир. Это особый мир чувств, обусловленных не капризами или девичьими мечтами и желаниями, а широчайшей гаммой радостных ощущений, восприятий, забот, переживаний и ответственности не только за себя, но и за свою семью. «Чему бы жизнь нас ни учила, а сердце верит в чудеса». Это уже не Н.В. Гоголь написал, а Ф.И. Тютчев. И счастье этой молодой пары, конечно, досталось не без чудес, на чём мы остановимся далее.

Так получился ли у Гоголя образ Оксаны? Вам решать... Ох уж этот Гоголь! Он всегда точно знал, что делал, и, конечно, «он (всегда – Г.Д.) больше сочувствовал народной жизни, чем придворной». Последние слова принадлежат А.И. Герцену...

Чертовская прелесть Солохи

Тонкая прелесть повести «Ночь перед Рождеством», как и её персонажей, уникальна. Происходящие в ней чудеса постоянно подталкивают нас к размышлениям над реальными и невероятными ситуациями, в кото-

рых оказываются её герои. Её волшебная необыкновенность в «фирменном» гоголевском переплетении фантастических событий с эпизодами, в действительность которых нам легко верится. Первые последовательно и гармонично сливаются с другими и образуют целостное поэтическое поле. Одна лишь эта особенность уже завлекает нас в сказочную атмосферу колорита, где оттеняемый фантастикой провинциальный быт избавляется от второстепенных подробностей и поэтизируется. Важно отметить, что Гоголь выступает здесь не фантазёром-выдумщиком, а прилично подготовленным этнографом, блестящим знатоком национальных глубинных обычаев и традиций, и это не случайно.

В его «Книге всякой всячины», например, мы находим такую запись: «Существует поверье, что ведьмы снимают и прячут звёзды». Описывая тот факт, что чёрту осталось погулять последнюю ночь, Гоголь снова придерживается фарватера фольклорных легенд, впрочем, как и тогда, когда на любовное свидание в хату Солохи он влетает сквозь печную трубу. Делясь с нами восторгами чёрта, поймавшего Вакулу, Гоголь попутно высказывает мнение о том, что «хромой чёрт, считавшийся между ними (чертями – Г.Д.) первым на выдумки», «будет беситься» от зависти. Как

оказывается, и эта деталь, касающаяся чёрта с внешними признаками инвалидности, взята не с потолка. В легендах хромой чёрт действительно «числится» среди своих коллег сверх-хитрым и профессионально наиболее подготовленным.

Фольклорная «реальность существования» чудес необыкновенно усиливает наш интерес к развитию событий, происходящих в эту святую ночь. Сохраняя совершенно серьёзный вид и ровную интонацию, Гоголь «без предупреждения» вводит в обстановку, в реальность существования которой мы уже успели поверить, совершенно непредвиденные повороты нереальных событий, в которые, однако, мы продолжаем верить! Наверное, в этом и кроется его сразу абсолютно незамечная изящная ирония. Думается, что понимание и этого вопроса для нас будет полезным применительно к осмыслению моральных и деловых качеств тех образов, которые мы здесь рассматриваем.

Кого же мы встречаем среди хуторянок Гоголя? Попробуем понять в общем. Прежде всего, это юные, неопытные, ищущие своего счастья и места в жизни девушки. Вторая группа – «бабы», которые прочно держат (или силятся удерживать) в руках своих недалёких мужей. Третий тип – мифологические ведьмы

и русалки, которые из быличек и легенд «являются» к нашим героям, в чём-то помогают им или, наоборот, мешают, но в любом случае влияют и на участников событий, и на принимаемые ими решения.

Яркой представительницей «коллектива» умудрённых жизненным опытом «дам» является неугомонная и вечно недовольная дородная Хивря из «Сорочинской ярмарки». В этой же компании состоит придирчивая свояченица (на самом деле – сожительница) сельского головы из «Майской ночи», сексуальная «говорливая и угодливая хозяйка» Солоха, непутёвая кумова жена, ревнивая дячиха, «баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом», управляющая любимым заведением Басаврюка – шинкарка, родная тётка Фомы Григорьевича. Некоторые из этих женщин у Н.В. Гоголя действительно «бабы», от которых их мужьям покой лишь только снится. Особенно заметно здесь преуспели кумова жена и свояченица головы. Первая наиболее заметных «результатов» добилась в потасовках со своим благоверным и в безобразном ведении хозяйства, а вторая – в беспредельной, хотя и обоснованной ревности и в преследованиях своего номенклатурного будто бы «своика» сельского головы, что хотел бы избавиться от её опеки и «свободнее... волочиться за

дивчатами». Замечательным потенциалом скандальных качеств обладает сожительница Черевика – Хавронья Никифоровна, небезразличная к «клубничке» и шопингу женщина, и простите, но уж точно – баба. Думается, нелишним будет заметить: почти все женщины в «Вечерах...» Н.В. Гоголя ускоряют развитие сюжетов, хотя многие из них смотрятся так, что и профессиональным ведьмам от зависти к ним в самый раз кусать локти и другие части тела.

«Последний день перед Рождеством прошёл, – пишет Гоголь. – Зимняя, ясная ночь поступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряжавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле».

Вряд ли кто-то запомнил, что «за рулём» метлы в ту рождественскую ночь восседала и уверенно управляла ею созданная гением

Гоголя прекрасная Солоха. Нет сомнений и в том, что портрет этой любвеобильной роковой женщины мог бы достойно украсить собой «Доску почёта» любого из заведений, как самого сомнительного профиля, так и самого необходимого и полезного людям. Это могло бы быть и предприятие общественного питания, и агентство виртуозов по работе с персоналом, и арендованная квартира для утех и развлечений.

По существу, наша чудная Солоха является всего лишь «вертепной бабой». Но возможно ли забыть, как сказали бы театралы, о прекрасно исполненной ею роли второго плана? Впрочем, почему второго? Многие считают, и мы присоединяемся к этому мнению, что этот образ затмевает и Екатерину II, несмотря на её исключительно высокое служебное положение и заслуги перед отечеством, и Оксану. Да и могли ли быть возможными происходящие в повести события без этой очаровательной женщины, хитрой ведьмы и щедрой хозяйки? Вряд ли. Всё же не черевички и не Оксана, а именно Солоха генерирует всё, что происходит на погрузившемся во тьму ночи хуторе. Читаешь о Солохе и думаешь: женщина или ведьма, ведьма или женщина? Кем бы она ни была, но где она выучилась? Где она прошла эти курсы разумной, мягкой

и эффективной стержовности? Где обучают женщин или ведьм так грамотно обращаться с мужчинами?

Отметим прежде, к чему вернёмся далее ещё не раз: Солоха была ого-го какая пикантная сельская дамочка. Эффектная, остроумная, наряжалась со вкусом, и поэтому многие мужчины села, причём самые заметные, как показали последующие события, представляли себя с ней рядом в самых смелых и откровенных фантазиях.

Почему писатель дал своей героине имя Солоха, мы не знаем, но и здесь уверены, как уже не раз убеждались, читая Гоголя, что у него случайностей не бывает. Одна из наших версий состоит в том, что её имя произошло от Софьи. Софья – это «мудрость», а ведьма изначально значит «ведающая», то есть это женщина, владеющая тайной мудростью. Возможен и тот вариант, что это имя происходит от Соломонида (по аналогии Александр – Александр, Виктор – Виктория). Иными словами, Гоголь мог воспользоваться женским вариантом имени Соломон. В этом случае у нас возникают ассоциации, связанные с образом царя Соломона, который по легендам известен своей величайшей мудростью и мистической властью над джиннами. Как видите, мы снова возвращаемся к мудрости и вновь наталки-

ваемся на тему владения опасными знаниями, которые как раз для «профессии» ведьмы, что естественно, являются обязательными. Власть над «джиннами», или над мужчинами, она имела безграничную, и в этом тоже никаких сомнений не возникает. Именно с ними Солоха закрутила вокруг себя такую воронку приключений, в которой и забурлили все события, произошедшие в повести.

Имя Солоха могло произойти и от Саломеи. Это тоже прекрасный и практически идеальный вариант для его использования. Саломеей звали падчерицу Ирода, когда-то исполнившую перед ним яркий и зажигательный танец семи покрывал. Из строк синоптических Евангелий известно, что танец юной Саломеи на праздновании дня рождения Ирода Антипы очаровал его так сильно, что он согласился выполнить любое её желание. И «добросовестно» сделал это для своей приёмной дочурки: Ирод организовал убийство пророка Иоанна Крестителя и доставку Саломее на блюде его головы. С тех пор это женское имя связывают с неудержимой демонической властью женщины над мужчинами, в чём Солоха, как мы знаем, не имела себе равных ни на одном из прилегающих к Диканьке хуторов Малороссии. Этого тоже явно достаточно, чтобы как минимум обратить внимание на такую версию.

К легендам и сказкам добавим самое простое предположение. Кроме имён собственных и производных от них существует слово «солоха» и в качестве имени нарицательного. Исходя из информации, изложенной В.И. Далем в словаре, «солохой» следует считать «неряху, нечёсаную девку, раскосмаченную», что к нашей аккуратной дамочке вроде бы уж ни с какого боку не подходит. Однако если поразмыслить и над этим вариантом, то, конечно же, вспомнится, что нечёсаную женщину нередко называют именно «ведьмой». Ведь распущенные волосы когда-то считались верхом проявления неприличия. Такая неряшливость не приветствовалась и вызывала пренебрежение к женщине. Здесь могло иметься в виду и «магическое» состояние волос, поскольку они растут не только при жизни человека, но и некоторое время после его смерти. Отсюда их «жизненная сила», которую можно освободить для совершения магических ритуалов при достижении каких-то целей. Распущенные и нечёсанные волосы – это и самая древняя «священная причёска», наиболее близкая к тому времени, когда человек только появился на земле. Эта версия также идеально подходит для осуществления магической практики. В.И. Даль пишет, что в некоторых губерниях солохой называли и русалку. Таким образом,

на чём бы мы ни остановились, что бы ни взяли, мы снова и снова возвращаемся в потусторонний мир, к роковой притягательности наделённой специальными знаниями женщины, к её губительной власти над мужчинами, что самым эффективным образом демонстрирует нам энергичная и раскрепощённая мама кузнеца – госпожа Солоха. Возможно, тут всего лишь наши фантазии. Пусть это будет ещё одним нашим мифом или домыслом, скучающим по своему развенчанию настоящими гоголеведами.

Во время чтения повести порой нам кажется, что Н.В. Гоголь не пишет, а рисует, и мы совершенно отчётливо видим всё происходящее и в Диканьке, и над ней, погружаясь всего-навсего лишь в строки из букв и знаков: «А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестели». Мы продолжаем читать, но мысленно уже представляем себе небо, и уже «вместе» с Гоголем замечаем ещё одно всё увеличивающееся «пятнышко». На подлёте сам чёрт: близорукий, с козлиной бородой, с небольшими рожками, с узенькой, нюхавшей всё подряд мордой, «что оканчи-

валась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком», с тонкими ножками, с хвостом и «не белее трубочиста». У него «последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей, – пишет Н.В. Гоголь. – Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу».

Как вы помните, мы подступаемся к образу Солохи, понимая, что ей, как и любой другой нормальной женщине, без мужчины жизни нет. Как только чёрту удалось украсть месяц, началось... «Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула, – пишет Гоголь. – Тут чёрт, подъехавши мелким бесом, подхватил её под руку и пустился нашёптывать на ухо то самое, что обыкновенно нашёптывают всему женскому роду». Ему хочется понравиться даме: кавалер «воображает себя красавцем», что в реальной жизни примерно так же и происходит у всех простых людей. Хотя что это за кавалер? На самом деле чёрт «мерзость мерзостью, однако ж, и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними». (Если у них «что-то было», то «нашёптывания» чёрта, вероятно, прелюдия.) Зная обольщающую силу Солохи, здесь можно додумать и выдвинуть любую

версию или остановиться на той, что вам ближе. Возможна даже такая постановка вопроса: что бы могло произойти в полной темноте между разнополюми существами после такого начала?.. Пускай каждый из читателей сам себе представит. Из дальнейших событий мы видим, что уже в хате Солохи чёрт ведь так и не утомился. Там он уже без всяких «затемнений» устремляет весь свой талант ухажёра на то, чтобы добиться физической близости с ведьмой, а может быть, даже и повторной близости, если в ночном небе у них что-то состоялось, но этого мы, конечно, не знаем...

А пока что эти чёртовы создания ещё в небе, мороз крепчает, чёрт мёрзнет, перепрыгивая с «одного копытца на другое». «Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки вверх, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу. Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франга в чулках, то немудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками».

Чтобы понять глубину взаимоотношений Солохи и её кавалера, снова обратимся к Николаю Васильевичу и продолжим читать его повествование. Уже в хате ведьма «вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездил на метле». Перед нами всплывает наполненный эротической энергией образ прекрасной женщины Солохи, которую только что мы воспринимали всего лишь ведьмой. Теперь чёрт «взялся» за Солоху ещё более активно и даже ультимативно. Вот как об этом пишет Н.В. Гоголь: «Чёрт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал её руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на всё: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. (Кстати, интересно, что здесь он угрожает пеклом, шантажирует им Солоху, а в «Сорочинской ярмарке» чёрта как раз выгнали из пекла за какие-то провинности, почему он и ударился в пьянство – Г.Д.) Солоха была не так жестока, притом же чёрт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые

обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но всё пошло иначе: чёрт только что представил своё требование, как вдруг послышался стук и голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чёрт влез в лежавший мешок». Досадно всем: чёрту – точно! Солохе – скорее всего. Читателям – наверное. Перед нашими глазами эротическая картина с неограниченными возможностями для её обзора в одно мгновение разваливается к чёрту, а её обрывки и обломки замирают в мешке...

Но события развиваются. И дальше перед нами разворачиваются новые курьёзы с другими поклонниками очарования Солохи и её мешков из-под угля. Вслед за чёртом к Солохе «в намерении провести вечер с нею» является сельский голова, но ввиду возникновения нештатной ситуации – мгновенно попадает в один из мешков. Следующим возникает дьяк Осип Никифорович, у которого как раз именно в тот вечер дьячиха, видно, засиделась у подруг, а её он боялся как огня. С появлением дьяка открываются новые волнующие обстоятельства и возможности для нашего наблюдения. На этом уже крепко потрёпанном жизню дамском и чуть ли не святом угоднике мы чуть остановимся, чтобы напомнить вам его акробатические кульбиты вокруг обольстительницы в изложении Н.В. Гоголя:

«Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство и самодовольствие:

– А что это у вас, великолепная Солоха? – И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

– Как что? Рука, Осип Никифорович! – отвечала Солоха.

– Гм! рука! хе! хе! хе! – произнёс сердечно довольный своим началом дьяк и прошёлся по комнате.

– А это что у вас, дражайшая Солоха? – произнёс он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив её слегка рукою за шею и таким же порядком отскочив назад.

– Будто не видите, Осип Никифорович! – отвечала Солоха. – Шея, а на шее монисто.

– Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! – и дьяк снова прошёлся по комнате, потирая руки.

– А это что у вас, несравненная Солоха?.. – Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба».

К сожалению дьяка Осипа Никифоровича, да и к нашему тоже, теперь уже отец Оксаны – Чуб притащился к Солохе совершенно некстати. Так мы потеряли ещё одну возможность ближе познакомиться с возможностями

этой обольстительной женщины – чертовки, так очередной форс-мажор вогнал теперь уже духовную особу в пустой мешок из-под угля.

Отец Оксаны обдумал цель своего визита к Солохе ещё по дороге к ней. План имел свои варианты продолжения и выглядел безупречно и взвешенно: «Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того будет можно...» Чего «того» – мы не знаем. Думаем, что хотел он явно чего-то приятного, взрослого и душевного от этой хваткой, хитрой, юркой, деловой и расчётливой хохлушки. Да и мало ли чего мог хотеть сильный и богатый одинокий мужчина в расцвете сил? Из содержания краткосрочного визита нам припоминается лишь «весёлая и значительная мина» на лице Чуба, а также его феерическая шутка, которая, впрочем, оказалась скорбной истиной: «"Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь!.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?" – И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностию Солохи». В общем, «внутренне торжествовал» он напрасно. Чуб погорячился, но угадал и сказал то, во что тогда ещё не верил. И лучше бы ему было тогда поверить в то, что он обозначил в своей

искромётной шутке. Шутка обернулась Чубу такой же изоляцией, которой «добились» трое его предшественников, а потому и отцу Оксаны нашлось место, правда, всего лишь в одном из мешков. С козаком Касьяном Свербыгузом Солоха поступила всего проще: вывела «в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить» – и распрощалась, так как после неудачного разговора с амбициозной Оксаной домой уже вернулся её сын Вакула.

Из повести мы узнаём, что Солохе «от роду не больше сорока лет». Что она «ни хороша, ни дурна собою», но в совершенстве владеет всеми формами и методами бесовского наваждения. Гоголь пишет: «Она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым не мешаешь, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать (а это, как мы видим, одна из реперных точек её чести – Г.Д.), она умела искусно обходиться с ними». Так мы познакомились с разбитной (по словарю Ушакова – бойкой, весёлой, ловкой и расторопной, развязной) тётенькой в пьянящем соку и в теле, ничуть не уступающем другим хуторянкам её возраста. Без натяжки добавим, что это сообразительная и неглупая

женщина, коммуникабельная, свойская, шустрая, обладающая многогранными талантами и шармом. Это женщина с большой притягательной силой, хотя о её внешности Гоголь как раз говорит, что в ней нет ничего особенного. Это женщина завидной интуиции и хитро управляемой душевности, обладающая высочайшим мастерством обольщения. Вместе с тем – это незамужняя женщина, так что бог ей судья и в этом деле, хотя ведьме вроде бы этого и не скажешь.

Солоха располагает редкостным даром виртуозно реагировать на резкие изменения обстановки. Случай с её гостями и с мешками в рождественскую ночь – тому подтверждение, хотя в минуту, когда Вакула вернулся домой, «Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая», что отмечает Гоголь. Может быть, в тот миг она как раз подумала о личном примере матери перед сыном? А может быть, и сын своим внезапным появлением сорвал её планы по определению «судьбы» мешков, которую она к тому времени уже наметила своими колдовскими манипуляциями или женской хитростью. А в ту секунду она живо взяла себя в руки и откорректировала свои действия. Да что там говорить, если она и раньше дело вела так, что никому из её обожателей «и в ум не приходило, что у него есть соперник»!

Солоха – женщина бальзаковского возраста. На этот период приходится пик расцвета женской красоты и эротичности. И вряд ли стоит оспаривать тот факт, что столь харизматический литературный образ совершенно невозможно забыть даже многие годы спустя после прочтения повести «Ночь перед Рождеством». Он не только запоминающийся и яркий, но и симпатичный, хотя кого-то из наших читателей такая оценка возмутит.

Конечно, образцом добродетели Солоху не назовёшь, но, согласитесь, ведь она очаровывает нас не меньше, а может быть, и больше её молодой и красивой односельчанки, потенциальной невестки – девицы Оксаны. И говорим мы об этом, невзирая на то, что критики и литературоведы характеризуют Солоху преимущественно негативно. Её оппоненты и недоброжелатели от литературы всегда пишут о хитрости Солохи, о её расчётливости, лицемерии и готовности к совершению неблагоприятных действий ради удовлетворения своих меркантильных, а может быть, и сексуальных – но мы этого не утверждаем – фантазий. Чаще всего их внимание обращено на стремление Солохи ориентироваться на обеспеченных ухажёров, где её выбор устремляется на самого богатого из них – казака Чуба; её цель – прибрать его хозяйство к рукам.

Отец Оксаны – Чуб действительно мужчина богатый. У него во всём достаток – скот, птица, «много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха». (Солоха, кстати, тоже «щеголиха», тоже модница, что подмечает Гоголь.) Всё имущество Чуба Солоха действительно «находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки». Поэтому она и пеклась о том, чтобы «сын её Вакула не подъехал к его (Чуба – Г.Д.) дочери и не успел прибрать всего себе». Для этого «она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом», – пишет Гоголь. Отметим, что с этой задачей длительное время она справлялась блестяще, хотя в результате потерпела поражение. Победила молодость, хотя и не без участия нечистой силы.

Простейшим объяснением общительности и авторитета Солохи среди мужчин могло бы послужить то, что она ведьма. Да и встретили мы её впервые именно при исполнении «служебных» обязанностей верхом на метле. Потом кто-то замечал у неё хвост, кто-то видел её в образе чёрной кошки или свиньи, кричавшей петухом, а кто-то – даже и в одной рубашке «с распущенною косою». Об этом

ниже скажем подробнее. А пока предположим, что талант приворота к себе мужчин и другие таланты у Солохи могли образоваться «по должности», хотя казаки в это и не верили. А вот женщины не только охотно верили, но и завидовали ей. Ещё бы! Ведь Солоха не только «любила видеть волочившуюся за собою толпу» мужчин, но и легко такие толпы собирала. И кто же из прекрасного пола мог бы сказать, что такое внимание ей безразлично?

В то же время приятная женщина Солоха всё же хоть и ведьма, но скорее всё-таки ведьмочка, потому что не злая и не вредная. Наверное, это требует информации об уровне её профессиональной подготовки в области «прикладной ведьмовщины». Итак, Солоха выглядит благопристойной и угодливой хозяйкой, милой и привлекательной женщиной, пользующейся огромным авторитетом у «нормальных» мужчин. Она же: профессиональная фурия и неизменная подруга чёрта в амурных делах и его подельница на «производстве». Солоху-женщину односельчанки не любят. Да и как бы они могли любить столь яркую и хитроумную соперницу в борьбе за лучших мужчин хутора? Колдуньей Солоха предстаёт и в бытовых пересудах подвыпивших хуторянок. Н.В. Гоголь нам сообщает, как «кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали

вали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма...»

Самые серьёзные аргументы в связи с её ведьмачеством приводят такие маргинальные личности, как парубок Кизяколупенко и «коровий пастух Тымиш Коростявый». Начнём с последнего. Однажды Тымиш лично видел Солоху в хлеву в полубнажённом и неприглядном для порядочной женщины в тогдашнем понимании виде («с распущенною косою, в одной рубашке»). Это выглядело эротично, но и страшно для него. Дело было летом, когда, как считают специалисты, сексуальные влечения у молодых людей, как правило, обострены. Тымиш, что они утверждают, не имел возможностей для реализации своих фантазий подобного рода. Во-первых, он не мог этого сделать, то-есть добиться хотя бы короткой физической любви от девушки или женщины, ввиду своего крайне низкого социального статуса (пастух). Во-вторых, на этом хуторе он был чужаком, а потому девушки к нему относились с большой настороженностью. В-третьих, у него имелись явно выраженные физические дефекты (коростявый). В том случае Солоха (в образе ведьмы) принялась доить корову, что уже само по себе (оттягивание вымени) имеет сексуальное значение. А. Звездин считает, что в инфантильных фан-

тазиях людей вымя животных отождествляется одновременно и с грудью, и с женскими половыми органами. В ту минуту, как предполагает А. Звездин, полусонное сознание Тымиша могло вызвать именно такие представления. И если так, то вполне понятно, и это отмечает Гоголь, что Тымиш уже никак «не мог пошевелиться». Он находился в полном оцепенении, что особенно характерно для психически нездоровых людей. А в довершение всего у пастуха ещё и возникли противные ему вкусовые галлюцинации. Ведь в конце встречи ведьма «помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день».

Кизяколупенко утверждал, что видел у Солохи «сзади хвост величиною не более бабьего веретена». Если допустить, что Кизяколупенко не ошибся, то можно утверждать, что Солоха – родимая, а не учёная ведьма. Этим и объясняется её «специализация» приносить людям больше добра, чем неудобств и трудностей. А то, что она среди людей стремится только к мужчинам, выглядит совершенно естественным и логичным для любой нормальной женщины и является одним из источников такого её куража и энергетики.

Следовало бы нам остановиться и на технологии полётов Солохи. Как вы помните, она

взлетала через трубу вместе с дымом. О чём Николай Васильевич Гоголь здесь не сказал? В известных нам верованиях перед вылетом на Лысую гору через трубу ведьмы прежде всего натирают себе подмышки отваром ведмских трав (растений из знахарской ботаники). То есть Солоха в тот раз должна была вначале подготовить себе некий отвар, сделать «макияж» подмышек и лишь потом, в облаке наркотических или иных паров, вылетать для сбора звёзд и выполнения других не менее важных своих задач. Но ведьма летала не на шабаш, она выполняла «обычные» повседневные обязанности. Может, поэтому Н.В. Гоголь и пропускает важнейший этап её подготовки к вылету? Думается, что если бы гоголевское перо прошло и по фармацевтической практике Солохи, мы имели бы ещё один изумительный факт о её колдовских талантах. Гоголь этот момент упустил, но мы ведь помним, что Тымишу наша симпатичная, витальная, астральная или какая угодно ведьмочка губы каким-то зельем намазала. Значит и талантом этим она обладала!

Ещё одна деталь. Солоха, как нам известно, «была тепло одета» и собирала звёзды в рукав. Однако, по народным представлениям, ведьмы чаще всего вылетают «на задания» в обнажённом виде. Правда, здесь тоже больше гово-

рится об их вылетах на шабаш, да и формула «чаще всего» предполагает и другие варианты. Например, «реже всего» ведьмы вылетают одетыми, и тогда получается, что в тот день у Солохи был как раз тот редкий случай. В качестве объяснения того вылета Солохи, что показан автором повести, отметим состояние погоды. В обнажённом виде ей было бы, конечно, лучше покрасоваться в ночном летнем небе на Купалу, сложнее – в дни встречи весны, а в зимние святки полёт без одежды мог бы закончиться и досрочно: с ОРЗ и больничным листом, например, как вариант...

Где же Солоха могла хранить звёзды? «Скоро ведьма набрала их полный рукав», – сообщает нам Н.В. Тоголь о начале её «работы». Мало того, что ведьма обладает способностями красть звёзды, о чём известно по сюжетам украинских фольклорных преданий, но ведь Солоха и собирает их не сразу, а постепенно. Кроме того, её власть распространяется даже на падающие звёзды! «Народ рассказывает о падающих звёздах, что их крадут ведьмы и прячут в крынки. Больше всего звёзд крадут ведьмы на праздник Коляды и Купала; часто они тогда крадут и месяц, а если иногда выпустят какую-нибудь звезду, то ловят её плахтою», – проясняет нам уже проверенную «методику» и «практику» их работы И.С. Нечуй-Левицкий в

«Мировоззрении украинского народа». Мотив повествования Н.В. Тоголя безукоризненно сказочный. Автор ничего не пишет о том, где бы Солоха могла хранить украденные звёзды. Однако нам известно, что все ночные светила (и звёзды, и месяц) Солоха с чёртом привезли к ней домой. (Ведь по пути к ней они нигде не останавливались?) Объясняя порядок хранения добытых непосильным трудом звёзд на мифологическом уровне, следовало бы считать хату Солохи апокалиптической темницей света. Но её уютный, тёплый и чистый офис – разве похож на темницу? Да и события, которые развивались в её хате, ни в коем случае не являются ужасными, а напротив – они добросердечные, благодушные, романтические, радушные и хлебосольные. (Конечно, не сами события, а их характер.) Возникающее там напряжение исходило не от Солохи, а от её гостей и, как можно было бы сказать, от бессистемности в посещениях или от отсутствия графика визитов.

Забавно выглядят взаимоотношения ведьмы с чёртом. Из гоголевских строк следует, что Солоха имела не полное, а частичное отрицание веры, так как в праздничные дни посещала церковь, хотя некоторые правила пребывания в ней игнорировала. В данном случае Солоха, как и любая другая ведьма, должна

была бы иметь действующее соглашение с дьяволом, где бы ей предписывалось делать нечто несовместимое с церковными правилами. И можно допустить, что в соглашении с дьяволом посещать церковь ей разрешалось, но требовалось стоять строго не в том месте, которое отводилось для женщин. Или, например, в соглашении было указано, что в ночь перед Рождеством требуется накормить скоромной пищей и напоить водкой как можно больше верующих, или о том, что на исповеди нужно обязательно скрывать свои правонарушения... Н.В. Гоголь ведь отмечает, что в ту святую ночь Солоха намеревалась угощать своих потенциальных гостей без всяких ограничений в меню, да и сами гости на это надеялись, зная её гостеприимство и кулинарное мастерство. Никто из них, включая дьячка, не переживал о возможных нарушениях христианских правил, а напротив, представлял себе всю полноту сытного стола. Кто же из них больше виноват в том, что непристойные посиделки с возлияниями могли бы состояться в период самого строго поста в рождественский сочельник? Кто бы здесь больше нагрешил: дьяк, например, или Солоха?

Ещё одна «претензия» к ней состоит в несоблюдении ею установленных норм и правил приличия в церкви. Вот как показывает нам

Гоголь в «Ночи перед Рождеством» расположение поселян: «впереди всех стояли дворяне и простые мужики», за ними «дворянки», а «пожилые женщины... крестились у самого входа». Девчата же, «у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов», старались вопреки этому порядку «пробраться... ближе к иконостасу». Однажды Н.В. Гоголь, имея в виду поведение прихожан в церкви во время богослужения, в разговоре заметил: «Женщинам запрещено становиться вперёд, и дело; поневоле развлечёшься». «Это замечание многое проясняет в замысле "Ночи перед Рождеством", – подчёркивает эксперт Института мировой литературы РАН И.В. Виноградов. – В традиционном украинском деревянном трёхчастном храме, который изображается в повести, – продолжает он, – женщины становились в дальней от алтаря части, которая называлась поэтому "бабинец"». По толкованию И. Войцеховича, одного из первых собирателей слов «малороссийского наречия» в XIX веке, «бабинец – притвор в церкви; место для женщин. От слова баба». Это слово имеется и в гоголевском «Лексиконе малороссийском»: «Бабинец, паперть».

Таким образом, мы отмечаем, что сельские девушки вели себя ничуть не лучше Солохи. Очевидно, что это можно объяснить их моло-

достью, неопытностью или даже глупостью, но больше всего, конечно, желанием покрасоваться перед парубками, и тут – «поневоле развлечёшься». В качестве подтверждения наших слов вспомним «хорошенькую кокетку» Оксану и её кредо: «...Парубки... поглядите на меня... у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове!.. Всё это накопил мне отец мой... чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!»

Да, а о том, как выглядела в церкви Солоха, мы так и не сказали. Там её поведение совпадало с девчачьим озорством. Солоха, которой следовало бы стоять в храме «у самого входа», «надевши яркую плахту» и «синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы», становилась впереди всех – «прямо близ правого крылоса». По этой причине дьяк «закашливался и прищурился невольно в ту сторону глаза...» («из читаемой им книги», добавлял Н.В. Гоголь в черновой редакции повести). В таком случае прельщённому богослужителю следовало бы особенно хорошо помнить трёхпесенный канон из Триоди Цветной: «Рассеянный мой ум собери, Господи...», что точно отражает сложившаяся ситуация. Заметим, что и дьяк в повести выведен Н.В. Гоголем с весьма неустойчивой духовностью и трепещущей человеческой виновенностью, находящихся в состоянии осознава-

емого конфликта плотского и возвышенного. Как он служил и верил, если постоянно обманывал свою супружницу дьячиху или забавлялся на вечеринках в компаниях во время самого строгого поста? Бог его знает... Только для нас благодаря Гоголю как раз это и не является великой тайной...

По нашему представлению, Солоха меньше всего заслуживает упреков и в отношении к Богу, и в поведении во время службы. При чём же здесь Бог, если Солоха в церкви представляет нечистую силу? Да и любовник у неё чёрт, для которого кузнец Вакула «был противнее проповедей отца Кондрата» из-за его художеств на стенах храма! Напомним, что «торжеством его искусства» была карикатура именно на чёрта. А замысел чёрта со звёздами состоял именно в том, чтобы сорвать свидание Вакулы с Оксаной и отомстить «художнику». Правда, этот замысел нам не совсем ясен. Ведь если бы Вакула не пошёл к Оксане, так и чёрт не попал бы к Солохе!?! Но Солоха не только ведьма! Ведь она ещё исполняет и роль женщины, причём незамужней. Она стремится преподнести себя перед мужской частью сельского общества в самом лучшем свете. Она старается выгодно показать себя прежде всего перед состоятельным отцом Оксаны! Не случайно в том эпизоде, когда стало проясняться содер-

жимое мешков, Чуб не смог сдержать своих эмоций: «...проклятая баба!», а если «поглядеть на неё: как святая, как будто и скромного никогда не брала в рот».

Солоха живёт надеждами. И неважно, меркантильные они или нет. Её устремления мало чем отличаются от стараний молодых, ещё нецелованных девушек: лучше всех принарядиться и «пробраться... ближе к иконостасу». Кстати, и у каждой из юных прелестниц тоже ведь своё на уме было. Вряд ли они в те минуты мечтали о том, чтобы выйти замуж за сироту или Тымиша Коростявого.

За черевичками для Оксаны Вакула летал в Петербург. «Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен, – пишет Гоголь. – Всё было видно; и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма...»

Метла возвращалась с перевозок порожняком. Но где же в тот миг была душа Солохи, а где находилось её тело? Или всё оставалось «в комплекте»? Во взлёте-посадке через трубу

точно отражён традиционный для мифологических представлений о ведьмах старт-финиш. Вместе с тем заметим, что в подобных круизах участвуют одни лишь души ведьм, в то время как их телам надлежит находиться дома. У Гоголя летает как бы даже не призрачная ведьма, а женщина во плоти, но грань между мирами всё равно проходит через дымоход. И хотя Солоха вполне напоминает нам «настоящую», «кадровую» ведьму, она совершенно не злобная и не отчаянно вредная особа. Её, как и чёрта, можно вполне отнести к тем образам, которые местами дедемонизируются и тут же проявляют хорошо знакомые нам человеческие качества. Вспомним строку из Гоголя: «"Правда ли, что твоя мать ведьма?" – произнесла Оксана и засмеялась». «Так действительно можно спросить, – замечает Ю.В. Манн, – но не о сверхъестественном существе, а самое большое – о скверном соседе». Так удалось ли Гоголю в случае с Солохой создать женский образ? Мы считаем, что ему удалось это сделать блестяще, а вы для себя решите сами. Второй вопрос более сложен. Если у Солохи как у настоящей ведьмы на метле улетала на промысел лишь душа, а тело оставалось дома, то кем её считать? Душевной ведьмой в небе или бездушной сексуально озабоченной женщиной, способной

предложить своё тело из физиологических или только лишь из корыстных побуждений дома? Читая Гоголя, мы убеждаемся многократно: как женщины, так и ведьмы – существа, обладающие совершенно разными букетами своих неповторимых качеств и особенностей: цветов, красок, оттенков, запахов... Ясно, что взгляд посетителей Солохи на неё, на эту женщину-ведьму, постоянно сочился тестостероном и химическими флюидами возбуждения.

Впрочем, может быть, есть и третий вариант?

Существовали ли половые связи у Солохи с чёртом? Чем обусловлено время их общения и как ведьма отдавалась инкубу? (Инкуб – в средневековых легендах распутный демон, ищущий сексуальных связей с женщинами.) Сопровождались ли их половые связи излиянием семени и могла ли Солоха испытывать во время такого рода встреч наслаждение? Попытаемся понять это с позиции мистической «практики». Если говорить о времени сношений ведьмы с чёртом, хотя данного факта в тексте мы не видим, но знаем, что рогатый был настроен по всей форме, то всё это происходит в святые дни. Чёрт «не на шутку разнежился у Солохи: целовал её руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за

сердце, охал...» и весьма талантливо подражал действиям людей при следовании аналогичного рода целям. Конечно, это противоречит его зооморфному облику. (Его узенькая «мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком» и т. п.) Здесь Н.В. Гоголем даётся «портрет» не инкуба-обольстителя, а нечистого с дьявольского шабаша. Но «наш» чёрт твёрдо надеялся, что Солоха «согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить». Следовательно, Гоголь допускает плотскую связь ведьмы с этим чёртом, что свидетельствует о верности наших предположений. В то же время он обрывает развитие событий и определяет «проворному чёрту» место в мешке. По всей видимости, автор не знал, как изобразить соитие ведьмы с чёртом, так как в фольклоре его описания нет.

Чтобы понять, «контактировал» ли чёрт с Солохой с излиянием семени или без, нам необходимо знать, способна ли она к зачатию. Из текста следует, что Солоха, вдовушка сорока лет. В описываемое автором время такой возраст фактически относил Солоху к той группе женщин, которые детей уже не рожают. Солоха уже бесплодна. А «если же она бесплодна, то он (дьявол – Г.Д.) приходит к ней, чтобы доставить ей удовольствие; если же она способна к зачатию и он может легко достать излитое

каким-либо мужчиной семя, то он немедленно отправляется к ней, чтобы передать ей плод» (Шпренгер Я., Инститорис Г. «Молот ведьм»). Таким образом, можно считать, что чёрт посещает Солоху с той целью, чтобы доставить удовольствие и себе и ей. Во всяком случае, не для того же, чтобы ввести в грех свою многогрешную партнёршу.

Трудно не присоединиться к оценке психоаналитика С.И. Выгонского. «Солоха – вечная женственность, готовая ответить "да" чуть ли не каждому мужчине», – пишет он. И уточняет: «Гоголь представлял Солоху мастерицей "крутить динамо", вполне себе на уме расчётливой дамой». И хотя здесь содержится очевидный разрыв между возможными событиями, между словом «да» и словосочетанием «крутить динамо», на ум приходит и то и другое, что делает эту интересную женщину ещё более загадочной. Как и полагается особе её типа и «ремесла», она так же в совершенстве владеет искусством обольщения, как и мастерством управления метлой в полёте. Логично, что Солоха лицемерна, но она и обаятельна, иначе бы чёрт не обвинял её в отсутствии страсти. Чёрт у неё, по-видимому, всё же первейший любовник, это любовник №1. Он «изначальный творческий хаос», – пишет С.И. Выгонский, – неоднозначный негативный импульс,

требующий обуздания, некая скрытая потенция. Думается, что чёрт воплощает и сексуальность, раз столь активно "подкатывал" к Солохе» и прямолинейно требовал «удовлетворения его страсти».

Позволим себе лишь несколько слов в защиту Солохи от С.И. Выгонского, от его «логичности» в том, что женщина «лицемерна». Отметим ещё раз: это незамужняя женщина, и лицемерие в её отношении к мужчинам, вероятно, не совсем та оценка, которой Солоха заслуживает. Скорее всего, дело обстоит так, что Солоха совершенно искренне и естественно относится ко всем мужчинам как к мужчинам. У неё открываются возможности «воспользоваться» мужчиной в том или ином случае, что она и делает тогда, когда возникает вполне естественная потребность в этом или удобный для неё случай. Ведь она ничем не рискует и никому не подотчётна. В этом её широкие возможности в удовлетворении физиологических потребностей, а вовсе не лицемерие.

Уникальность и красота образа Солохи в этом и состоят. Гоголь рассказал о ней так, как никто бы этого сделать в то время не сумел. Что мы знаем, что помним о ней? Да всё. Конечно, её общительность, приветливость, щедрость, гостеприимство, отношение к мужчинам, её

одежду. Ножки, грудь, талию и всё остальное – знаем, но на уровне предположений... Однако эти «предположения» крутят всей элитой хутора. Как такое может быть? Как можно написать так об этой женщине-ведьме? Впору задуматься и ещё раз вспомнить, что это написал Гоголь!

В дьявольской «практике» чёрт со специализацией инкуба всегда использует семя, добытое исключительно у преступных мужчин, учитывая его силу и благоприятное расположение созвездий. (Этот вопрос мы уже частью затрагивали.) В таких случаях дети становятся обязательно рослыми, сильными и преданными дьяволу со дня их рождения. Следуя этой логике, «силач и детина хоть куда» Вакула, побывавший верхом на чёрте в Петербурге, вполне мог быть плодом ведьмы и демона. Кроме того, в столице Вакула выполняет, по существу, дьявольскую задачу. Во время встречи запорожской делегации с царицей, вместо того чтобы поддержать коллективное казачье прошение о сохранении вольницы, он выпрашивает у неё черевички, что делается им исключительно в личных интересах. Это подозрение можно усилить словами Чуба, который говорил Солохе, что её сын «выродок проклятый». Или словами девчат, нашедших мешки с гостями Солохи: «Смотрите, какие страшные

мешки. Он (Вакула – Г.Д.) не по-нашему наколядовал». Впрочем, о чертовщине достаточно. Здесь мы остановимся. Скажем лишь одно: «Господи! Царица Небесная! Как жаль Оксану, если в Вакуле когда-то проснётся чёрт! Спаси и сохрани её!»

Напомним то, что вы и так помните. Гоголь подчёркивает ещё одно достоинство нашей героини. И «как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаной вареников и не поболтать в тёплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой», – передаёт он мнение её постоянных гостей. Этот момент мы уже упоминали, как прямо, так и косвенно. А сейчас вспомнили, чтобы добавить ещё несколько слов об одной женщине из той же повести. Это уже другой образ – жены «худощавого кума», который в рождественскую ночь обнаружил и вместе с ткачом Остапом Шапуваленко приволок домой мешки с «клиентами» Солохи.

Прочтите, как она выглядит в строках великого мастера. «Кумова жена была такого рода сокровище, каких немало на белом свете, – пишет Н.В. Гоголь. – Так же как и её муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда.

Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякий выходивший из дому никогда не брал палки для собак в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Всё, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подалее от своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если он не успевал её пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях». В довершение портрета отметим, что в тот день эта женщина встретила принесённые в хату мешки «с радостью ястреба».

Какой контраст! И в чью он пользу? Кумова жена не ведьма, но разве она по жизни не настоящая ведьма? Гоголь намеренно представляет читателям Солоху и в сиянии, и в слиянии фантастики с реальностью. При этом он изображает её одновременно и ловкой сельской «аппетитной» бабой, и успешно заигрывающей с чёртом ведьмой, и оболстительной умелой любовницей, когда дело доходит до

страстных порывов местного дьячка. Солоха нас нигде и не пугает, и не отталкивает. В этой литературной героине даже её измены, обман и корысть воспринимаются со сказочной лёгкостью и великодушно прощаются. У Николая Васильевича Гоголя она изображена с лукавой, но не злой насмешкой, благодаря чему фантастика воспринимается как условный гротеск и время от времени перерастает в житейскую комедию.

Стоит отметить, что у Гоголя очень часто в одном и том же произведении или цикле можно увидеть фигуру, полярно противоположную отрицательной. В «Сорочинской ярмарке» Хивре противостоит Параска, в «Ночи перед Рождеством» Солохе – Оксана, а наряду с дамами города NN нам встречается трогательная и наивная институтка, о которой даже прожжённый плут Павел Иванович Чичиков говорит: «Она теперь как дитя, всё в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеётся, где захочет засмеяться».

Гоголь был человеком необычным, и не только биографически, но и творчески. Он многое нам рассказал и о жизни, и о женщинах. И правильно сделал, ведь до этого о существовании Солохи или Оксаны мы точно ничего не знали. Если бы кто-то о них и знал, то уж так, как это сумел сделать Н.В. Гоголь, никогда

бы нам не рассказал. Екатерину Великую у Николая Васильевича мы тоже увидели по-другому, может быть, не такой уж и великой, какой должна быть е. и. в.

Александр Сергеевич Пушкин в «Евгении Онегине» писал: «Люблю я бешеную младость, // И тесноту, и блеск, и радость, // И дам обдуманый наряд; // Люблю их ножки; только вряд // Найдёте вы в России целой // Три пары стройных женских ног. // Ах! долго я забыть не мог...» Наверное, он ошибся, ведь ровно «три пары стройных женских ног» мы нашли в одной небольшой повести Гоголя. Эта повесть создана юношей, который тогда едва лишь перешагнул рубеж своего двадцатилетия... И, наверное, ошибка Пушкина закономерна. Ведь в «Литературных мечтаниях», написанных вскоре после этого – в 1835 году, В.Г. Белинский уже объявил Гоголя «главою литературы, главою поэтов» и поставил его на место, оставленное Пушкиным...

ГЛАВА II. В ПРЕДВКУШЕНИИ СЧАСТЬЯ

Две повести Н.В. Гоголя – «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь» объединяет восхитительная поэзия, вспыхнувшая и разгоревшаяся между юными сердцами и душами любовь, её страсть и её торжество. Но есть в этих историях и нешуточные препятствия на пути юных сердец, предвкушающих бесконечное счастье от многообещающего похода по жизни. Конечно, «механизмы» и «принципы» действия этих искусственно созданных преград имеют свои конструктивные различия и особенности, но в них есть и определённая схожесть, что проявляется в негативном влиянии на психику и внутреннее самочувствие молодых семей. Здесь подтверждается истина: человеку за всё надо бороться. Мы не знаем, рассматривались ли эти повести в столь тесном «соседстве», и самостоятельно решили, что такой вариант в минуты знакомства с влюблёнными и любимыми, с весело пританцовывающими и безумно приторговывающими участниками этих событий – возмо-

жен, допустим и вполне оправдан, особенно в нашем случае. В случае, когда читатель, как это сейчас делает автор настоящих строк, прикинувшись писателем, делится с вами исключительно личными впечатлениями. Если любой художник имеет право на свою раскраску и на свою интерпретацию, то у кого же простому люду спрашивать разрешения на изложение своего понимания прочитанного?

«Сорочинская ярмарка» – это первая любовь и это первая повесть сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь мелодия любви звучит в каждой строке, начиная с пейзажа, очарование которым не оставляет нам ни малейшего желания отвести взгляд от воздушных строк Н.В. Гоголя. В них слышится дыхание счастливой влюблённости, где небо влюблено в землю, а земля – в небо, где все нежно и страстно целуются и любят друг друга. Здесь сама природа – безбрежный простор счастья – вещает нам о том, что оно есть, оно возможно, но его надо увидеть, его надо понять, его надо беречь. Эту повесть В.Г. Белинский называл порождением лёгкой и светлой юношеской фантазии, весёлой песней на пиру ещё неизведанной жизни. Она хорошо напоминает с детских лет известную каждому из нас «золушку», где избавление

прекрасной девушки от семейного деспотизма исполняется силой всепобеждающей любви. Эту повесть почитатели творчества Гоголя по праву называют самым светлым произведением сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Читайте вы его "Майскую ночь", – пишет В.Г. Белинский уже о другой повести, о другой истории из череды тех увлекательных событий, что произошли на одном из хуторов близ Диканьки, – читайте её в зимний вечер у пылающего камелька, и вы забудете о зиме с её морозами и метелями; вам будет чудиться эта светлая, прозрачная ночь благословенного юга, полная чудес и тайн; вам будет чудиться эта юная, бледная красавица, жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище с одним растворённым окном, это пустынное озеро, на тихих водах которого играют лучи месяца, на зелёных берегах которого пляшут вереницы бесплотных красавиц...»

В этой главе мы рассматриваем две повести, а в её начале дважды ссылаемся на Белинского, но это ничего. В тот период Виссарион Григорьевич был ещё в большом восторге от Гоголя. Их пути разошлись значительно позже, но совсем не из-за хуторов, а тем более не из-за граждан, их населяющих...

С лёгкой усмешкой на алых губках

В отличие от полюбившейся нам с детства «Золушки» в повести «Сорочинская ярмарка» нет завистливых сестёр и детективных поисков невесты по размеру обуви. Здесь свой детектив, но сказочные персонажи почти те же, что и в «Золушке», и по их роли в складывающейся ситуации, и по их вкладу в развитие сюжета. В повести героев раз, два и обчёлся, все на виду – все наперечёт. Интересная сельская девочка, её слабохарактерный отец, самовлюблённая недобрая молодящаяся мачеха. Роль влюблённого Принца за парубком Грицько, а лукавый цыган исполняемыми задачами вполне напоминает нам добрую Фею с некоторыми особенностями в стиле работы и, конечно, принадлежностью к иному полу. Здесь нет балов, но есть ярмарка, а в сказочную фантастику вкрапляется не чудо, а театральнo-балаганный розыгрыш. Он смоделирован цыганом, для которого, однако, главной составляющей является доход от постановки спектакля. Компенсация расходов «по факту выполненных работ» или оплата труда – забота влюблённого юноши (Принца). Финал повести завлекает нас в сферу философской медитации и счастья молодой пары от сбыв-

шейся мечты. Особенности сюжета и в том, что его развитие происходит благодаря инициативе юноши. Цыган (Фея) покровительствует Золушке – Параске, а помогает «заказчику услуг» – жениху Грицьку. Суть его участия состоит в действиях по нейтрализации Хавроньи Никифоровны, бесподобной по характеру и уровню подобию образам различных литературных мачех и многих других женщин, почувствовавших вдруг, что педали газа и тормоза в реализации любых решений принадлежат им.

При чтении «Сорочинской ярмарки» нам хорошо припоминается и лейтмотив «Алых парусов» А.С. Грина, у которого доминантой развития выступает рукотворное чудо, умело организованное Грэем. Там, как и в гоголевских Сорочинцах, сначала излагается легенда (корабль под алыми парусами/красная свитка), затем происходит превращение сказочной мечты в счастливую реальность. Для людей одинаково иррациональны, таинственны и непостижимы и алые паруса, и лоскуты красной свитки, что и приводит их к тому ужасу, который в Сорочинцах, например, драматично перерастает в форменную неразбериху и нешуточную панику для тех, кто оказался не посвящён в сюжет «спектакля», исполненного цыганами. Финалы

обоих произведений наполнены радостью осуществления мечты, но бодрящая музыка сменяется элегической мелодией, подчёркивающей хрупкую условность сказочных событий, приведших людей к счастью. Грину за счёт высоты пафоса и аристократичности удалось создать, пожалуй, самую поэтическую версию фабулы об избавлении девушки, хотя по отдельным направлениям писательского мастерства он Гоголю явно уступает. Мы не находим препятствий к тому, чтобы и вы при желании восстановили в своей памяти блестящие строки Александра Степановича, но твёрдо убеждены в том, что прежде чем «поднять паруса», Грин хорошо разглядел все цвета и краски «Сорочинской ярмарки» Николая Васильевича.

В самой реалистической из числа повестей, вошедших в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», как и в карнавальных хлопотах предрождественской ночи, мы встречаемся с хорошенькой, но очень наивной девчушкой. На её пути к счастью, в силу особенностей характера её отца и неснижаемой «температуры» ненависти к ней у мачехи, совершенно предсказуемо возникают барьеры и трудности, которые по-гоголевски весело и самым непредсказуемым образом успешно преодолеваются. Девушку зовут Параска. Это имя (Параскева)

имеет греческое происхождение и переводится как «канун праздника» или «ожидание, приготовление». Наверное, к тому времени она уже вполне реально представляла себе свою «цену», но в принципе Параске необходимо было бы её «перепроверить», чтобы убедиться в её соответствии сложившимся у неё представлениям. Такой случай представился. Она уговорила отца взять её с собой на ярмарку, и таким образом начался её премьерный выход «в свет».

По дороге в Сорочинцы их семье встречается бесподобно красивый парень. А того настолько очаровала сказочная прелесть Параски, что в мыслях своих он в ту же минуту всё своё хозяйство приравнял к одному лишь её поцелую. Это любовь с первого взгляда. До сих пор незнакомое Параске чувство овладело ею. «Жилки её вздрогнули, и сердце забилося так, как ещё никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею». Так Гоголь описывает её ощущения при первом прикосновении к ней молодого мужчины, наполненного пока ещё неизведанной ею и неясной для неё, но манящей притягательностью. «Сама, кажется, знаешь, – подумала она, – что не годится так... а силы недостаёт взять от него руку».

Так вспыхнула и разгоралась их любовь. Да ещё и в таком стремительном темпе вспыхнула она, что «у нашего внимательного слушателя волосы поднялись дыбом; со страхом оборотился он (отец девушки – Г.Д.) назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки», – пишет Н.В. Гоголь. (Отметим, что это произошло уже в Сорочинцах, однако всего лишь через какие-то минуты после их знакомства.) Отец девушки – Солопий такому темпу удивился до чрезвычайности. «А я на четвёртый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, – с завистью к молодёжи и к собственному своему огорчению сообщает он нам, – да и то спасибо куму: бывши дружкойю, уже надоумил». (Диву даёшься: что за жизнь была? Сейчас, конечно, таких неграмотных ни на одном хуторе не найдёшь: даже там, где нет ни клуба, ни света, ни радиоточки.)

Прасковье Солопиевне – восемнадцать лет. Конечно, в таком возрасте девушка уж точно не один день или месяц, а то и год пребывала в «ожидании», и это «ожидание и приготовление» (вспомним греческое происхождение её имени) было связано с любовью, замужеством, материнством и счастьем. Мы не утверждаем,

но думаем, что было именно так. Вокруг этих логично выстроенных перед её прекрасной молодостью, красотой и назначенной женщине Всевышним ролью в жизни, вокруг её горячих чувств, ответных эмоций юноши по отношению к ней и решительных действий её стремительно появившегося избранника и разворачиваются события. В повести приключается вереница совершенно загадочных, но на самом деле умело и небескорыстно организованных цыганами историй с ужасающей красной свиткой, в которых невольными участниками оказываются вся семья Параски, их кумовья и другие люди, приехавшие на ярмарку. Среди женских образов повести Параскину мачеху можно вполне обоснованно вывести и на первое место, поэтому сразу же заметим, что для Хавроньи Никифоровны чуть позднее мы тоже здесь бумаги не пожалеем, и она того вполне заслуживает. Ведь в каждом из образов, созданных Н.В. Гоголем, можно найти что-то уникальное: высокое и прекрасное, низкое и пошлое, непредсказуемое или парадоксальное, а порой даже ещё и не разгаданное, но обязательно запоминающееся читателям, вызывающее у них размышления и восторг от глубины таланта поэта, из-под пера которого вышли такие удивительные строки. Среди персонажей «Сорочинской ярмарки»

других девушек нет. Она одна такая: неопытная, ещё никем ни разу не целованная и не обманутая, чистая и наивная юная красотка Параска. Вот какой мы её видим в начале повествования по пути на ярмарку: «На возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с чёрными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на её очаровательной головке. Всё, казалось, занимало её; всё было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!..»

Конечно, нам, в общем-то, известен почти что весь репертуар хора тех заслуженных критиков, которые находят гоголевскую Оксану, Пидорку, Параску и других девушек сёстрами-близняшками. (Об этих людях мы вспоминаем с большим уважением, но разделяем их мнения не во всём.) Само слово «близняшки» ими, правда, никогда не употреблялось, но смысл именно таков. Но такли это? Внешность женщин в творчестве Гоголя – отдельная тема,

при обсуждении которой сломано немало копий, а перьев и того больше. Перьев, пожалуй, будет даже больше, чем героинь в творчестве самого мастера. Да и потом ведь у каждого человека кроме красоты или её отсутствия есть свой характер, достоинства или несовершенства, индивидуальные сильные или слабые качества... У каждого писателя ведь тоже есть исключительно свой стиль, своя техника и свой взгляд на обрисовку литературных героев или героинь? Но давайте на одну минутку оставим Параску в покое, пусть она пока что посидит на возе, помолчит, а её алые губки трогают лишь лёгкая усмешка.

Вспомним, какую чудную картину украинской ночи с плывущим по необъятному небесному своду месяцем даёт нам Гоголь в «Майской ночи», как очаровывает величественный Днепр в повести «Страшная месть»... В «Сорочинской ярмарке» перед нами в сиянии сверкающего красками летнего дня – красавица река Псёл. Вот эти строки: «Сквозь тёмно- и светло-зелёные листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берёз и тополей *засверкали* (здесь и далее выделено мною – Г.Д.) огненные, *одетые* холодом *искры*, и *река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою*, на которую роскошно падали зелёные *кудри* де-

рев. *Своенравная*, как она в те упоительные часы, когда верное *зеркало* так завидно *заключает в себе* её *полное гордости* и *ослепительного блеска чело, лилейные плечи* и *мраморную шею*, осенённую тёмною, упавшею *с русой головы* волною, когда с презрением кидает одни *украшения*, чтобы *заменить их другими*, и *капризам* её конца нет, – она почти каждый год *переменяла свои окрестности*, выбирая себе *новый путь* и окружая себя *новыми*, разнообразными *ландшафтами*».

Выражая своё отношение к Параске, мы попытаемся уйти от благородной закруглённости её форм, плывущей походки и очарования нежной юности. Мы попробуем меньше ахать и удивляться тому, как она одета. Конечно, некоторые наши дальнейшие размышления о ней будут носить весьма фантазийный или даже экспериментальный характер, но в этом будет состоять всего лишь новоиспечённая попытка «найти» Параску Н.В. Гоголя в других строках писателя. В этой связи зададимся вопросом: не кажется ли вам, уважаемые читатели, что Гоголь хоть и пишет о реке-воде, но мы в его поэтических строках вполне можем найти и вообразить себе необыкновенную красоту женщины? И почему бы не представить в ней красоту именно Параски?

Такие образы нельзя не заметить и в нашем эпосе, и в поэзии сегодняшнего дня. Например: «Женщина – воздух, женщина – вода! // Женщина – радость, женщина – беда! // Мне это счастье уготовил Бог! // Я у твоих ног». Может быть, эти слова из песни Сергея Куренкова вы не только не раз слышали, но и прекрасно помните? Действительно, ведь вода, с которой здесь мы пытаемся сравнивать женщину, это чистота движения помыслов, это созидание и сотворение нового, невозможное без всеобъемлющих прикосновений и проникновений. В любви ко всему земному – к природе, к миру, к человеку, к мужчине или к ребёнку – продолжается развитие, возникают новые цели, достижение которых обогащает людей и приносит счастье. Вода – деятельная, не столько созерцательная, сколько преобразующая, своенравная, изменяющая собой пейзаж, а значит, и окружающий нас мир. Она живительная. Как река, наполняющая живительной влагой окрестные берега и луга, течёт по земле любовь и рождает человека, прекрасные мысли, дела и светлые создающие энергии, так и женщина-вода своей любовью и душевностью преобразует нашу жизнь и изменяется вместе с ней и с нами. Её любовь пробуждает самые прекрасные чувства в сердцах других людей, она создаёт во-

круг себя целую «территорию» любви. Её ребёнок первые месяцы жизни находится в ней и в воде, питающей и её и ребёнка целебными соками любви ещё до его рождения. Она сострадательна и добра. Она насторожена и в любую минуту готова защищать свою территорию от любых опасностей. Она ощущает другого человека душой по самым тончайшим изменениям в его настроении, состоянии, по тембру, дыханию или взгляду. Она чувствует своим сердцем всё. Она влюбчивая, доверчивая и щедрая, она терпеливая, преданная и притягательная. Мужчине кажется, что получить у неё поддержку можно всегда и точно так же добиться от неё прощения. Несмотря ни на что, она будет его любить. Женщина, как и вода, отдаёт себя другим без остатка. «Другими» у неё может быть семья, как у воды – умоляющая о влаге природа. В мифологии Древнего Египта это одна из сильнейших и могущественных богинь Исида (Изида): покровительница Луны, мореплавания, плодородия и супружеской верности, которой подчиняются и вода, и непредсказуемый ветер, чьи направления движения могут поменяться в любую минуту. Женщина и сама в любую из минут может наполниться огромной силой воды и ветра и стать неудержимой и всепоглощающей. А нам, конечно,

всегда хочется чтобы, вода оставалась только ласковой и живой, а ветер – тёплым и нежным.

Вот образ женщины, ассоциирующийся с водой, созданный Игорем Северяниным более ста лет назад: «Сидел на пристани я ветхой, // Ловя **мечтанье тихих струй**, // И посылал сухою веткой // Тебе, далёкой, поцелуй. // Сидел я долго-долго-долго // От всех вдали и в тишине, // Вдруг ты, **пластичная как Волга**, // Прошла по правой стороне. // Мы увидались бессловесно, // Мы содрогнулись – каждый врозь. // Ты улыбалась мне прелестно, // Я целовал тебя насквозь. // И я смотрел тебе вдогонку, // Пока не скрылась ты в лесу, // Подобно чистому ребёнку, // С мечтою: «всё перенесу»... («На пристани», 1909). Женщина – вода, река – прекрасная Параска, а восхитительная природа – её жизнь. По нашему представлению, этого вполне достаточно, чтобы как минимум обратить внимание на нашу версию её образа. Конечно, вы скажете, что Северянин и уж тем более Куренков и иже с ним – не Гоголь! Но причём здесь это? Мы ведь говорим о поэзии и об образе женщины в ней, а в поэзии идея больше, чем строка.

События «Сорочинской ярмарки» – это поэтический карнавал будто случайных или нечаянных, но умело подготовленных цы-

ганами забавных, нервных, а для кого-то и страшноватых событий. Возможно, как раз таких карнавалов в жизни и не случалось, но ведь происходили комбинации и похлеще... В этом факте мы тоже находим несомненное отличие сюжета от других произведений Н.В. Гоголя данного периода. Здесь нет ни чёрта, ни ведьмы, кому-то помогающих в любви или препятствующих! Здесь лишь придумка о них, сказка о чёрте либо нервнопаралитический ужастик о его проделках с отдельными участниками событий. Рождающаяся по ходу повести «корысть» затрагивает в большей мере цыган, не являющихся «выгодоприобретателями сердечных чувств» или соперниками Грицька в борьбе за девушку. Параска о роли и месте кредитно-денежных отношений в своей судьбе вообще ничего не знает. При этом мы не можем не отметить и тех обстоятельств, что юноша пытается «получить» невесту не с Божьей помощью, а путём финансирования «проекта» по нейтрализации мачехи – Хавроньи Никифоровны, образ которой ничуть не уступает профессиональным волшебницам, а здесь – точно ведьмам с отрицательным зарядом необузданной энергии. По итогам работы цыган в глазах своего будущего тестя Грицько становится героем и победителем мачехи в «битве» за

её падчерицу, но победу он получает из чужих рук. И здесь впору призадуматься о том, например, а не купил ли себе этот парень невесту? Упоминания о такой оценке действий Грицька нам на глаза не попадались, что тоже небезынтересно. Но мы не будем здесь больше говорить о грустном. В повести ведь всё так весело, и потом надо же себе ещё представлять, кто такая Хивря! У неё тоже характер, да ещё какой!

Вместе с тем заметим, что в сюжетах других повестей этого цикла есть и иные варианты борьбы, преследующие похожие цели. В канун Ивана Купалы, например, мужской и женский образы сближаются через мотив вины, наполненный мистикой и деталями быта. В «Майской ночи» путь к воссоединению влюблённых сопряжён с погружением мужчины в глубины женской души; в «Пропавшей грамоте» сдвиг для достижения цели происходит через фантазмагорическую игру воображения. В предрождественскую ночь чёрт выступает вынужденным союзником юноши в борьбе за девушку, пока ещё не обутую в царские черевички. Правда, делает он это под смертельной угрозой для собственного здоровья и, по сути, в роли «военнопленного». Так что в походах за невестами и славой у Гоголя встречаются самые различные и фор-

мы и методы достижения виктории. Он знает, как это делается, хотя честная битва, чтобы, как говорится, «один на один», в его текстах наблюдается не часто.

Но давайте ещё раз вернёмся к воде и теперь уже с тем вопросом, к которому мы исподволь или явно «подталкивали» ваше внимание. Почему бы нам не представить себе, что созданный Н.В. Гоголем образ реки (воды) – это кристальной чистоты Параска? Кто-то из творческих людей тонко заметил, что писатели, родившиеся и выросшие в степной зоне, например Бунин или Шолохов, да и многие другие отличаются выдающимся чувственным восприятием, исключительно острым зрением, слухом, обонянием и чувственной памятью, а потому и образная палитра в творчестве таких людей обладает особой яркостью и осязаемостью. И, конечно, к этой группе по праву принадлежит Николай Васильевич Гоголь. Так прочтите же его описание реки с мужским именем Псёл ещё раз, и, может быть, вы с нами согласитесь...

Теперь остаётся понять, почему же мы видим такую прыть целомудренной девушки по отношению к жарким объятиям и длинным поцелуям в первые же минуты её встречи с доселе незнакомым ей мужчиной? Может быть, как раз в этом автором и зашифрована

её стихийная решительность (или стремительность) в достижении своих сердечных целей или же в реализации её эротических ожиданий, которыми гиперактивные девушки в этом возрасте нередко отличаются? Или же её прыть – это всего лишь путь освобождения из-под «ига» мачехи? А может быть, здесь всплеск обычного любопытства, интерес к тому новому, которое ею пока ещё не изведано и даже не осознано? Ей хочется показаться взрослее, всецело готовой к самостоятельной жизни, и к любви и она страшится упустить тот случай, что ей представился... Да и Грицько не железный: судя по всему, в состоянии поиска он уже не первый день. Вспомним слова Гоголя, правда, уже из другого его произведения: «...женщины – это такой предмет... Одни глаза их такое бесконечное государство, в которое заехал человек – и поминай как звали! Уж его оттуда ни крючком, ничем не вытащишь». В данном случае Грицько «заехал» с первого взгляда и по полной программе.

Образ девушки, впрочем, как и её избранника, иллюстрирует мир светлых чистых чувств и высокую поэзию. Параска олицетворяет и девичью красоту, и постоянно преследующую её мечту о счастье, и понимание того, что оно сейчас предельно близко. Она уверена в том, что о ней тоже думают, о ней тоже

мечтают, что она желанна. «Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. – пишет Гоголь. – Много грёз обвивалось около русой головы. Иногда вдруг лёгкая усмешка трогала её алые губки, и какое-то радостное чувство подымало тёмные её брови; то снова облако задумчивости опускало их на карие, светлые очи. "Ну, что, если не сбудется то, что говорил он?" шептала она с каким-то выражением сомнения. Ну что, если меня не выдадут? если... нет, нет; этого не будет! Мачеха делает всё, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается? Упрямства-то и у меня достанет. Какой же он хороший! как чудно горят его чёрные очи! как любо говорит он: Парасю, голубко! как пристала к нему белая свитка! ещё бы пояс поярче!.. пускай уже, правда, я ему вытку, как перейдём жить в новую хату. Не подумаю без радости, – продолжала она, вынимая из пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмарке, и глядясь в него с тайным удовольствием, – как я встречусь тогда где-нибудь с нею – я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу! Скорее песок взойдёт на камне и дуб погнётся в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою!»

Вот вам и хуторянка! Вот вам и благородная закруглённость форм и очарование нежной юности, которые мы недавно упоминать никак не собирались! И почему нарушаем своё слово? Параска прекрасная девушка, это точно. Мы упоминаем как раз то, что есть и в других повестях Гоголя, но обратите внимание на отличие. Здесь полный контраст в деталях. Здесь у девушки «пробудились» совершенно другие качества. Те качества, источником которых является масса отрицательных эмоций и обид, её переполняющая. Посмотрите, сколько их у нашей Золушки! Сколько она уже успела натерпеться, сколько она думала о том, как вырваться из-под гнёта мачехи на свободу! Здесь уже поневоле стоит задуматься: что же у неё первично? Выскользнуть из-под притеснения мачехи путём замужества или пойти под венец по сигналу сердца, потому что в её окошко постучалась любовь по имени Грицько?

Конечно, естественность её чувств, мыслей и переживаний не исключает осознания ею своего собственного достоинства. В раздумьях девушки и её объективная оценка той ситуации, в которой она может оказаться, и совсем уж наивная, даже не женская, а детская мстительность, и не осознанная ею, но искусно показанная Н.В. Гоголем её поэтическая

одухотворённость, подтверждение которой мы находим в самом начале приведённой выше цитаты. Все эти чувства помещены Гоголем, по сути, в строку. Гамма эмоций и чувств в одной строке! В Параске уже родилась и уже стремительно развивается заботливая хозяйка и боготворящая своего суженого жена. Но Гоголь не идеализирует свою героиню, что мы уже частью отмечали. В отдельных случаях он побуждает нас к тому, чтобы поразмыслить и о несовершенствах этой девушки. О «детскости» в её представлениях о жизни, например, что, тем не менее, подчёркивает её индивидуальность, позволяет нам видеть этот литературный образ земным, в ком-то узнаваемым, в чём-то, может быть, и типичным, а потому и реальным.

Гоголь представляет нам эту влюблённую пару в сопоставлении с обыденностью, с нравами и привычками других участников ярмарки, на которых лежит печать прозаической повседневности. Вот Черевик заглянул в дверь и, обнаружив, что его дочь танцует перед зеркалом, остановился. А вот он, позабыв про все свои дела, и сам пошёл в пляску. А вот и кум появился: «Ступайте же скорее: жених пришёл!» Тут и «Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей её голову, а беспечный отец её вспомнил, зачем пришёл он».

«Не успела переступить она за порог хаты, – пишет Николай Васильевич, – как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал её на улице. "Боже, благослови!" – сказал Черевик, складывая им руки». Далее следует вполне ожидаемое возмущение мачехи. Но оно уже запоздалое, так как «несколько пар обступили новую пару и составили около неё непроницаемую танцующую стену». Приключения с чёртом, которого на самом деле не было, заканчиваются весёлой свадьбой: «Всё неслось. Всё танцевало», – пишет Н.В. Гоголь. А завершает повесть он уже с другой драматургией, с другими мыслями и ощущениями тех людей, земная жизнь которых вскоре финиширует, и они об этом хорошо знают...

Конечно, Параска у Гоголя очень красивая и жизнерадостная девушка, но она и чрезвычайно простодушна, наивна, может быть, излишне доверчива. Однако эти, да и другие, возможно, и не самые лучшие её качества ни в коем разе не дают нам права говорить о том, что автору не удалось создать её поэтический образ. Ведь она же предстаёт перед нами очень молоденькой девочкой, впервые в жизни переступившей границы своего хутора и пока ещё не соприкоснувшейся с той жизнью, что происходит за его пределами. Разве у нас

сейчас не существует таких девушек? Конечно, они есть! Прошло лишь несколько минут после знакомства с юношей, а Параска уже в его объятиях! Неприлично? Да! Наверное, неприлично и как-то неправильно... Почему мы снова возвращаемся к этому факту? Потому, что поведение Параски здесь вступает в явное противоречие с патриархальными нормами сельской и не только сельской морали и сложившимися традициями отношений в обществе. И её отец совершенно не случайно был так удивлён этим фактом, хотя и отнёсся к нему совершенно спокойно и даже с завистью. Но разве такого не бывает в жизни? Да нет, наверное, сейчас такие моменты случаются как раз чаще, чем в гоголевское время... Нетипичное близится к тому, чтобы стать типичным, а философы и социологи уже утверждают, что даже сам институт семьи в скором времени отомрёт окончательно. Но об этом институте при Гоголе ничего не знали... Знали только о семье.

Участие в событиях хоть и не описанного в деталях, но, как нам кажется, всё же «нечистого» рубля в таком богоугодном деле, как воссоединение любящих сердец, тоже ведь не гарантирует Параске безоговорочного счастья, и Гоголь на это тоже хоть и будто невзначай, но обращает наше внимание. Удаливость, с которым

Грицько заключает сделку с цыганом (чёртом) и не по-детски дует с будущим тестем сивуху, опять-таки не предвещает ничего хорошего для его будущей семейной жизни. Открыто Гоголь не выражает своего личного отношения к герою, но отдельные его фразы, комментирующие поступки Грицька, свидетельствуют о том, что оно однозначно положительным не является.

«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! – пишет Н.В. Гоголь. – Как **томительно-жарки** те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой, неизмеримый океан, **сладоприятным куполом нагнувшийся** над землёю, кажется, **заснул**, весь **потонувший в неге, обнимая и сжимающая прекрасную в воздушных объятиях своих!** На нём ни облака! В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине **дрожит** жаворонок, и **серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю**, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие, тёмные, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщёт золото. Изумру-

ды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зелёных, гордо поднятых рамах... **как полно сладострастия и неги** малороссийское лето!»

С доброй завистью к счастью Параски и Грицька им покровительствует всё вокруг – и купол неба, обнявшийся с землёй, подобно тому, как обнялись девушка с парнем, и могучие дубы, как стражи, оберегающие их любовь, и весь счастливый, ослеплённый любовными ударами солнца блистающий простор. Это уже не просто вода, это океаническая стихия в океане Жизни. Мысленно мы представляем перед собой образ этих воспламенившихся любовью друг к другу молодых людей. И тогда с особенной ясностью понимаем, что весь этот сверкающий пейзаж, льющийся лирическим, песенным потоком, и есть прекрасная песня о счастье и любви, исполняемая в их честь образцовым ансамблем природы под управлением художественного руководителя и дирижёра Николая Васильевича Гоголя. Читатели подпевают вместе с молодыми, с лу-

чами солнца и с исполнителями, характеристике которым мы нашли в данном абзаце, и надеемся, что сделали это вместе с вами.

Предание о ненарочно растегнувшейся кофточке

Думаем, читателям хорошо известно о том, что Н.В. Гоголь часто избегал проведения точной границы между образами людей и мифологических участников тех или иных событий. Так, в повести «Ночь перед Рождеством» чёрт имеет многие совершенно человеческие черты, когда, например, «подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки». Или возьмём тот случай, когда он предстаёт перед нами в виде «проворного франта с хвостом и козлиною бородою». Чем он здесь не человек? Разве мы не встречали такие выражения по отношению к людям? Конечно, встречали. Такими сравнениями Н.В. Гоголь виртуозно снижает опасность самого «делегата» от нечистой силы, делает его по-человечески понятным, иногда смешным и поднимает доверие к факту его существования. Во внешности утопленницы, явившейся во сне к сыну головы – парубку

Левку («Майская ночь, или Утопленница») мы замечаем сочетание черт участников событий с обеих сторон границы реального: «приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими сквозь тёмно-русые волны волос». Тут же Николай Васильевич пишет: «Вся она была бледна как полотно, как блеск месяца». И теперь его панночка уже не кажется нам неким потусторонним существом, так как обладает признаками совершенно земной, вполне реальной девушки, какие, наверное, встречаются на каждом хуторе.

Иной акцент писателя мы замечаем в «Сорочинской ярмарке», когда знакомимся с мачехой Параски – Хавроньей Никифоровной. Образ Хиври, на первый взгляд, прост, незамысловат и выполнен Гоголем, как нам кажется, тоном, весьма близким к уничижительному. Если некоторые термины использовать с определённой поправкой на незначительное смягчение их смыслов, то в наборе слов, характеризующих Хиврю, можно найти немало интересного. Обнаружить, например, отдельные элементы сексизма или гендерного расизма с одной стороны, а когнитивного диссонанса – уже с другой, причём о последнем мы вспоминаем, как о внутренней разбалансировке личности этой занимательной дамы. Эта занятная женщина красотой не блещет, но она живописна и по

жизни могла бы напомнить нам многих людей, которых мы уже где-то не раз встречали. Это самолюбивая, напористая и неугомонная тётка. Властная и скандальная, привыкшая к тому, чтобы командовать и понукать окружающими, не терпящая чужого мнения и безоговорочно подчинившая себе своего слабохарактерного муженька. Хивря обладает запредельно высоким конфликтным потенциалом. Она постоянно недовольна своим мужем и падчерицей: их взглядами и действиями. Её раздражает пассивность, неповоротливость и даже послушная исполнительность мужа, её нервирует – красота и молодость Параски. Во всяком случае, честность, порядочность и справедливость не являются теми дефинициями, которые могли бы дружить с её амбициозной самовлюблённостью и скандальным характером. Она недовольна всем, потому что в ней зла хоть отбавляй, а применить его по крупному не удаётся нигде. Поэтому она постоянно создаёт искусственные условия для скандалов, оборачивающиеся в информационные поводы для их проведения. Муж – человек бесхарактерный, полная размазня. Он – не боец и не герой. А падчерицу Хивря легко подмяла под себя и видит, что та смирилась и для неё какой-то реальной опасности или силы в противостоянии, если бы они вдруг возникли, – пока не

представляет. В отношении падчерицы Хивря, конечно, себя несколько переоценила – или Параску недооценила. Но это кому как нравится.

Чаще всего Н.В. Гоголь называет мачеху Параски Хавронью Никифоровну по-свойски Хиврей. По дороге на ярмарку Хивря «сидела на высоте воза в нарядной шерстяной зелёной кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность её красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на весёленькое личико дочки». Здесь Хивря, и это очень хорошо заметно, всем своим видом демонстрирует публике, что считает себя красавицей, и потому стремится произвести и, по её мнению, производит самое неотразимое впечатление абсолютно на всех. И уже это даёт нам полное представление о ней. Согласитесь, если бы мы по ходу анализа образа Хавроньи Никифоровны остановились лишь на одной этой фразе Н.В. Гоголя, то могли бы уже уверенно говорить: «Эту женщину мы ясно видим и абсолютно отчётливо себе

представляем не только по внешнему её облику, но и по внутреннему содержанию её талантов». Мы видим очень умело и точно написанный портрет молодящейся женщины из серии «баба ягодка опять». Видим, что никакие наряды и их краски, к сожалению Хиври, уже не скрывают, а напротив, правдиво подчёркивают нам полноту и цвет её лица и то «неприятное» и «дикое», что нередко по нему проскальзывает. И нам кажется, что уже после этой фразы мы её уже «недолюбливаем».

Дальнейшие события нам показывают, что сама Хивря совершенно нереально оценивает прежде всего себя, а из этого вытекают и её субъективные оценки окружающим её людям. Как и любая другая женщина, она уделяет повышенное внимание своему внешнему виду, что более прочего сводится к её гардеробу. Именно наряды укрепляют её торжествующее самомнение, распаляют её воображение о себе как о женщине, но скверный её характер почти всегда приводит к тому, что она «натыкается» на всё возрастающее сопротивление окружающих. Причём тех людей, которые могли бы как раз наоборот относиться к ней как к близкому человеку, то-есть – мужа и падчерицы. В меру наших утлых сил и не очень литературного понимания жизни назовём то, что распаляет её внутреннее воображение о

себе и выводит её из равновесия «эффектом Хиври», ибо такие женщины встречаются нередко. Порой нам даже кажется, что Гоголь, отражая её образ, напрочь забывает о существовании хоть каких-то положительных качеств, так необходимых любому человеку. Но автор ничего не забывает. У Хиври эти качества попросту отсутствуют, у неё на их месте одни лишь дефекты или прорехи, будто бы случайно или умышленно собранные в одном месте и «наклеенные» на одного человека, которого зовут Хавронья Никифоровна.

Заметим, что с первой же минуты знакомства с этой занимательной дамой и с первых же слов её будущего зятя Грицька Гоголь позиционирует Хиврю как ведьму и сатану. Грицько сразу же невзлюбил Хавронью Никифоровну. «А вот впереди и дьявол сидит!» – публично заявляет он. Тут же в толпе пошли шутки, смех и «красные щёки её (Хиври – Г.Д.) превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождём на голову разгульного парубка:

– Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чёрт бороду обжёг!

– Вишь, как ругается! – сказал парубок, вытаращив на неё глаза, как будто озадаченный

таким сильным залпом неожиданных приветствий. – И язык у неё, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова». Как нам кажется, здесь он в оценке не ошибся. Гоголь продолжает: «– Столетней! – подхватила пожилая красавица. – Нечестивец! поди, умойся наперёд! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тётка дрянь! Столетней! что у него молоко ещё на губах...»

Воз семьи Черевика покатылся дальше, но отборные проклятия Хиври всё ещё продолжались, хотя они и были уже не так слышны. Но парубок вдогонку ещё и запустил «комоч грязи», забрызгав парадно-выходную одежду Хиври. «Дородная щеголиха вскипела гневом... и месть её обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж, несмотря на это, неутомимый язык её трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле».

Понятно, что мачеха Параски, как и любая другая женщина (здесь мы вынужденно повторяемся), стремится выглядеть краше и крайне болезненно реагирует на любое обидное сло-

во в отношении своей внешности. В этом случае замечания парубков в её адрес от дипломатических формулировок, как видите, весьма далеки и шероховаты даже для глухой сельской местности. Этим и может быть оправдана её столь «красноречивая» реакция с использованием оскорбительных слов. Отметим также, что и Грицько здесь откровенно хамил, вёл себя крайне неприлично по отношению к человеку, старшему по возрасту, по отношению к женщине, наконец, хотя и точно угадал характер Хиври. И конечно, негодование у мачехи Параски вызвали не подозрения о её связях с нечистой силой, а как раз первое слово из его определения Хиври – «столетняя ведьма». По хуторским представлениям, ведьмы точно где-то существуют, но не в такой близости от людей, чтобы оценивать не только их внешность, но и возраст. Что же касается объявления о возрасте женщины, то слова Грицька здесь можно было бы посчитать досадным недоразумением или, скорее всего, его откровенной глупостью.

У Хиври слово такое же крепкое, как и характер, а муж у неё, наоборот, мужчина совершенно бесхарактерный, мягкотелый и слабый. Но и он вполне понимает и очень трезво, несмотря на то что любит выпить, оценивает ситуацию. Едкие замечания в адрес жены он

себе позволяет, но при этом всегда опасливо закрывает голову руками. За Хиврей не заржавеет, и к этому он уже привык. Его «разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями». По этой же причине Солопий предпочитает называть Хиврю голубкой, но за глаза в адресованных ей выражениях не стесняется и легко соглашается с тем, что «в старухе дьявол сидит!» Кстати сказать, о пьянстве. В этой местности, как мы узнаём из повести, любит выпить не только отец Параски Солопий Черевик, но и многие другие граждане-товарищи. Количество выпитого здесь считалось большой доблестью и талантом даже при оценке будущего зятя Грицька будущим тестем Солопием. Умение женихом много выпить вменяется ему чуть ли не как героизм, что нам представляется фактом далеко не бесспорным.

Трудно удержаться и от того, чтобы не вспомнить ещё одного известного сорочинца – кума Черевика Цыбулю. «Кума уже немного поразобрало, – сообщает нам Н.В. Гоголь о возвращении того с ярмарки домой. – Это можно было видеть из того, что он два раза проехал с своим возом по двору, покамест нашёл (свою – Г.Д.) хату». Здесь мы, конечно, немножко отвлеклись от главного объекта нашего внимания – Хиври. Но для обсуждения

её литературного образа знание обстановки, в которой она находилась, лишним не будет, тем более что она-то вела вполне здоровый образ жизни. Если за что-то и стоит похвалить нам эту женщину, то за трезвый образ жизни – обязательно.

Совсем под другим ракурсом предстаёт перед нами и распускается пышным цветом несравненная Хавронья Никифоровна при встрече со своим любовником – трусливым поповичем Афанасием Ивановичем. «Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли ещё, боже оборони, шеи?» – лепетала заботливая Хивря, когда кавалер по пути к ней «с шумом обрушился в бурьян». (Почему попович так нестройно держался в тот момент на ногах – мы не знаем. Так что больше об алкоголе ни слова, тем более что у этого товарища был совершенно иной профиль интересов.)

«Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна!» – провозглашает свои истинные цели попович уже в хате, «умильно поглядывая на неё и подсовываясь поближе».

Как часто проводились ярмарки в Сорочинцах? Мы этого не знаем. Допустим, два-три раза в год или примерно столько. Однако шальными фантазиями о «воистину сладост-

ных приношениях» попович фонтанирует с самого начала их встречи с Хиврей. А игривое поведение самой Хиври, некоторые её реплики о том, что они будут одни и никто им не помешает, – совершенно однозначно утверждают, что связь столь интересной пары «голубков» носит устойчивый характер. И это уже не просто лёгкий флирт, а прочная связь замужней женщины с женатым мужчиной. Но это так, типа наших предположений.

Мы не можем отказать и себе, и, надеемся, читателям тоже, в удовольствии привести здесь отдельные превосходные строки Николая Васильевича из диалога Хиври и её ярмарочного бойфренда. Перед нами злая, как ведьма, и противная себялюбивая тётка на небосводе сюжета возрождается фривольной, игривой, сексапильной женщиной, жаждущей нежности и близости с чужим мужчиной: «– Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застёгивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту. – Варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!» – пишет Н.В. Гоголь.

Попович дипломатично, но твёрдо продолжает гнуть свою линию, довольно замечая, что цели его визита совпадают с желаниями его дамы: «Однако ж, Хавронья Никифоровна,

сердце моё жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек». Ещё одно мгновение – и он их предельно точно разъясняет: «– Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! – шёпотом произнёс попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан её».

«– Бог знает, что вы выдумываете, Афанасий Иванович! – сказала Хивря, стыдливо потупив глаза свои. – Чего доброго, вы, пожалуй, затеете ещё целоваться!» Здесь она уже откровенно подсказывает поповичу, что «пампушечки и галушечки» можно оставить в покое, а губы – освободить от них для иных целей. Как это славно напоминает нам встречу Солохи с дьячком в ночь перед Рождеством! Помните, как её знойный кавалер Осип Никифорович трогал пальцем то её руку, то шею, то бусы и отскакивал, спрашивая, будто не знает, к чему он притронулся: «А что это у вас, великолепная Солоха?»; «А что это у вас, дражайшая Солоха?»; «А что это у вас, несравненная Солоха?»

Как Солоха, так и Хивря во время встреч со своими наиболее горячими поклонниками ведут себя совершенно взвешенно и рационально. Солоха отлично понимает, чего от неё хотят. Хивря тоже понимает, но она ещё и целеустремлённо идёт к своей цели, сооб-

ражая, что её движение полностью соответствует замыслу поповича. При этом никто из этих женщин блузку на себе не рвёт, на (под) партнёров не бросается. Каждая из них ведёт себя адекватно сложившимся обстоятельствам, давая понять своим игривым поведением, что перспектива у их озорных визитёров имеется.

Позволим заметить, что в обоих случаях Гоголь демонстрирует нам прекрасные экземпляры «дорожной карты» классической эротики или «конспекты типовых инструкций» по практическому построению моделей познания мужчиной – женщины. Это классика, и состоит она именно в действиях: от незнания объекта – к узнаванию, от отстранения – к новому присваиванию и к повторному отчуждению усвоенного. Именно такие «дорожки» эротического искусства, по мнению отечественных и зарубежных специалистов этого профиля, являются наиболее эффективными для достижения смоделированного заранее или возникшего ситуативно, но взаимно желаемого субъектами отношений с продолжением и успешным финалом. Опираясь на мнение тех же специалистов, заметим или напомним вам, что различие в сексуальных и эротических аспектах в обыденной речи выражается различием сущности

глаголов «хотеть» и «желать». Эротика – это пока ещё лишь «желаю» её (его). А в сексуальности проявляется уже строго «хочу», да так, что, как говорят наши современные иваны или светы, «мозги с тормозами не дружат». Кстати, в тексте поначалу трудно понять суть ненасытности поповича. В том ли она состоит, что тот неудержимо жаждет Хиврю? Или в том, что попович выглядит не просто проголодавшимся, а хронически и неукротимо голодным мужчиной?

Возвращаясь к мачехе Параски и к её диалогу со своим прожорливым куролесником, отметим, что вскоре попович уже не просто «хочет», а жаждет того, о чём мы у наших именитых сексологов ещё не успели прочесть. Он жаждет от Хиври того, чего нам и Гоголь Николай Васильевич тоже открыто не сообщил... А Хивря сразу же принимает предложенные ей «условия игры», хотя пока ещё в той фразе, которую мы привели выше, состоит на уровне «желаю». В следующих же её словах она уже, по сути, призывает своего ненасытного (теперь уже в смысле проголодавшегося) любовника к более активным действиям. «– Вот я уже и не знаю, какого вам ещё кушанья хочется, Афанасий Иванович! – отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающе». Дескать, весь ассортимент кушаний на столе,

а я рядом – вот какая, и всё понимаю!.. В эти минуты Хивря всеми фибрами души притягивает к себе трусливого поповича с твёрдыми намерениями не упустить своего ярмарочного счастья. Попович – приближается, Хивря этого только и ждёт, она уже видит себя ближе и ближе, она уже завелась. Где она ещё найдёт себе такого видного мужчину, да ещё с таким положением и с теми внешними данными, какими она сама располагает? Ведь всё, что мы о Хивре знаем, говорит не в её пользу, говорит о том, что для мужчин она представляет мало интереса, что с такими данными – грош ей цена в базарный день. Однако в тот момент, когда наша красавица притворялась «непонимающею», если бы мы увидели Хиврю сквозь буквы строк, наверное, мы бы уже заметили или её помутневшие от страсти и похоти глаза, или нечто другое, характеризующее сильно возбуждённую дамочку..

Завершая наши рассуждения о Хавронье Никифоровне, хочется ещё раз вспомнить героиню повести «Ночь перед Рождеством» Солоху, которой мы не раз восхищались как ярким образом. Витальный нрав не допускал в её действиях мрака недовольства, брюзжания и уж тем более ярко выраженной публичной зависти. У Хиври – всё с точностью до наоборот. Что ещё объединяет либо разъединя-

ет этих женщин? Наверное, любвеобильность присуща обеим дамочкам. У Солохи любовников множество, начиная с чёрта. У Хиври они тоже есть, но знаем мы лишь одного. Примечательно, что Хивря лишь только приехала в Сорочинцы, а он уже тут как тут. И нам сразу становится понятным: эта встреча не первая, а очередная, что мы уже отмечали. Обе женщины в большом почёте у местных духовных особ. Но может быть, Солоха с Хиврей и сами тянутся к ним как к просвещённым личностям, то-есть как к интеллигенции? Этого мы не знаем, однако можем предполагать. Обе дамочки на «клубничке» чуть ли не «погорели». О Солохе вы помните. У Хавроньи Никифоровны дело было так: «Тут послышался на дворе лай и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и возвратилась вся побледневшая». «Ну, Афанасий Иванович! мы попались с вами»; «Супруга нашего Черевика сидела, как на иголках, когда принялись они шарить по всем углам хаты»; «Хивря была ни жива ни мертва».

Обе героини из экстрима выбрались вполне достойно.

Солоха красотой не выделялась, но обладала, как это нам показал Н.В. Гоголь, чертовским очарованием, притягательностью, сексапильностью. Хивря – неприятна, как харак-

тером, так и внешне, но она из кожи вон лезет и делает всё для того, чтобы казаться соблазнительной. Обе из числа тех, кто по возрасту стали ягодками опять, но это действительно совершенно разные «на вкус» ягодки. Обе с молодёжными «командами» не справляются. «Реальной» чертовщине с вытекающими из её поражения последствиями проигрывает Солоха, а мнимая чертовщина приводит к провалу Хиврю.

Н.В. Гоголь часто «запутывал» своими сюжетными переплетениями читателей. Вот и здесь. Как же нам определить грань между Хиврей – женщиной, которая по характеру чистейшая ведьма, и настоящей ведьмой Солохой, которая впечатляет нас качествами приятной, доброй и невозмутимой женщины. Как бы то ни было, но Н.В. Гоголю удалось создать целостные и, мы не побоимся этих слов, прекрасные литературные женские образы.

В финале повести «Сорочинская ярмарка» Хивря хватает деньги за проданный на ярмарке цыганам товар, мчится покупать себе обновки и, в радостном предвкушении новых нарядов, очень довольна собой. А в последних строках повести она уже очень недовольна, поскольку её падчерице удалось улизнуть из-под её опеки замуж. Примерно в эти же минуты Солопию сделалось так легко и весело,

«будто его старуху москали увезли», и он даёт своё отцовское благословение молодым, что и завершается свадьбой...

Молодёжь ликует – радуется победившей любви и результатам использования новых технологий по преодолению ограничений и запретов родителей...

Так сомневалась ли Галя?

В центре сюжета повести «Майская ночь, или Утопленница» – тоже любовь. Парубка зовут Левко, девушку – Ганна. Девушка простая, но с изюминкой, и в то же время немножко необычная. Ганна – это Галя, поэтому не удивляйтесь, если у нас где-то промелькнёт и такое имя, оно нам всё-таки привычней.

На пути молодых возникают препятствия от тех людей, от которых, казалось бы, этого ожидать и не следовало бы. Хотя «люди» – это громко сказано. Трудности им создаёт один человек – сельский голова, отец Левка, но о нём чуть позднее. А пока что заметим, что в наших рассуждениях о событиях, происшедших в эту майскую ночь (может быть, и в числе первых), мы выскажем предположения, в чём-то отличающиеся от тех, что уже многократно звучали. Это не научная гипотеза, выдвинутая на базе литературоведческих знаний, а всего

лишь наши ощущения и впечатления после нового прочтения повести.

Как нам кажется, в строках этого произведения Н.В. Гоголя можно обнаружить описание такого мгновения, когда девушка сомневается в правильности сделанного ею выбора в пользу Левка. Иными словами, возможно, она ставит перед собой вопрос: с кем же ей связать судьбу? Это может показаться любопытным, а может и странным или надуманным – ввиду непрофессионализма автора и его неумения анализировать. Предваряя такую критику, скажем, что наши взгляды далеко не бесспорны, что мы и сами видим.

В этой повести финал, как и в некоторых других, – тоже сказочный. При этом критики иногда говорят и пишут о том, что любовь здесь побеждает с помощью нечистой силы, а без неё Левко, дескать, ничего бы не добился. В этом мы тоже слегка сомневаемся. Ведь необъяснимые и необъяснённые реальностью события возникали у парубка во сне. Там ему привиделись и русалки, и ведьма, и способ, с помощью которого следовало бы поставить на место своего отца. И этот способ сработал! В реальности же существовала одна лишь записка комиссара с требованием женить его на Гале. Во сне она и правда была как бы инициирована русалкой в благодарность за то, что

юноша помог ей найти ведьму. Записка, ещё раз скажем, появилась у Левка тогда, когда тот спал. Но об этом сам парубок ничего не говорит, а о других версиях возникновения распоряжения комиссара сельскому голове в его пользу – нам ничего не известно.

Разберёмся, кто же здесь противостоит молодёжи? Главная роль в этом неблагоприятном деле принадлежит отцу Левка, пану сельскому голове Евтуху Макогоненко, чей тяжёлый и сварливый характер, а также неуёмная любовь к женщинам и пиару, точнее к чужим женщинам и к самопиару, были притчей во языцех во всём этом селе и не только. Евтух – это богатый грубый и чванливый старик, авторитет которого в селе держится исключительно на его произволе и ответном страхе людей. Они боятся головы и как деспотичного человека, и как руководителя, наделённого мощью административного ресурса и силой репрессивного аппарата. По своим деловым и моральным качествам это серая посредственность, окружившая себя инициативными людьми, но такими же серостями и бездарностями. Среди заслуг Макогоненко числится лишь один эпизод, который тот считает «подвигом» и неустанно пропагандирует. При поездке царицы Екатерины в Крым Евтух на протяжении двух дней сидел на козлах рядом

с царским кучером. Этим фактом голова никогда не прекращает гордиться и хвастаться, считая его главным делом всей жизни. Таким образом, здесь мы встречаем фанфарона, то есть человека, выставяющего напоказ свои мнимые достоинства.

Как внешне, так и внутренне, да и по образу своей жизни и воспитанию этот руководитель «муниципального» уровня вызывает полную антипатию. Он «угрюм» и «суров», он надменен и самолюбив, он и падок на лесть, и чрезвычайно похотлив. Голова вдов и живёт под одной крышей со своей якобы «свояченицей», о которой на селе «поговаривают, будто она совсем ему не родственница». Эту свояченицу с таким же успехом можно было бы назвать и «многодвоюродной» племянницей и кем угодно другим. Сельчане давно углядели, «что свояченице всегда не нравилось, если голова заходил в поле, усеянное жницами, или к козаку, у которого была молодая дочка», – пишет Н.В. Гоголь. При этом так называемая свояченица ведёт всё домашнее хозяйство «свояка». «Голова крив; но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако ж, он наведёт его на смазливое личико, пока не обсмотрится хорошенько, не глядит ли откуда свояченица», – продолжает автор. Таким образом, во

всём этом селе и прилегающих к нему хуторах не было такой «смазливой девки, за которую бы не волочился голова».

Суть событий, освещаемых автором в повести, как раз и состоит в том, что этот несимпатичный любострастный старик добивается любви от Гали, возлюбленной своего сына. Его хотелки и являются главным барьером на пути к счастью сына, а также определённой угрозой чистоте или даже невинности этой девушки.

Напомним, что мы пытаемся рассмотреть именно женские образы. В этой связи заметим, что в «Майской ночи» многим читателям первоначально может показаться, что Галя мало в чём отличается от других молоденьких героинь Н.В. Гоголя этого цикла. Такое мнение имеет под собой определённую основу, что мы легко признаём, потому что она такая же симпатичная моделька, как и многие другие его героини. И в то же время с мнением о полном сходстве её образа с образами других героинь Гоголя мы соглашаемся лишь отчасти и с большой неохотой, хотя такое мнение усилили многих гоголеведов приобрело почти аксиоматичный характер.

При чтении повести порой нам кажется, что ясноокая красавица Ганна, выступающая здесь на пороге своей «семнадцатой весны»,

при определённом её сходстве с другими девушками из «диканьского региона» изображена Н.В. Гоголем совершенно в ином, отличимом от других героинь психологическом и психическом состоянии. Если мы не совсем ошибаемся, то это представляется нам более выразительной особенностью её образа, чем красота или влюблённость, что характерно для многих других гоголевских девушек в сборнике «Вечеров...». И можно допустить, что автор при написании этой повести в какой-то миг вполне мог рассматривать Ганну даже в качестве «потенциальной» русалки. Скорее всего, её могли бы посещать и такие мысли. Или, в более мягком варианте, можно было бы предположить, что с подачи Гоголя перспективу «стать русалкой» девушка для себя сама видела и не исключала. (Об этом, конечно, в повести ничего нет.) Однако после определённых сомнений, как мы себе это представляем, вероятно, уже без пяти минут русалка, Галя отклоняет свои печальные колебания и тем самым избегает самого неприятного. У нас создаётся ничем не подкреплённое впечатление, что в какой-то миг работы над повестью Гоголь мог принять решение изменить судьбу своей героини. Может быть, это произошло тогда, когда она настойчиво требовала от парубка рассказа о том страшном случае,

что когда-то произошёл возле заброшенного дома на берегу пруда. Там Левко, напомним вам, произнёс: «Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит чёрт, подстрекающий их любопытство». Возможно, что на фоне прозрачности озера, фантастических плясок и игр русалок, на фоне несчастливой судьбы утопленницы, запечатлённой с какой-то светлой грустью, Н.В. Гоголь уяснил, что несчастных судеб собралось вокруг этого небольшого водоёма на хуторе и так огромное множество...

Конечно, всё это не более чем предположения... Поэтому и мы здесь не будем притворяться, что знаем точный ответ на вопрос, как это было. Ганну мы встречаем не только такой безумно влюблённой, какой в ярмарочные дни выглядела Параска, а в конце рождественских дней – Оксана, но и сильно сомневающейся в себе. Это есть и в строках, это ощущается и «между» строками текста. Возможно, её сомнения находятся в плоскости ответа на вопрос, кто же принесёт ей счастье. Молодость и красота или богатство и власть? (Думается, что так вопрос тоже никогда не звучал. Может быть, и напрасно не звучал, хотя честно признаёмся вам, что даже для его постановки у нас аргументов тоже немного.) Мгновенье, которое мы себе представляем, можно найти лишь

между строками повести, поразмыслив над текстом и включив чуток собственной фантазии. На фоне повседневного, но реалистичного сельского быта и блистательного фольклора, мистики, ужасов и фарса этот миг не приметен. И это потому, что явившиеся здесь и во сне и наяву страшные и несимпатичные образы, созданные Гоголем, дерзко вторгаются в дневную жизнь обыкновенных людей. И, прежде чем те добиваются своего счастья, многое в их жизни идёт не по сценарию. В отдельных случаях такие повороты событий приводят их участников даже к безумию, а то и к смерти. Но на этот раз здесь всё обошлось. Никто не погиб, хотя такие, кому бы медицинская помощь пригодилась, здесь есть.

Попробуем в характеристике образа этой девушки быть последовательными или хотя бы прояснить свою точку зрения на нашу версию. В селе Ганна считается красавицей из красавиц, и уже потому она является объектом всеобщего обожания парубков. Она живёт с матерью, но какое-то время до описываемых в повести событий девушка была за пределами материнского контроля. Где она была, мы не знаем, но знаем, что ей там было лучше, чем дома. Это её собственное мнение. В чём же там для одинокой девушки могло быть лучше? У неё было больше свободы? У неё были

лучше условия? Разве там к ней могло быть меньше внимания? Ведь она уже здесь, под материнским контролем, так сильно возмущается навязчивым вниманием к себе местных парубков. Последнее – вряд ли, но ответов на остальные вопросы у нас нет. Гоголь об этом не написал, а мы их, конечно, не нашли. Если допустить, что наш тезис о «свободе» или «контроле» что-то значит, то для ответа у нас имеется только один факт, который ещё больше запутывает ситуацию, и к нему мы ещё обязательно будем возвращаться, он ключевой.

После возвращения «откуда-то» в село в ухажёры к Гале в первое время набиваются все местные парубки. «Как им не надоест беспрестанно целоваться! Скоро, ей богу, нельзя будет показаться на улице!» – возмущается девушка. Ей это не нравится. Может быть, «не нравится», во всяком случае, она так говорит. Теперь заметим, что парубков (далее следует наше умозаключение), не обладающих ни высокими родственными связями, ни стоящим достатком, она избегает и не желает с ними даже разговаривать. И так она избегает всех, кроме сына сельского головы. Это случайно или преднамеренно? Мы не знаем, но видим, что со временем интерес сельских парней к девушке охладевает. Они не находят в ней того,

чего хотят, на что надеются. За Ганной продолжает настойчиво ухаживать единственный из них – сын богатого сельского головы Левко. Разгорается пыл к ней и у другого мужчины – у сельского головы, отца парубка. Гале отлично известна слава этого престарелого претендента на её «любовь». Но как нам видится, она рационально просчитывает почти что все свои шаги. Мы допускаем излишнюю подозрительность, но... Похоже, что Галю не очень беспокоит тот факт, что ночные свидания с юношей, а параллельно и с его отцом Евтухом Макогоненко ей могут серьёзно навредить. Сам факт такой встречи уже мог бы практически мгновенно опозорить её, что в сёлах и на хуторах обычно и происходит, когда данный факт становится достоянием общественности.

Вот тема, обсуждаемая Ганной с сельским головой «при свете месяца». Эта фраза из её речи: «Как тебе не стыдно! – сказала Ганна по окончании его речи. – Ты лжёшь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил!» Мы видим решительный натиск и такой же отпор. Это «битва» аргументов, в которой у Евтуха существовала возможность победить, а у Ганны – оказаться побеждённой, но богатой. Для окончательного принятия решения она и на встречу с ним

пришла – не побоялась, и в тайные переговоры вступила, и помнила, наверное, что слово «люблю» уже молвила другому мужчине, Левку. Всего за какой-то час до этого у неё произошла встреча с этим парубком – сыном головы. «Какой же ты нетерпеливый, – говорила она ему вполголоса. – Уже и рассердился! Зачем выбрал ты такое время: толпа народу шатается то и дело по улицам... Я вся дрожу...» При встрече с Левком: «В полуясном мраке горели приветливо, будто звёздочки, (её – Г.Д.) ясные очи». Она была «обвитая сумерками», но и в них «не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках её».

Дрожала ли она при встрече с его отцом или не дрожала, мы не знаем, а Гоголь об этом не написал, да и темно было. Но говорили они о любви! При встрече с Левком тоже не светло, но краску видно?.. Может быть, Гоголь «не дотянул» текст? Или Галя поняла, что с решением больше тянуть не стоит? Это наши фантазии. Мы, конечно, за Галю и за Левко. Мы против старого клубничника...

Ещё раз о встрече молодых. Левко ждёт Галю возле хаты, а та почему-то долго не выходит. Дальше слова Левка: «Ты боишься, верно, чтобы нас кто не увидел!..» Затем он уговаривает девушку выйти: «Я прижму тебя ближе к сердцу, отогрею поцелуями, надену шапку свою на твои

беленькие ножки». Дескать, выходи. Боялась ли она того, что её с парубком кто-то увидит? А это вряд ли. Почему? Во-первых, Галю с престарелым головой в её дворе заметили многие парубки, после чего девушка «поспешно влетела в хату». Во-вторых, так называемая «свояченица» их отлично видела и слышала, о чём голове прямо заявила: «Ты думаешь, я не знаю, о чём говорил ты сего вечера с Ганною? О! я знаю всё». Ранее, как вы помните, мы уже говорили, что эти «параллельные» встречи могли бы сильно навредить Гале. А теперь уже утверждаем: после приведённых нами деталей о встрече Гали с головой утром, наверное, узнает всё село. И что же она? Будет писать опровержения?..

В повести Ганна представлена как девушка решительная, смелая, целеустремлённая, но такая же кокетка, какими часто выглядят некоторые другие героини Гоголя из девчачьей среды. Ганна с лёгкостью признаётся Левку в любви и тут же крайне неожиданно и жёстко «подпирает» его вопросом. Спрашивает: говорил ли он с отцом об их свадьбе? Она уже будто бы приняла своё решение, отдав предпочтение партии с Левком, а Гоголь на такой переход, который у него вышел весьма крутым, наше внимание как бы не обращает, сообщает об этом чуть ли не мимоходом. Но ведь именно после той встречи, где девушка поднимала во-

прос о свадьбе, она и шепталась с престарелым обожателем «при свете месяца». Таким образом, она уже точно знала и позицию головы по отношению к ней, и его отношение к сыну! Зачем ей было обсуждать любовные темы с головой, если она уже и так знает, что это ни к чему хорошему её не приведёт?

Галя – это и мечтательная дева («Посмотри, вон-вон далеко мелькнули звездочки...»), и простодушное и любознательное дитя («Что, если бы у людей были крылья...», «Теперь-то не засну, если не расскажешь, я стану мучиться да думать...»). Кстати, этими звездочками вполне мог быть Млечный Путь. А в мифологии славянских народов он представляется дорогой, по которой души умерших поднимаются на небо. Вторая мотивировка названия: молоко как символ любви и мира, значит, млечный (молочный) путь в данном случае – это путь любви, а любовь – это божественное проявление в высоком христианском смысле. Так умершие ли её привлекают (и судьба русалок) или не до конца ясный путь её любви? Мы этого не знаем, но пытаемся понять... А вы уверены в том, что всё поняли?

Уговорив Левка рассказать старинную легенду о гибели несчастной панночки, как может показаться, девушка в определённом смысле «будит» русалок. И давайте вспомним,

какие же мысли у Ганны Петрыченковой вызвала эта тема. «Мне всё что-то будто на ухо шепчет, что вперёд нам не видаться так часто, – говорит она. – Недобрые у вас люди: девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры стала суровее приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было». «Какое-то движение тоски выразилось на лице её при последних словах», – замечает Н.В. Гоголь. Ганна не уверена в себе, она сомневается в перспективе взаимоотношений с любимым и интересуется русалками? К чему бы это?

Возвратимся к «весёлости», к её жизни у «чужих». Теоретически там Галя могла проявиться на гулянках, вечеринках, посиделках, колядках... Но ведь здесь она всячески избегает участия в подобных мероприятиях? Почему? И почему на лице девушки отражается «движение тоски» или безысходности и пессимизма? Ответить на эти вопросы мы сможем, полагаясь лишь только на свою собственную фантазию. Больше у нас ничего нет. В портрете Гали Гоголь выдвигает много вопросов, но мало поясняет, что понимать под ответами на них. При этом высокая поэтизация образа позволяет нам рассматривать эту девушку в ореоле непорочной чистоты и красоты, а вот с искренностью влюблённости не всё гладко.

Тем не менее мы верим Гале, потому что Гале верит Гоголь, он её создал не во всём внутренне и внешне уравновешенной, но такой, какой нам хочется верить!

Это подтверждает встреча девушки и Левка у пруда. Это подтверждает поэзия мастера. «Как тихо колышется вода, будто дитя в люльке! (мысли о материнстве – Г.Д.) – продолжала Ганна, указывая на пруд, угрюмо обставленный тёмным кленовым лесом и оплакиваемый вербами, потопившими в нём жалобные свои ветви (страх перед чёрной бездной воды – Г.Д.). Как бессильный старец, держал он (пруд, но может показаться, что и пан голова – Г.Д.) в холодных объятиях своих (тот же пан – Г.Д.) далёкое, тёмное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звёзды, которые тускло ряли среди тёплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи». (Опасность сохраняется, а русалки уже сейчас находятся в холодных объятиях.) Затем мы видим «с закрытыми ставнями старый деревянный дом»; «лес, обнимая своею тенью, бросал на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду». Безысходность, неизвестность, опасность – все они толкают человека к воде. При любом из поворотов или при неаккуратном движе-

нии – беда. И тут же следует просьба Ганны к парубку рассказать всё, что связано с этим домом. Она не только просит, а в большей мере требует этого и даже ставит ему свои условия. Здесь она как раз и высказывает свои сомнения в его любви к ней: «Нет! ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться да думать... Расскажи, Левко!..»

Зачем ей столь подробные объяснения о происшествии с панночкой? Провозглашённые Галей сомнения в его любви, повышенный интерес к ней как к женщине его отца (гипотетически мы связываем это с тем, что она будет «мучиться и думать») и её заинтересованность в знаниях о судьбе панночки-утопленницы, по сути, размещены в одной фразе. Почему бы нам не рассматривать эти слова как варианты её дальнейших размышлений о том, что ей делать? Что же это? Не размышляет ли она о том, чтобы повторить судьбу одной из русалок? Ведь она подавлена, внутренне она уже «накрутила» себя и пришла к мнению, что всё складывается не в её пользу. Конечно, это не план, это поиск плана, и поиск у Гали ещё продолжается, он ещё не закончен, но совершенно спокойной её считать уже невозможно!

Если не останавливаться на отдельных элементах всего страха и ужаса, то схематично рассказ Левка выглядит так. В заброшенном доме когда-то жил сотник, вдовец с панночкой – дочерью. Сотник женился на красивой женщине, оказавшейся ведьмой. Вскоре та рассорила отца с дочкой, и девушка утопилась в пруду, где среди таких же несчастных стала предводительницей. Потом и сама мачеха стала жертвой погубленной ею панночки, которая, находясь уже в статусе русалки, утащила её в воду. Но ведьма прикинулась там простой утопленницей и избежала наказания. И теперь панночка мучается, ищет её, но так и не может определить, кто же из её «подруг» – мачеха-ведьма?

В финале повести Левку на берегу пруда во сне в отражении на водной глади видится, как заброшенный дом преобразуется до «ясного величия». Затем как бы уже и наяву, но в том же сне, он замечает «белый локоть», «приветливую головку с блестящими очами», «тёмно-русые волны волос». Это прекрасная, но бледная панночка-утопленница, что со слезами умоляет его за награду найти мачеху-ведьму, которая «приняла на себя вид утопленницы». И Левко берётся ей помочь, здесь он вынужден это сделать. Он присматривается к хороводу душ утопленниц. (А мы удив-

ляемся: как же много случаев трагической любви и суицидальных развязок в этом селе!) Все девушки попали в хоровод утопленниц из-за несчастной любви, и одна только мачеха – из-за злости и зависти. В душе одной из девушек наш герой замечает тёмное пятно, а когда прозрачные русалки затевают новую игру, то роль злого ворона с удовольствием берёт на себя именно та, что таит в себе тёмную сущность. И Левко указывает на ведьму. Тьма в душе человека – это возбуждающая мистический ужас точка соприкосновения двух начал, двух полюсов мира, а у мачехи он отрицательный.

Что же представляет собой эта ведьма-мачеха? Здесь мы встречаемся с её «классическим» образом, созданным Н.В. Гоголем в духе фольклорных традиций Малороссии. Его новаторство состоит в том, что в вековые легенды и смыслы автор вкрапляет несколько иное содержание. Ведьма молода и привлекательна, она «хороша», «румяна и бела собою». (У сотника возможности выбора были, и он их реализовал неплохо.) Несмотря на молодость, она уже имеет «фирменную печать» в виде «страшного взгляда». Талант ведьмы в сочетании с молодостью и различными другими женскими чарами даёт ей возможность усыпить бдительность любого мужчины, как это

она сделала с сотником, не давши ему никаких шансов для распознавания её сущности. Гоголь представляет нам фольклорную версию идентификации ведьмы по увечьям, полученным кошкой от несчастной дочери сотника. «Страшная чёрная кошка» является одним из самых демонических животных. Здесь она бросается прекрасной девушке на шею и пытается задушить её, но панночке удаётся отбиться, отрубив кошке саблей лапу. Позднее, заметив свою мачеху с перевязанной рукой, «угадала бедная панночка, что мачеха её ведьма...» Так выглядит история, которую Левко рассказал Гале на берегу пруда.

Чем же мотивирована идея превращения этой молодой и интересной ведьмы именно в кошку? Как считалось в народе, ведьма-собака могла лишь испугать человека.оборотень-волк, напротив, с античных времён славился своей кровожадностью, но людям встречался в овчарне, на конюшне, на дороге или в лесу. Если же ведьма наметила кого-то избить, уничтожить или наказать другим способом, то она принимала облик клубка, свиньи или кошки. Но если на сельской улице ведьма ещё может проводить свои «карательные операции» в образе свиньи или клубка, то в панских покоях в таком виде ей появляться уже совершенно неприлично. Ей приходится

снова мобилизовать свой талант, чтобы перевоплотиться, а перевоплотиться она может только в грациозную кошку. В борьбе такие опасные и злые существа чаще всего теряют именно лапы, а с наступлением очередного светлого дня окружающим становится ясно, что искалеченным животным является ведьма. Так произошло и здесь.

Другую метаморфозу ведьмы мы вряд ли обнаружим в славянском фольклоре. Напомним вам лишь о том эпизоде, когда русалка «напала на неё (ведьму – Г.Д.) и с криком утащила в воду». Тогда ведьма не растерялась, обернулась в одну из утопленниц и стала прятаться среди них. Однако в легендах вариантов превращения ведьм в русалок нам обнаружить не удалось. Там «способ и условия вступления» в эту «компанию» строго регламентированы. В их «семью» могут попасть лишь умершие и утопившиеся девушки. Утопленная же русалками ведьма, как и любой другой человек, будь он художником, математиком или артистом, теряет абсолютно все свои исключительные способности. Ведьма попадает в иную бытийную нишу и возможностей повторного выхода за пределы человеческой обыденности уже не имеет, утверждает А. Звездин, на материалы которого мы здесь по ряду позиций опираемся. «Та-

кое развитие фольклорного сюжета, – пишет он, – имеет логическую мотивацию. И Гоголь внешне, *de facto*, всё же следует фольклорной традиции: утопленная ведьма не может обрести свой женский облик и не проявляет себя как ведьма. Но формально Гоголь смотрит на события по-иному: дважды подчёркивает, что ведьма "оборотилась под водою в одну из утопленниц". Автор запутывает нас, называя утонувшую мачеху ведьмой, якобы делающей русалке так тяжело и душно, что та падает на дно. Автор заражает русалку манией преследования, и проделки ведьмы после смерти существуют скорее в её фантазии».

Таким образом, мы можем утверждать, что Н.В. Гоголь не очень строго придерживался фольклорных традиций. Его стремление к усилению реализма сместило акцент повествования в сторону смешения христианского с языческим, божественного с демоническим, чудесного с обыденным, что и привнесло во все ритуалы эффект тотального воздействия нечистой силы на людей. В этом и состоит суть прессинга, созданного Гоголем, который идёт по всему полю «театра военных действий».

Но вернёмся на берег.

Опознав ведьму во сне, юноша просыпается с запиской в руках, о чём мы уже упоминали.

Его сон материализуется приказом комиссара сельскому голове немедленно женить своего сына на Ганне. Ослушаться требования начальника для Макогоненко невысказано. На вопрос Левка: «А когда же свадьбу, батько?» – вместо пожелания счастья и любви голова «посылает» сыну и невестке чёрта: «Свадьбу? Дал бы я тебе свадьбу!.. Ну, да для именитого гостя... завтра вас поп и обвенчает. Чёрт с вами! Пусть комиссар увидит, что значит исправность!»

Чем заканчивается подобная сделка с безбожным миром, известно ещё со времён Средневековья. Но, к счастью, в этом случае нечистая сила не требует за свою помощь каких-либо наград и не выдвигает своих условий. Наоборот, она щедро одаряет влюблённых, хотя эту «щедрость» в качестве свадебного подарка рассматривать тоже неприемлемо. Ведь это же плата за успешный поиск ведьмы среди русалок! Ещё раз подчеркнём то, что уже не раз пытались сказать. Решение проблем Левка возникает во сне и является следствием событий, во сне же происшедших. Утопленница-панночка является героиней той истории, которую юноша слышал от других людей и всего лишь пересказал девушке той майской ночью на берегу пруда. Сон воплощается в действия, а реальностью остаётся лишь бумага, основаниями для составления

которой могли бы быть десятки вариантов: от её подделки до реакции комиссара на жалобы на его подначального – голову Макогоненко. Голова и сам удивляется происшедшему: «Чудно мне, – говорит, – как это дошло до него!» (До комиссара. – Г.Д.) Как может такое быть, что голова чего-то не знает? Оказывается, может. Ведь одни люди страдают манией величия, а другие наслаждаются ею! К этим другим голова и относится, что мы уже пытались вам рассказать... Левко же утверждает, что «отлучился и встретил комиссара». По тексту видно, что врёт, но ведь такое же тоже вполне могло быть! С появлением записки от комиссара могла произойти любая другая невообразимо хитроумная история. Это же Гоголь! Игра судьбы – непредвиденная случайность, и здесь Левко вполне мог пойти на риск, на оправданный риск, правда, уже по варианту Павлика Морозова – заявить на отца кому следует... Как вы понимаете, все наши выводы случайны, и к тому же они вовсе не выводы, за которые хоть как-то надо отвечать аргументами, а домыслы читателя. Они следуют из «недокрученных» выводов тех людей, кто как раз и должен отвечать за свои теории. Мы же смотрим лишь на те моменты, где критика в своих выводах, как нам представляется, остановилась. Нам показалось, что она останови-

лась на пороге упрощённого взгляда на сюжет. Возможно, литература просто не дошла до этого или у неё не хватило объёмов книг. Вот и всё. Может быть, мы тут оголтело и ступали краски, тогда извините...

Тем не менее по сюжету и по его сути здесь мы находим вызов. Он объявлен не только никчёмному и сластолюбивому старикану, но и тем тёмным и ржавым пятнам, кляксам и разводам, которые обладают мистической силой, то есть живут в душах отдельных людей и являются основой всех их сатанинских «талантов». Потому и у нас тоже грусть здесь вызывает то, что счастье становится реальностью только благодаря вмешивающимся в человеческую жизнь чудесам, что бывает лишь в сказке.

«В тонком серебряном тумане мелькали девушки, лёгкие, как тени. Тело их было как будто изваяно из прозрачных облаков и будто светило сквозь при серебряном месяце», – пишет Н.В. Гоголь в «Майской ночи». Манящая белизна и воздушная прозрачность женского тела, как наваждение, преследуют Гоголя на протяжении всего его творчества. Эту «белизну» критики второй половины XIX – начала XX века постоянно ставили Гоголю в вину, окружая упоминания о ней не только фантастическими, но и даже самыми ненормальными физиологическими конструкциями

ми. Они «подвёрстывали» к ним такие обвинения, о которых не хочется даже вспоминать. В то же время тёмные пятна в душах своих героев, которые Гоголь не только находил, но и высвечивал в текстах, воспринимались ими избыточными или само собой разумеющимися. Любопытным было бы найти и увидеть в строках Гоголя бесцветный образ человека или отличающийся не «белизной», а «чернотой», будь то женский образ или мужской, неважно. Конечно, мы найдём подобные образы. Но они будут: тёмными, нечистыми, печальными, мрачными, непроницаемыми, чернявыми, смоляными... Они будут чёрными, но с такой гаммой оттенков «черноты» и чувств, их выражающих, с таким разнообразием исполненного буквами цвета, что нам останется лишь только восхищаться талантом автора.

Мы думаем, что Гоголь видел «белизну» лишь в прекрасном и высоком, как в начале своего творческого пути, так и в последующем. Как, например, в «Мёртвых душах», когда на губернском балу рядом с Чичиковым прекрасная молодая девушка «одна только белела и восходила прозрачною из мутной и непрозрачной толпы». Как это видение, появившееся из другого мира на балу, напоминает нам русалку, выглянувшую из тёмной застоявшейся воды! «Эти «прозрачные, светящиеся насквозь, как

будто изваянные из облаков» тела русалок по природе своей подобны телам древних богов; это та же самая мистически-реальная одухотворённая плоть, величайшая противоположность «христианской» бесплотной духовности, плоть лёгкая и всё-таки нетленно твёрдая, как «твердь» небес. Это и есть одно из «двух начал, заключённых в самом Гоголе, – начало плоти», – пишет Д.С. Мережковский («Гоголь. Творчество, жизнь, религия»).

Н.В. Гоголь не случайно включил в название сборника слово «вечера». С вечеров начинаются ночи. В его повестях чаще всего вечерами случаются завязки событий, а у его героев возникают идеи и замыслы их исполнения. За вечером следует ночь. А это уже «прайм-тайм» нечистой силы, её «свершений» и крушений надежд тех, кто слаб духом и телом. Но это и время беспощадных схваток с нечистой силой, время торжества правды над корыстью, ненавистью, злом... Это же и время широких распродаж и только на первый взгляд выгодных приобретений, когда за прилавком и на кассе существа с рогами, хвостами и мётлами.

Какая же она ещё, гоголевская ночь? Его ночь – это время горячих свиданий, взаимных любований и безудержной любви. «Майская ночь» – это «божественная ночь», «очаровательная ночь», наполненная «сладкой тиши-

ной». Это время, когда леса обсыпаются «тонкой серебряной пылью», а из воды в рубашке, убранной «как ландышами луг», возникает женщина. Она может быть и русалкой, но она прекрасна и стройна, «как приречный тростник», хотя и бледна, «как блеск месяца» («Майская ночь»). Она светится даже в воде, словно «сквозь стеклянную рубашку» («Страшная месь», а от её сказочных форм веет «месячным сиянием» и «облаками» («Страшная месь», «Вий»). Её нежные перси, словно «фарфор, не покрытый глазурью», просвечивают по краям, и усмеваются «потопу радости» и «океану блаженства». Уста-рубины «прикипают к сердцу» («Вий»).

Но ночью всё спит, «будто с открытыми глазами» («Ночь перед Рождеством»). И даже тени от кустов напоминают «чёрные кометы» («Вий»). Река – «полоса дамасской сабли» («Страшная месь»). Именно на такую «небесно-ухающую, чудесную ночь» обращает внимание читателей Андрей Белый («Мастерство Гоголя»), а Гоголь подталкивает нас к размышлениям не о чертовщине, а о жизни. И Гоголь предупреждает об опасности. Убийственную мощь оружия из дамасской стали славили веками больше, чем сейчас славят автомат Калашникова! Это опасное и смертельное оружие. Гоголь побуждает нас задуматься о том,

что человек не всегда способен сам решить свои задачи, а потому готов пойти даже на сделку хоть с самим чёртом. Но принесла ли сделка этой «юной, бледной красавице, жертве ненависти злой мачехи», как характеризовал панночку В.Г. Белинский, удовлетворение от того, что у неё появился адрес для мщения? Влюблённые люди тоже на «линейке» альтернативности всегда способны выбрать свои краски, но и червоточина в душах всегда имеет свои предпочтения. Краски можно и выбрать, и купить, и вступить в баталию за них, если они в дефиците. Вопрос в том, что это за краски будут?

Гоголь не осуждает, а предостерегает нас, что идеалы любви, обременённые меркантильными примесями, способны легко превратиться в разменную монету. Поэтому и белое, и чёрное, и чёрно-белое изображения способны произвести эффект как изумительного зеркального блеска, так и полной непрозрачности. Все образы у Н.В. Гоголя необычайно просты. Но каждый из них по-своему неожиданно сложен, поскольку такие особенности становятся доступными нашему пониманию не сразу.

И напоследок представьте себе: что, если бы Галя не устояла перед натиском головы, дрогнула и в результате в хату Левка пришла

в роли его молоденькой прекрасной мачехи? Такое развитие ситуации вы ведь вряд ли себе до прочтения нашей совсем уж несусветной версии представляли? (Здесь трудно себе даже представить состояние и Левка, и «свояченицы».)

Да, это была бы уже другая по температуре кипения сказка, сказка, которую, впрочем, и тогда бы смог написать только Гоголь Николай Васильевич... Но не написал, потому что в последних строках повести Галя всё-таки успокоилась и заснула: «Голова её оперлась на руку; щёки тихо горели; губы шевелились, неясно произнося его имя». Это имя – Левко! Значит, у всех всё закончилось хорошо, и наша конспирологическая версия выглядит ничуть не более чем тревожный сон после прочтения. Только у нас сон получился чёрно-белый, на узком экране, со скуными титрами и с будничным текстом вместо звуков природы и бандуры, птичьих голосов и звонкого смеха сельской молодёжи...

ГЛАВА III. ЛЮБОВЬ КАК ВЫСШИЙ ДАР И ДЬЯВОЛЬСКАЯ СТРАСТЬ...

Тема любви в творчестве Гоголя никогда не являлась главной, однако романтические истории мы находим у него часто, причём в самом центре ряда повестей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а также в «Старосветских помещиках», «Невском проспекте», «Женитьбе»... Отдельные любовные эпизоды встречаются и в других его произведениях, где выступают «катализаторами» в развитии сюжетов, но представляются нам ничуть не менее увлекательными. Воззрения на любовь к женщине у Гоголя, без всякого сомнения, складывались под влиянием его матери. Её дочерей романтические приключения и даже слухи о любовных страстях обошли стороной, а вот личная жизнь её сына Николая осталась загадкой со всеми без исключения неизвестными. Отношение Николая Гоголя к женщинам многие современники гения и его критики квалифицируют страхом перед неизвестностью и боязнью преступить Божью заповедь согрешением. К этому же они причисляют устойчивое

стремление Гоголя достичь идеала гармонии в любви, которую Николай Васильевич считал наивысшим благом. Такие мотивы встречаются и в письмах Николая Васильевича, где излагаются его личная точка зрения на любовь и его отношение к этому чувству.

Любовь и любимая женщина Гоголем характеризуются довольно противоречиво. Это и высший дар, идеал, гармония, величайшее благо на земле, но и дьявольская испепеляющая страсть, способная пленить и погубить человека. Именно в таком широком диапазоне предстаёт перед нами это возвышенное чувство в образах, созданных Н.В. Гоголем, в его оценках и в письмах замечательного писателя. Как отмечал К.В. Мочульский, «мысли Гоголя о демонической природе красоты и губительности любви основаны на его личном психологическом опыте». Комментируя одно из писем к матери тогда ещё совсем юного творца, где он обосновывает своё намерение совершить заграничную поездку любовью к некой красавице, Ю.В. Манн приходит к выводу, что Гоголь «жаждет красоты как божественного прорицания и боится как дьявольского искушения; возникает ощущение, что в самой красоте уже заключено губительное семя (...) Гоголь бежит от красавицы, но тем самым и от самого себя, от скрытых опасностей своей души».

Во время знакомства с этой главой нашим читателям может показаться, что объединение в ней впечатлений от прочтения трагического «Вечера накануне Ивана Купала», повестей «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Страшная месть» и отрывка «Страшный кабан» более случайно, нежели оправданно. Здесь ведь очень «разнополосные» сюжеты, герои, ситуации, проблемы и, что особенно важно, пути их решения... Однако не будем забывать слова Л.Н. Толстого, что все влюблённые счастливы одинаково, а несчастны по-разному. Это действительно так, в чём вы ещё раз, надеемся, убедитесь, прочтя настоящую главу. Есть и другие, более приметные причины, объясняющие наш подход. Во-первых, большинство из перечисленных нами произведений сосредоточено в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» лично автором. Во-вторых, об упомянутых нами ярких и незабываемых картинках из жизни, вышедших из-под пера Н.В. Гоголя, даже корифеи гоголеведения скромно информируют нас: «написано в 1829–1831 году», «скорее всего, в 1831 году», «лето-осень 1831 года», «наиболее вероятно, в 1829–1830 годах» или «печатался единственный раз в 1831 году» и т. д. Таким образом, при создании этих произведений автор стоял в самом начале своего телесного и творческого взросления.

Напомним, что эти, вероятно, наиболее аргументированные предположения о времени создания Гоголем произведений мы узнаём от людей, которые творчество классика изучают не только по причине своей профессиональной занятости, но и в силу своего притяжения к исследовательской работе, и, конечно, в силу своего таланта. Это те зубры, которые годами и десятилетиями трудятся в стенах научных институтов, кафедр и библиотек и нередко представляют нам всё новые и новые находки из биографии и сокровищницы творчества великого поэта.

У нас другая литературная «судьба», потому что наши встречи с гением слова Николаем Васильевичем Гоголем происходят лишь в часы досуга и в выходные дни. Да и потом, даже в предисловии к сборнику «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголь, наверное, только для нас заметил, что «печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё...» Бумаги и правда сейчас стало ещё больше, чем было тогда. Так что почитайте и наши неумелые строки, а если не глянутся они вам, тогда и надумаете, что бы такое в них завернуть...

В том же предисловии к «Вечерам...» Н.В. Гоголь однажды восклицает: «Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы!», а перед Ку-

пальским праздником уже констатирует, что «женщине легче поцеловаться с чёртом, чем назвать другую – красавицей!» Две строки и две оценки – такие разные, но строк в его трудах намного больше, как и образов его удивительных героинь. В их замечательных портретах и изящных эскизах к ним – отражение мириад открытых Н.В. Гоголем идей. Здесь море его сокровенных мыслей, сомнений, предположений и убеждений – и в торжестве, и в превратностях любви и брака. Они в судьбах его литературных образов, они в их трагических и комических делах и делишках. Они в авантюрных решениях, удачах и в полных катастрофах отдельных их замыслов, творящихся тогда, когда на промысел за счастьем выходит человеческая слабость, где встречается дьявольскую силу с оттопыренными от золота карманами для её материального стимулирования.

Эротический аспект кулинарного искусства

Наш пересказ о женщинах мы продолжим, а в этой главе как раз начнём с повести «Страшный кабан», уцелевшей лишь в двух главах. Здесь юный Николай Гоголь нарисовал несколько замечательных картинок из

малороссийской жизни и самым удивительным образом уже тогда заявил о своём литературном таланте. Ему не исполнилось ещё и 22 лет, но прекрасные образы, чудесные мгновения из сельской жизни и грациозную, весёлую любовную идиллию мы получили и теперь знаем. Этой повести литературоведами было почему-то обидно мало уделено внимания, ещё меньше она известна читателям. К сожалению, это так. И вот ещё почему мы начинаем данную главу с уцелевшего отрывка из «Страшного кабана». Один из наиболее осведомлённых в деталях биографии поэта В.И. Шенрок создание этих строк относил к студенческим годам Гоголя в Нежине. И хотя этого ему доказать тогда не удалось, но мы не исключаем, что Николай Васильевич во время их написания мог действительно оказаться намного моложе. Кроме того, в современных изданиях на двух десятках страниц текста мы встречаем пять коротких и метких набросков к характеристикам героев повести, среди которых – девушка с удивительным характером и несколько крайне занимательных женщин. Коллективный портрет сельских «красоток» – там же, на нём по ходу своего повествования мы тоже обязательно остановимся.

Отрывок из повести «Страшный кабан» при жизни Н.В. Гоголя печатался только один раз –

в 1831 году. Случилось так, что на журнальных страницах он оказался рядом с новыми строками пушкинских шедевров. Это было как бы заочное знакомство молодых творческих людей, а реальная их встреча состоялась уже в доме П.А. Плетнёва на Обуховском проспекте тогдашней столицы спустя четыре месяца. Как утверждают критики, многие идеи «Страшного кабана» растворились в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», и это только укрепило наше мнение о том, что рассказ об упомянутом отрывке следует поместить в самом начале настоящей части нашего повествования. Сразу же заметим, что мы не собираемся сопоставлять варианты замеченных нами различий в основах и в частностях по отношению к «Вечерам...», поскольку такой задачи перед собой не ставили. Но отдельные подробности мы вспомним – и только те, что помогут нам полнее уяснить глубину женских образов, созданных талантом удивительного юноши.

В повести «Страшный кабан» автор и рассказчик, говоря о кухмистере Ониське, получившем «сердечную рану» при виде «мывшейся на берегу пруда Катерины», замечает: «Бес как будто нарочно дразнил его (сам он после признавался в этом), поминутно рисуя перед ним стройные ножки соседки». Старт нам понятен. Моющаяся на берегу пруда девушка,

а в кустах очарованный этой картиной и за- таивший дыхание Онисько. В ту минуту, как мы сами себе представляем, он лишь успел открыть рот и молчаливо посмотреть на её удивительные спелости без всякой динамики. Ни встречи, ни диалога, ни действий: пришёл, увидел и затих...

Кухмистер, для тех, кто не в курсе, – это повар. Будем ли мы ставить повару в вину то, что, вспомнив беса, он непроизвольно стал объектом воздействия нечистой силы? Вряд ли. Хотя, наверное, этот мужчина мог бы придерживаться более благочестивых размышлений и в тот момент, когда наносил визит Катерине в отсутствие в доме отца красавицы. Но на её предупреждение о том, что «батька нет дома», тогда он с удивительной кудрявостью в словах философски изрёк: «Что бы я был за олух царя небесного, когда бы стал убирать постную кашу, когда перед самым носом вареники в сметане». Забегая вперёд, сообщим вам: некоторое время повар нам представляется весьма смутной и крайне неудачной кандидатурой для того, чтобы оказаться в роли объекта девичьей страсти или желаний.

О Катерине с её ножками, которые заприметил Онисько при тех пикантных обстоятельствах, о складывающихся между ними отношениях, а также о «чёрте» и его «сподвижниках»

мы выскажемся так же витиевато, как и повар. А для лучшего понимания возникшей диспозиции напомним одну из «формул» современных знатоков интимной сферы взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Они утверждают, что если сексуальность имеет «прописку» на магистральном пути, ведущем к удовлетворению желаний, то эротика связана с множеством обходных тропинок, способных как привести человека к его природной цели, так и далеко увести его от неё. А если ещё вспомнить их научение о существовании двух типов эротомании, а именно сладострастия и разврата, то теперь уже в душу Ониська можно заглянуть чуть глубже.

Где же Онисько был в минуты водных процедур, о которых мы вам напомнили? Скорее всего, в «зоне» сладострастия, в процессе накопления и вбирания в себя удовольствий от увиденного и от мыслей о них, ибо второй полюс – разврат, а это уже расточение и опустошение себя. У Ониська, по нашему предположению, хотя это и не бесспорно, отклонений от благочестивых мыслей при каждой из двух встреч с Катериной, как и смысла в упоминании чертовщины как таковой, по сути дела, не имелось. Да и сравнимы ли его слова и действия с теми мыслями и поступками, например, когда в ночь рождественского

сочельника многочисленные кавалеры припожаловали к Солохе («Ночь перед Рождеством»)? Напомним, что тогда нагрянули они к ней, имея совершенно точные представления не только о щедром столе и выпивке в пост, но и об абсолютно прозаических личных планах на саму Солоху как на женщину, которой неплохо было бы и овладеть!

Исследователи творчества Гоголя обращают наше внимание на то, что «Страшный кабан» создавался автором под влиянием Ирвинга. У того в «Легенде о Сонной Лощине» повествуется о приезде в тихое, патриархальное селение школьного учителя, удивившего его обитателей необычной внешностью, поведением и влюблённостью в одну из местных красавиц. (Кстати, у героинь Гоголя и Ирвинга даже сходные имена – Катерина и Катрина ван Тассель.) Повесть Гоголя осталась незавершённой, и о дальнейшем развитии её сюжета сегодня можно лишь фантазировать. Конечно, она могла бы закончиться точно так же, как и у Ирвинга. Могла завершиться участием в событиях кабана – подобно тому, как в «Сорочинской ярмарке» он высунул своё «страшное свиное рыло» в окно. Мы не будем развивать фантазию, потому что эта повесть Гоголем не завершена, а мы всего лишь читатели, но не писатели.

Итак, кто же здесь участвует в «операции "Катерина"»?

Катей воспламенился яркий представитель интеллектуальной элиты села – учитель Иван Осипович. Это «щеголеватый наставник юношества», который умел талантливо угодить любому и «как могучий чародей, приковать к себе всеобщее почтение». Это человек, имеющий высокое служебное положение (таковым оно тогда было у учителя), мужчина в светло-синем сюртуке с большими костяными пуговицами и отличными навыками в демонстрации окружающим своих «наружных достоинств» за столом. Гоголь характеризует учителя как не очень умного, но скромного, отчасти стыдливого и непьющего человека. О других его качествах мы скажем позднее, а сейчас прервёмся, чтобы сообщить вам: учитель и есть первый номер среди претендентов на право отвести под венец Катю.

Ещё один соискатель благосклонности Катерины возникает для нас совершенно нежданно и нежданно. Это главный переговорщик по сердечным делам учителя – кухмистер (повар) Онисько. Он тоже парень интересный: специалист, превосходно владеющий кулинарным искусством, и в то же время «авторитетный» в селе выпивоха, шалопут и разгильдяй. Его роль во внешне беззаботной и

успешной жизни учителя для односельчан до последних страниц отрывка остаётся неразгаданной тайной. Но «ещё непонятнее была власть кухмистра над нашим педагогом», – пишет Н.В. Гоголь. В селе Мандрыки, где разворачиваются события, эти занимательные мужчины, по словам Николая Васильевича, ведут себя словно «Орест и Пилад нового мира», что является высшей оценкой их неразрывной мужской дружбы. Действительно, крайне поразительным и странным было для сельчан видеть, как непьющий учитель неизменно «плёлся» за фанатом зелёного змия «по шинкам и по всем закоулкам, куда разгульный кухмистер наш показывал только нос свой».

Вскоре мы узнаём и суть той дружбы, которой земляки наших героев пока ещё не знают. Гоголь на этом прямо не останавливается, и к существу дела мы подбираемся уже своим умом по мере дальнейшего знакомства с этими короткими главами. Кухмистер, спьяну ли или всего лишь на похмелье, трудно сказать, но мы предполагаем, что так, а может быть, и за бутылку, что для людей его калибра было бы логичным, – обязался перед учителем взять на себя труд переговорщика от его имени в вопросе женитьбы на светлой мечте педагогической страсти – Катерине. Другими словами, Онисько дал слово выступить сватом со сто-

роны учителя и в последующем сдержал своё слово, несмотря даже на ту сердечную рану, которую так неожиданно получил при изучении очаровательной Катерины на сельском пляже. Н.В. Гоголь нам не поясняет, как в ту минуту выглядела Катя, но мы себе представляем, что была она в тот час точно и без шубы и без валенок. Конечно, даже в купальнике на тесёмочках как впереди, так и сзади или совсем без него девушка была бы тоже неотразимой. Ясно одно – для Ониська после такого необычного зрелища переговоры с девушкой были испытанием запредельного морального напряжения и физических сил.

Катерина – воспитанная, скромная, чистая и порядочная девушка. Блондинка. Такой её представляет нам Н.В. Гоголь. Порог её дома «не без боязни и тайного удовольствия», как сообщает нам автор, и переступил наш повар-дипломат, поминутно вспоминая о тех её обворожительных формах, что ему ненароком удалось подсмотреть. Это уже вторая глава повести: «Успех посольства». Здесь мы, наконец, и знакомимся с этой интересной барышней в тот миг, когда Онисько явился со своей дипломатической миссией во двор козака Харька Потылицы. «Мелькнула синяя запаска, огненная лента... – пишет Н.В. Гоголь. – Сердце в нём вспрыгнуло... и белокурая краса-

вица, разгоняя хворостиной докучных собак, встретила его, отворяя ворота». Несмотря на яркость её одежд, мы понимаем, что, как на речке, так и здесь её уборы не в силах отвлечь внимания Ониська от красоты её лица, изящества фигуры и иных прелестей, из чего и состоит её красота. Гоголь, кстати, о её нарядах больше ни разу не вспоминает ни слова.

Катерину мы встречаем всего лишь на последних 5–7 страницах в заключительной сцене этой главы, а других глав нашими гоголеведами, литературоведами и учёными пока ещё не обнаружено. В этих строках, заполненных диалогом кухмистра и прекрасной блондинки, мы выясняем, что Катя может быть очень разной по реакции на слова и действия собеседника, но душевной и обстоятельной она остаётся всегда. Внешне она выглядит куколкой: красива, стройна и умна. И мы, конечно, понимаем, что такую привлекательность этой молодой, наполненной светлыми мечтами и сердечными переживаниями женщине представляет себе и отражает в тексте очень молодой и талантливый автор – Н.В. Гоголь.

Мы видим Катю и чуточку удивлённой неожиданным визитом Ониська и замечаем в ней искреннее недоумение от цели визита кухмистра, наблюдаем её неподдельно озадаченной неясным смыслом произнесённых

гостем слов, улыбающейся, снисходительной или даже демонстративно обиженной. Мы рассматриваем её зардевшееся личико уже от одного лишь признания Ониська в том, что её отец гостю совсем не нужен, когда у него «есть такая хорошенькая дочка». Катерина действительно хорошенькая, и такое впечатление о ней складывается и у нас после прочтения совершенно немногих слов и фраз Гоголя. Автор нашёл их. И этих слов нам вполне хватает, чтобы ему поверить. С учётом оценки, которая прозвучит в адрес Кати во фразе соседки Симоники в конце сохранившегося отрывка этой повести, можно понять и другое. Уяснить, как девушка выглядит в повседневной жизни, как она себя ведёт за пределами той встречи, что стала доступна нашему взору, какое мнение о ней сложилось у односельчан и, наконец, даже то, настолько ответственно она относится к своему авторитету и положению в обществе.

Катерина – вежливая и воспитанная девушка. Она сразу же приглашает гостя пройти во двор, а Гоголь комментирует: «Девушки в Малороссии имеют гораздо более свободы, нежели где-либо, и потому не должно показаться удивительным, что красавица наша, без ведома отца, принимала у себя гостя». Затем, «стараясь принять степенный вид», юная

хозяйка расспрашивает Ониська: пешком ли он сюда добрался (в соседний двор – ГД.), «хотя лукавая улыбка явно изменяла ей и заставляла против воли показать ряд красивых зубов». Улыбка выдаёт иронию Катерины, и кухмистра терзают сомнения: «неужели она знает про вчерашнее?» «Вчерашнее», как и любое позавчерашнее у кухмистра могло быть связано лишь с его очередными похождениями, из чего и соткана его повседневная жизнь. Это связано, конечно, и с его частыми выпивками, от которых никак не может, да и не пытается избавиться кухмистер. Это связано с той его негожей славой, что не одобряют его сельчане, но мирится зажиточная хозяйка Ониська по причине его мастерства на кухне. В словах девушки мы замечаем не столько её информированность, сколько пронизательность, ироничность и даже деликатность. Эти качества оценивает и её посетитель: «Нет, плутовка! сам лукавый не хитрее этой девки!» Сравнение, конечно, не самое удачное, но оно соответствует уровню его воспитания, характеру, речи и всему его образу в целом. И хорошо ещё, что кухмистер так лишь подумал о ней, но не произнёс это сравнение вслух... В эту минуту в его сознании как раз впервые и зарождается идея послать учителя к чёрту, «позабыв и приязнь, и дружбу», и даже готов-

ность смириться с позором такого ужаса, если бы во время приготовления обеда на сковороде пригорели «караси с свежепросольными опёнками»! Он думает и мечтает лишь о том, как бы ему услышать смех Кати ещё раз, о том, чтобы девушка засмеялась собственнлично для него и только... Онисько не знает тех нежных слов, которые можно было бы сказать девушке, но и удержать свои эмоции в себе – тоже не в силах. Он предпринимает первую попытку её обнять. Как говорится, риск благородное дело. Молодец! По крайней мере, так повар для себя кое-что прояснил.

В эту минуту мы видим уже другую, хотя и по-прежнему вполне дружелюбно настроенную к гостю Катю: «Вот этого-то я уж и не люблю! – вскрикнула, покраснев, Катерина и приняв на себя сердитый вид. – Ей-богу, Онисько, если ты в другой раз это сделаешь, то я прямёхонько пуцну тебе в голову вот этот горшок». Это горшок-инвалид, «которому, несмотря на раны и увечье, – пишет Гоголь, – не дают отставки и, в награду за ревностную службу, наливают помоями». Гоголь сообщал нам о горшке несколько раньше, освещая появление во дворе Катерины её гостя. Израненная ёмкость выступает в той же роли, которая у театральных обычно отводится висящему на стене ружью в первых актах спектаклей. Но здесь

эта роль, связанная с устрашающей карательной перспективой использования, оказалась не востребованной. «При сём слове (после попытки обнять Катерину – Г.Д.) сердитое личико немного прояснело, – пишет Гоголь, – и улыбка, мгновенно проскользнувшая по нему, выговорила ясно: "Я не в состоянии буду этого сделать"». Горшок выстоял, а девушка уже и сама включилась в ту игру, которая ей, наверное, уже не раз виделась в мечтах: с романтическими свиданиями, прекрасными юношами и комплементами, адресованными ей. Вскоре это подтвердилось и её действиями. Катя села рядом с парламентёром с тем же «весёлым видом», что и был раньше до прозвучавших от неё угроз.

Формально кухмистер исполнил поручение учителя, хотя в тот час, когда сообщал о влюблённости Ивана Осиповича в Катерину, его лицо отражало самую неподходящую для такого случая «жалкую мину». Да и по ходу осуществления своей дипломатической миссии для «убедительности» своей речи он не только известил её о том, что учитель «кручинится» и «горюет», но и не упустил возможности поумничать, сравнив Ивана Осиповича с «покойной бурой» свиньёй, что нам становится известным из прекрасно написанного Н.В. Гоголем «протокола» переговоров.

Теперь мы уже видим Катерину совсем не той, что была минутой раньше. Девушка огорчена, раздосадована и удивлена столь невзрачной прозаической целью посреднической миссии этого вполне успешного и интересного мужчины с отнюдь не однозначными качествами. Она удручена тем, что её мечты о влюблённом в неё юноше в объяснениях Онисько на самом деле касаются учителя и выглядят совершенно буднично, коряво и так несимпатично, как и сам учитель. Она расстроена, что столь деликатную по отношению к ней миссию этот кухмистер исполняет так неуклюже и так неумело. Наверное, расстроена она и тем, что этот человек имеет столь неоднозначную репутацию. После первого же слова «дипломата» Катя замечает и его беспомощность, и нелепость, и неумение изъясняться по той святой, волшебной и непорочно-возвышенной для неё теме, за которую он взялся. И наконец, она замечает в эту минуту презрение этого неискущённого в общении с девушками человека к самому себе. Катерина жёстко указывает «послу» на ущербность его собственных поступков, на неприглядность его места и положения среди односельчан из-за его поведения и того образа жизни, который он ведёт. Она не стесняется пояснить, что его может ожидать в будущем в компании

бродяг и попрошайек со всего околотка. Здесь Катя, конечно, снова нажимает на его круизы по шинкам, на чреватость негативными последствиями общения с собутыльниками и на то, что будет с ним в результате дружбы с такими же безвольными, как и он, людьми, включая в их число и самого учителя!

Повар какое-то время ещё сохраняет уверенность в том, что своим посредничеством для Катерины он делает нужное ей дело, но ошибается. Девушку обижает даже сам факт, что обсуждение столь благородной для неё темы происходит с участием постороннего человека. Она стыдит кухмистра, высказывается, что его поручитель ни при каких условиях её мужем не станет. «Слава богу, я ещё не ослепла; слава богу, я ещё при своём уме...» – взволнованно заявляет Катерина. «Сказав это, она отёрла шитым рукавом своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардевшейся щёчке, будто падающая звезда по тёплому вечернему небу», – пишет Гоголь.

Почему же Катя не видит в учителе Иване Осиповиче спутника жизни, мужчину, мужа, отца своих детей? Ведь тот же занимает в селе значительное положение? Это ведь самая образованная интеллигенция в округе!? По тем главам из повести, которые нам оставил

Н.В. Гоголь, мы можем опираться всего лишь на характеристику этого человека, на несколько фраз писателя о его достоинствах и собственные догадки. «Но, может быть, женщины видят более нас. Кто разгадает их?» – здесь ещё колеблется и сам автор, а затем немножко приподнимает завесу, до сей строки прикрывавшую педагогический талант и человеческие качества учителя. Краткими и точными мазками художника он создаёт нам условия для того, чтобы мы получили собственное представление о сельской интеллигенции. И мы понимаем, что такими же точно знаниями об учителе владеют в селе все: и женщины, и девицы, и сама Катя.

Остановимся на характеристике Ивана Осиповича и мы. Госпожа дома более всего была «довольна сведениями учителя в домашнем хозяйстве, в умении делать настойку на шафране и *herba gabarbarum* (имеется в виду ревеня обыкновенный – ГД.), в искусном разматывании мотков и вообще в великой науке жить в свете. Ключнице более всего нравился щегольской сюртук его и уменье одеваться; впрочем, и она заметила, что учитель имел удивительно умильный вид, когда изволил молчать или кушать». Гоголь продолжает перечисление совершенств этого мужчины, и мы узнаём, что: «Почтенный педагог имел

необъятные для простолюдина сведения, из которых иные держал под секретом, как-то: составление лекарства против укушения бешеных собак, искусство окрашивать посредством одной только дубовой коры и острой водки в лучший красный цвет. Сверх того, он собственноручно приготавливал лучшую ваксу и чернила, вырезывал для маленького внука Анны Ивановны (его госпожи – ГД.) фигурки из бумаги; в зимние вечера мотал мотки и даже прядл».

Тесные пределы этой главы здесь не позволяют нам сказать о многом, шире развить наши предположения и дать заранее полные объяснения на ваши недоумённые вопросы, при чтении строк Гоголя возникающие. Поэтому мы иногда используем обширные выдержки из того, что сказал сам Николай Васильевич, а чтобы сказать точнее его, у нас не хватает таланта, чувства слова и ритма. В то же время приведённые в выдержках слова автора позволяют вам одновременно с чтением сопоставить их с нашими гипотезами и сразу же строго указать на выявленные у нас ошибки и несуразности.

Суммируя уже имеющуюся у нас информацию о забавных «доблестях» учителя, мы неизбежно приходим к выводу о том, что для нормального мужчины они никчемны, отча-

сти нелепы, порой глупы и смешны, и нам становится совершенно понятно, что такое же мнение об «уникальности» этого кандидата на руку и сердце девушки сложилось и у Катерины. Она не может не знать этих качеств, и в её знаниях как раз и таится источник столь неодобрительного отношения к миссии Ониська, а не к самому «делегату» от лица сельского образования. Авторитет учителя случился и вырос из ничего, он не держится ни на чём, поэтому и мужчина этот сам собой – ничто или полный нуль. К тому, что мы, как и Катерина, уже знаем об этом человеке, Н.В. Гоголь методично добавляет другие убийственные фразы и сравнения. «Все прочие лица, – пишет он, – стояли в тени пред этим светилом так, как все строения во дворе, казалось, пресмыкались пред чудным зданием с великолепным его фронтоном». Куда уж яснее? Каждое из дворовых строений «несёт» свою нагрузку и выполняет ту или иную функцию. А здесь «чудное здание», главное достоинство которого в наличии фронтона? Всё дело в том, люди ничего не видели из числа того, что было бы сделано учителем для пользы людей, а в своём каждодневном крестьянском труде ничего необычного или достойного обсуждения они не находили, да и других фронтонов они никогда не видели и не знали.

Ещё одна причина неприятия учителя Катериной, заметим, очень красивой и привлекательной девушкой, могла бы состоять в его отталкивающей внешности. «Удивительно ли, – пишет Гоголь, – если с такими дарованиями сделался он необходимым человеком в доме (своей хозяйки – Г.Д.), если вся дворня была без ума от него, несмотря, что лицо его и окладом, и цветом, совершенно походило на бутылку, что огромнейший рот его, которого дерзким покушениям едва полагали преграду оттопырившиеся уши, поминутно строил гримасы приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имели цвет яркой зелени, – глаза, какими, сколько мне известно, ни один герой в летописях романов не был одарён». И нам становится ещё понятней, что Катя не могла мечтать, думать и даже допускать того, что именно такой мужчина окажется с ней рядом. Совершенно точно, что во снах и грёзах ей мог являться лишь прекрасный юноша, герой или, по крайней мере, мачо.

Ещё одна причина негативной реакции на потенциального женишка следует из мнения сельской общественности об учителе. Из того, что, по словам Катерины, «почти все девушки... села говорят», а Н.В. Гоголь поясняет. «Мандрыковские» красавицы реагируют на учителя и потупленными взглядами, и

перешёптыванием, и низкими поклонами, овладение которыми «считала каждая из них немаловажным делом». «В этом случае, – пишет автор, – Иван Осипович был настоящий стоик, и, несмотря на то, что не дошёл ещё до философии, он твёрдо знал, что ни один из философов, начиная от Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинарии, не ставил ни во что причудливую половину человеческого рода; ergo (следовательно – Г.Д.), любви не существует».

Поначалу Онисько неукложе апеллирует к ней, пытается объяснить, что: «Девушки-то любят его. Намедни шли мы с ним (с учителем – Г.Д.) через село, так то и дело, что выглядывают из-за плетня, словно лягушки из болота. Глянь направо – так и пропала, а с левой стороны выглядывает другая». Сравнение девушек с лягушками вполне соответствует его интеллекту, но немыслимо для слуха «одной из лягушек», хотя Катерина на это и не реагирует. Напротив, по «зардевшемуся личику Катерины», по её улыбке, которая «долго спорила с неприятным чувством и, наконец, рассеяла его» кухмистер вдруг начинает понимать, что ситуация, в которой он оказался, выглядит совершенно по-иному. Что учитель не сходит, а давно уже и безвозвратно сошёл с дистанции своих теоретических надежд.

И тогда, не сдерживая эмоций и «внутреннего волнения», Онисько обнимает рукой «кругленький стан» Катерины и теперь уже вдруг решается заявить ей о своей любви. На этот раз он уже не встречает от неё столь твёрдого отпора, хотя и объясняется по-прежнему неуклюже, грубовато, неумело и сообщает ей о своём чувстве как бы с обратной его стороны, выясняя, любит ли его «хоть на копейку» Катерина. Девушка находит эту тему для дальнейшего обсуждения возможной. При этом о любви к Ониську, как и о его чувствах к ней, она пока ещё что-либо говорить воздерживается. Катерина заявляет, что никогда за пьяницу замуж не пойдёт: «Кому любо жить с ним? Несчастливая доля семье той, где выберется такой человек; в хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодные дети плачут... Нет, нет, нет! Пусть бог милует! Дрожь обдаёт меня при одной мысли об этом...» У нас уже складывается впечатление, что её отказ неминуем, но в её словах мы всё же находим и другие «нотки». Мы видим, что в них погружены условия, конкретные требования и абсолютно справедливые надежды.

«Тут прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Как осуждённый, с поникнутою головою, погрузился кухмистер в своё протёкшее. Тяжёлые думы, порождения тайного угры-

зения сердечного, вырезывались на лице его и показывали ясно, что на душе у него не слишком было радостно. Пронзительный взор Катерины, казалось, прожигал его внутренность и подымал наружу все разгульные поступки, проходившие перед ним длиною, почти бесконечною цепью». В этих строках осознание Ониськом своей полной ничемности и пустоты своей жизни. Сейчас он видит Катерину так, как никогда её ещё не видел. Такой он её не видел даже на берегу пруда. К нему приходит понимание совершенно другого уровня. И кухмистер осознаёт, что сейчас он может девушку точно так же получить, как и потерять навсегда, если у него не произойдут изменения в отношении к самому себе как человеку.

«Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философские рассуждения с самим собою, и потому, – пишет Гоголь, – положив на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса: «Не правда ли, Онисько, ты не станешь более пить?» Он идёт на риск, но делает свой выбор: «Девушка посмотрела на него умильно, и восхищённый кухмистер бросился обнимать её, осыпая градом поцелуев, какими давно не оглашался мирный и спокойный огород Харька».

Отпора уже нет, и горшок-инвалид остаётся без работы..

Мы пытаемся сами понять и рассказать вам то, что, как нам кажется, в образе Катерины мы поняли, опираясь для этого всего лишь на несколько страниц отрывка из повести. Вряд ли эти страницы позволяют нам однозначно утверждать что-то о внезапно вспыхнувшей у этих молодых людей любви, но мы этого не исключаем. Вскипевшая на встречных курсах нежность, соприкосновение их душ, сердец и тел в объятиях и поцелуях говорят в пользу именно этой версии. Но нам всё-таки много проще и легче разобраться в причинах негативного отношения девушки к учителю, чем ответить на этот вопрос. Обоснование бурных эмоций этих молодых и интересных людей, умноженных на загоревшиеся чувства, настолько сложны и одновременно просты, как и многочисленны, что, наверное, один лишь Гоголь мог бы нам рассказать, что лежит в их основе, если бы он дописал повесть до точки. Но мы всё равно постоянно удивляемся тому, как просто и искренне показаны взаимоотношения этих людей при первой же, и пока ещё единственной встрече. Как естественно они погружаются в события при возникновении новых задумок и идей. Как под влиянием одних только чувств они уже верят в свою счастливую судьбу и не боятся подстерегающих их опасностей. Ведь их смелость, взаимная

симпатия, наверное, и любовь зарождаются в окружении тех извечных несовершенств и пороков, которые, как показывает нам Гоголь, многие жители Мандрык совсем не замечают.

Иллюстрацией для наших огорчений за жителей и переживаний за Катю может быть «всплывающий» в одном абзаце образ шинкари Симонихи. Эта женщина хорошо знает своего постоянного клиента Ониська, она всегда всё знает, а сенсация для неё, как бальзам на сердце. «Едва только влюблённые поцелуи успели раздаться, – сообщает нам Н.В. Гоголь, – как звонкий и пронзительный голос страшнее грома поразил слух разнежившихся. Подняв глаза, кухмистер с ужасом увидел стоявшую на плетне Симониху». (Вспомните утверждения критиков о том, что у Гоголя с женскими образами нелады, – Г.Д.). «Славно! славно! Ай да ребята! – продолжает Симониха. – У нас по селу ещё и не знают, как парни целуются с девками, когда батька нет дома! Славно! Ай да мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжёт поговорка: в тихом омуте черти водятся. Так вот что дееется! так вот какие шашни!..»

«Со слезами на глазах принуждена была красавица уйти в хату, зная, что ничем иным нельзя было избавиться от ядовитых речей содержательницы шинка», – видим мы теперь уже Катерину испуганную, смущённую и растерянную

ную от столь нескромной и нежелательной известности. И это абсолютно понятно, ведь подробности их встречи с кухмистером мигом разлетятся по селу. Симони́ха находится в нашем поле зрения на протяжении не более минуты, но разве мы её до сих пор не видим перед собой? Разве это не образ? Разве это не тип? Как прекрасно демонстрирует нам Гоголь тех кумушек, которые всегда всё должны знать и знают первыми! Вот и здесь Симони́ха на «своём» коне. Она никому своего чемпионства не уступает и не уступит его никогда: «Мне какое дело? – продолжала неумолимая шинкарка. – Вот прекрасно! Парни изволят лазить через плетни в чужие огороды, девки подманивают к себе молодцов, – и мне нет дела! Изволят жениться, целуются, – и мне нет дела! Ты слышал ли, Карпо? – вскричала она, быстро оборотаясь к мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что внимания, шёл, помахивая батогом, впереди так же медленно выступавшей коровы. – Слышал ли ты? постой на минуточку. Тут такая история. Харькова дочка...» Как здесь не вспомнить «Сорочинскую ярмарку и Солопия Черевика: «Господи, боже мой, за что такая напасть на нас грешных! И так много всякой дряни на свете, а ты ещё и жинок наплодил!» (За слово «дрянь» применительно к женщинам мы Солопия, конечно, осуждаем.)

И хотя здесь с речью выступает одна лишь Симони́ха, мы-то уже успеваем сообразить, что в Мандрыках таких симоних полно, как и в любом другом селе. Об этом вы, небось, и сами знаете, а мы продолжаем чтение отрывка из повести юноши по фамилии Гоголь в постоянном изумлении от его мастерства и таланта в подборе слов и построения фраз.

В учителе Иване Осиповиче наиболее привлекательными чертами считались «важная осанка, блистательное торжество над дьячком, громоподобный бас, приведший в умиление всех прихожан, – пишет Гоголь. – И если в честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, зато любезные сожительницы их не ударили себя лицом в грязь: одарённые тем звонким и пронзительным языком, который, по неисповедимым велениям судьбы, у женщин почти вчетверо быстрее поворачивается, нежели у мужчин, они гибко развёртывали его в опровержение и защиту достоинств учителя».

«Трескотня и разноголосица, прерываемые взвизгиваньем и бранью, раздавались по мирным закоулкам села Мандрык, – продолжает эту тему Николай Васильевич. – А как почтеннейшие обитательницы его имели похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицам то и дело, что находили куму-

шек, уцепившихся так плотно друг за друга, как подлипало цепляется за счастливец, как скряга за свой боковой карман, когда улица уходит в глушь и одинокий фонарь отливает потухающий свет свой на палевые стены уснувшего города. Более всего доставалось муженькам, пытавшимся разнимать их: очипки, черепья, как град, летели им на голову, и часто раздражённая кумушка, в пылу своего гнева, вместо чужого колотила собственного сожителя». («Портрет» мандрыковского общества мы оставляем без комментариев – для вашего сведения.)

В заключение нашего парада красоты и очарования обитательницами Мандрык строки об Анне Ивановне, в доме которой жительствовавал, обучал детей и «почти освоился» учитель Иван Осипович. Этот шедевр Н.В. Гоголя в большом абзаце мы тоже комментировать не будем и представляем вам в нём ещё один женский образ, созданный поэтом:

«Первым лицом, на котором остановилось почтительное его (Ивана Осиповича – Г.Д.) наблюдение, как, верно, вы догадаетесь, была сама владетельница поместья. В лице её, тронутую резкою кистью, которою время с незапамятных времён расписывает род человеческий и которую, бог знает с каких пор, называют морщиною, в тёмно кофейном её капоте,

в чепчике (покрой которого утратился в толпе событий, знаменовавших XVIII столетие), в коричневом шушуне, в башмаках без задков, глаза его узнали тот период жизни, который есть слабое повторение минувших, холодный, бесцветный период созданий пламенного, кипящего вечными страстями поэта, – тот период, когда воспоминание остаётся человеку, как представитель и настоящего, и прошедшего, и будущего, когда роковые шестьдесят лет гонят холод в некогда бившие огненным ключом жилы и термометр жизни переходит за точку замерзания. Впрочем, вечные заботы и страсть хлопотать несколько одушевляли потухшую жизнь в чертах её, а бодрость и здоровье были верною порукою ещё за тридцать лет вперёд. Всё время от пяти часов утра до шести вечера, то есть до времени успокоения, было непрерывною цепью занятий. До семи часов утра уже она обходила все хозяйственные заведения, от кухни до погребов и кладовых, успевала побраниться с приказчиком, накормить кур и доморощенных гусей, до которых она была охотница. До обеда, который не бывал позже двенадцати часов, завёртывала в пекарню и сама даже пекла хлебы и особенного рода крендели на меду и на яйцах, которых один запах производил непостижимое волнение в педагоге, страстно привязанном ко все-

му, что питает душевную и телесную природу человека. Время от обеда до вечера мало ли чем заняться хозяйке? – красить шерсть, мять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способов, секретов, домашних средств производится в это время в действо! От наблюдательного взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславия, и потому положил он за правило рассыпаться, разумеется, сколько позволяла природная его застенчивость, в похвалах необыкновенному её искусству и знанию хозяйничать, и это, как после увидел он, послужило ему в пользу: почтенная старушка до тех пор не закупоривала сладких наливок и варенья, покамест Иван Осипович, отведав, не объявлял превосходной доброты того и другого».

Мы пытались сделать краткий обзор маленького отрывка из Н.В. Гоголя. Сами видите, что с краткостью у нас ничего не вышло. У Николая Васильевича напротив: что ни строка, то новое «блюдо», что не под силу ни одному из кухмистеров.

А нашему кухмистеру Ониську очень хочется верить. Гоголь описал нам его расположение духа после встречи так: «Нет, господин учитель! – твердил он, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая под голову

свою куртку. – Не видать вам Катерины, как ушей своих!»

Гоголь нас убедил, что Симониха клиента потеряет, Онисько слово сдержит, а Катя расцветёт ещё ярче. Ведь счастья она более чем достойна. Так пусть же они будут счастливы!

Любовь по контракту с чёртом

С повести «Вечер накануне Ивана Купала» Н.В. Гоголь начал свой захватывающий цикл о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», который вызвал не только восхищение читателей, но и немалый интерес к его автору в интеллектуальных кругах столицы, а затем и в России. И хотя Купальская история появилась в печати без подписи её 21-летнего (!) автора, правки, которые самовольно внёс в текст повести издатель «Отечественных записок», так огорчили юношу, что сотрудничество с этим журналом он прекратил.

Что же необычного мы нашли здесь для себя, погрузившись, в эти всем будто бы хорошо знакомые и понятные, но невесёлые события? Наверное, прежде всего размышления и переживания самого автора, его представления о сущности жизни, которые затем, пройдя через другие его повести и рассказы, постепенно собирались и складывались

в целостную картину его мировоззрения. В этой повести сама природа дышит любовью, а человек пытается понять и найти в ней себя, найти себя в человеческих отношениях, найти и понять, в чём же человеческое счастье. Это получается не всегда. Наверное, именно эти вопросы и являются тематическим ядром романтических сюжетов всего сборника «Вечеров...», где автором впервые «сформулирована мысль: под влиянием любви человек на всё может решиться». Мы привели вам слова Ю.В. Манна, которые близки нашему пониманию событий и взглядам на эту основательную и вечную проблему и не поддающуюся строкам инструкций практике её разрешения.

Накануне праздника Купала таким человеком, пытающимся найти себе достойное в обществе и в жизни место, в повести выступает бедный юноша, сирота Петрусь. (Конечно, «пытающимся найти», как мы здесь отметили, будет уж слишком громко сказано, в чём вы вскоре убедитесь сами.) В начале этой грустной истории Петрусь – это жених, а затем уже и муж красивой и умной девушки Пидорки. Счастье этой девушки оказалось недолговечным, а предпосылки к столь печальному финалу зарождались в таких же её страданиях, как и в её надеждах на успех. Образ Пидор-

ки мы рассматриваем персонально потому, что пытаемся в настоящем сборнике понять именно женские образы, которые созданы и получили известность благодаря таланту раннего Гоголя, на что мы уже не раз обращали ваше внимание.

В традициях славян Купальскую ночь с 6 на 7 июля принято считать чуть ли не важнее самого праздника Ивана Купалы, хотя в православии этот день – день Рождества Иоанна Предтечи – относится к числу особо почитаемых и великих торжеств. День Ивана Купалы (Иванов день) отмечается ровно за шесть месяцев до Рождества Христова и проходит на пике расцвета природы. Купала – одно из имён пророка Иоанна, где «креститель» в переводе с греческого – «купатель» или «погружатель».

В чём же таинственная прелесть этого июльского вечера и ночи накануне праздника? В представлении людей они обладают редкостными, как бы сказали диканьские хуторяне – чудодейственными, а мы добавим – мистическими возможностями сотворения чудес. И вечер, и ночь, и день – это предвосхищение праздника и сам праздник радости и торжества светлых надежд. Но не всё так просто. В это же время в летних сумерках и тьме ночи чёрт всегда особенно изобретательно

и энергично заплетает свои интриги. Он неизменно тщательно готовится к тому, чтобы к этим празднествам добрых людей успеть заманить в свои сети тех, кто стремятся к деньгам, к славе или к лёгким выгодам. У чёрта это разудало получается. Для него главное – таких людей вовремя выявить и успеть договориться с ними о цене. Ему нужны именно те «клиенты», что не способны устоять перед соблазнами и корыстью, те, для которых цель оправдывает любые средства.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» мы впервые находим идею Н.В. Гоголя о том, что торжество любви невозможно, если за его подготовку берётся нечистая сила, в каком бы качестве она ни выступала. Она, как это следует из предложенной нам Н.В. Гоголем версии, обладает способностью сокрушать все преграды к любви и счастью, что и произошло накануне Ивана Купала. Наряду с этим под обломки преград в смертельную опасность неизбежно попадает и сама любовь. Похожие случаи участия чёрта или ведьмы в судьбах людей нам встречаются при самых различных обстоятельствах в таких повестях Н.В. Гоголя, как «Ночь перед Рождеством» и «Майская ночь, или Утопленница», что вы, по-видимому, уже восстановили в памяти, прочтя первые главы наших рассуждений.

В событиях «Сорочинской ярмарки» практическая помощь сатаны ловко придумана и организована цыганами, но и там абсолютно всех людей пронизывает страх перед её существованием. А она – никогда не сидит сложа руки. Она готова к любым инвестиционным проектам, скрупулёзно просчитывая прибыль с каждого вложенного в него рубля. Не случайно Н.В. Гоголь с изящной ироничностью приводит нам тому примеры. Здесь, допустим, рассказывает о том, что случилось с шинком на Опошнянской дороге, который шинкарь бросила, натерпевшись неприятностей от расплывшейся вокруг её заведения чертовщины. Тогда шинок длительное время никак не закрывался даже без персонала, так как «нечистое племя долго после поправляло (его – Г.Д.) за свой счёт», чтобы не упустить свою выгоду, а слабому человеку не дать пройти мимо. Как эти события напоминают нам о реальных случаях где-то происходящих ремонтов «за свой счёт»? Помните, как после этого «счёта» появляется продуктовая лавка или табачный киоск и что происходит дальше! Дальше появляется уже чужой «счёт», счёт, по которому приходится платить покупателям, но дороже.

Чем же история перед Ивановым днём заканчивается на этот раз? Полной трагедией,

гибелью любви, счастья, семьи... Конечно, в первую очередь нас интересует Пидорка, её образ, её убеждения, роль и место при столь драматических обстоятельствах и её жизненные ориентиры. Пидорка – это чистая и лучистая, как слеза ребёнка, девушка. Представляешь себе её – и уже «на старте» чтения повести ожидаешь в этот миг увидеть этакую лёгонькую, простенькую и почти водевильную Санта-Барбару со вздохами, обидами, интригами, не подтвердившимися изменами, но счастливым завершением истории. Но миг улетает в тот момент, как только начинает сжиматься пружина сюжета. Не хочется даже в чём-то обижать Пидорку, ведь она такая ясная, хотя на отдельных страницах и не совсем внятная, но в то же время – сильная, волевая, деятельная и одновременно беззащитная. Это девушка с тонкой душевной организацией и с точными, выверенными внутренними установками...

Пидорка – очень красивая девушка. Это дочь старого богатого козака Коржа. В начале повести Н.В. Гоголь, рассказывая нам о её внешности, пишет, что полненькие щёки этой «козачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьей росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что подняв-

шимся солнышком; что брови, словно чёрные шнурочки, какие покупают теперь для крестов и дукатов девушки наши у проходящих по сёлам с коробками москалей, ровно нагнувшись, как будто гляделись в ясные очи; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодёжь, кажись, на то и создан был, чтобы выводить соловьиные песни; что волосы её, чёрные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лён (тогда ещё девушки наши не заплетали их в дрибушки, перевивая красивыми, ярких цветов синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш».

Девушка многими поэтическими гранями своей внешности, сравнениями и красками, а далее мы поймём, что и трудностями, свалившимися на её голову, напоминает нам одну из литературных героинь из пьесы И.П. Котляровского «Наталка Полтавка». У Пидорки, как и у Наталки, тотчас узнаваемые читателями яркие черты украинских девушек-красавиц, а далее мы увидим, что красавиц – обладающих бесценными душевными качествами и разумом, терпением, силой воли и сердечностью. Да, Пидорка не так бедна, как Наталка, а напротив – она богата. Но её богатство не приносит ей радости, а делает её ещё более несчастной. Н.В. Гоголь убеждает нас в том, что ложь и деньги, как и подлые интриги, что случаются и про-

исходят даже в интересах любви, да ещё и с участием тёмных сил, при любых обстоятельствах являются смертельными отступлениями от божественной сущности самой любви. И если заплутавшие в жизненных «дебрях» души людей сторонятся Бога, а уповают на подвернувшиеся по случаю услуги дьявола, то их ожидает трагедия. Добившись от людей самых малейших послаблений, чёрт обязательно завербует их души в свою «веру» и заставит служить своему дьявольскому племени. Вот и здесь ярких красок во внешности девушки по имени Пидорка после случившихся в её семье с участием нечистой силы бед мы больше не встречаем. Мы видим её действительно по ангельски милой и приветливой, но недолго. Её судьба – катастрофа и любви, и самой жизни...

Всё начинается с того, что девушка влюбляется в работника своего отца – бедного парня и сироту. Отец представляет будущее своей дочери в роскоши, хотя, наверное, больше радуется о своём покое и достатке и, как показывают дальнейшие события, к судьбе дочери относится вполне равнодушно. В самом начале Корж не столько противится браку дочери с сиротой, сколько норовит получить из её замужества выгоду, соглашаясь отдать её в жёны богатому поляку. Пидорка проявляет

характер. Она готова на всё, вплоть до самоубийства, если её вынудят насильно идти под венец с немилым ей человеком. Она впервые по-настоящему полюбила мужчину, полюбила всем сердцем и душой своего Петруся и отправляет к нему шестилетнего брата: «Беги к Петрусю, моё золотое дитя, как стрела из лука; расскажи ему всё: любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя. Не один рушник вымочила горячими слезами. Тошно мне. Тяжело на сердце. И родной отец – враг мне: неволит идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе; будут дьяки петь вместо кобз и сопилок. Не пойду я танцевать с женихом своим; понесут меня. Тёмная, тёмная моя будет хата: из кленового дерева, и вместо трубы крест будет стоять на крыше!»

Нелюбимого жениха Пидорке удалось избежать, но какой ценой? В этом-то и состоит вся суть её трагедии. Пидорка, если не принимать во внимание её импульсивного заявления о самоубийстве, сделанного, как бы сейчас сказали, в состоянии аффекта, по существу, каких-либо других богопротивных дел больше не совершила. Конечно, здесь мы доносим читателям свои ощущения и своё понимание образа. Они в чём-то могут

быть неверными, неправильными, в чём-то, может быть, не совпадающими с теми, которые принято считать каноническими, но они наши. И не Пидорка, а её Петрусь, вместо того чтобы принять вызов судьбы и вступить в схватку за свою любовь, делами доказывать своему богатому работодателю, что его дочь обретёт с ним счастье, прибегает к помощи Басаврюка – «сатаны, принявшего человеческий образ». А ведь здесь на его пути стоял один лишь старый Корж! Один лишь «барьер»! И потому юноше уже не требовалось что-либо доказывать своей любимой, она уже и без доказательств верила в его чувства и своей жизни с другим человеком себе не представляла.

Отметим, что первоначальные намерения юноши состояли в том, чтобы идти «в Крым и Туретчину, навоевать золота и с добром» возвратиться к своей возлюбленной Пидорке. Это непростой и даже опасный путь, но он возможный, чтобы добиться благосклонного отношения тестя к браку этого бедного сироты с его дочерью. Однако к настоящей борьбе Петрусь оказался не готов, жизнь распорядилась с ним так, потому что он пока ещё ни разу не принимал ни одного самостоятельного решения. И его планы по завоеванию богатого Коржа богатством скатились до уровня разду-

мий о том же банальном суициде. Сначала он декларирует это намерение, сообщив, что на его свадьбе «ворон чёрный прокрячет вместо попа», а «гладкое поле будет» его хатой, но потом находит идею более «комфортную» – залить свои скорби водкой. Здесь никакого аффекта: Петрусь «прямохонько и побрёл в шинок» топить своё горе. Мозговой штурм о путях покорения тестя и шторм идей о подвигах в Крыму во имя Пидорки завершился штилем в стакане горилки.

Басаврюк, олицетворяющий нечистое племя, как и всякий чёрт, предприимчив, деятелен и энергичен. Ему идеально подходит оказавшийся в сложной жизненной ситуации бесхарактерный, слабовольный и нищий Петрусь, которого он и привлёк к себе в шинке, наверное, тогда уже не в самой лёгкой степени алкогольного опьянения, да тот и не сопротивлялся: за червонцы – «на всё готов!» Подтвердилось то, что многие из нас знают, слышали, читали, над чем, может быть, даже задумывались: мир зла в жизни стократно соблазнительней мира добра. (И всё это, конечно, до поры до времени.) В психиатрии есть такое понятие, как неустойчивый или податливый характер человека. Такие люди сильнее других подвержены влиянию окружающих, чаще меняют своё мнение и делают

ошибки, быстрее признают своё бессилие, но так же точно и быстро допускают новые промахи. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» – это Петрусь на все сто процентов.

Единственный раз в году накануне Ивана Купала расцветает папоротник, цветок который можно сорвать только чистыми руками, чтобы найти сокровища и завладеть ими. По контракту с чёртом, пока ещё чистые руки Петруся для этих целей подходят идеально. В поисках цветка поделщикам помогает ведьма. Н.В. Гоголь уделяет ей всего лишь несколько строк, но и они позволяют нам понять: это тип Бабы-яги. Под этим типом славяне представляли себе не простую сельскую ведьму, а адскую богиню, изображаемую в железной ступе с железным пестом (пест – закруглённая внизу палка для размельчения какого-нибудь вещества в ступе – Г.Д.). Кроме того, владеть кладами или открывать их, как и приносить в жертву «дитятию лет шести», кем был родной брат Пидорки, ведьмам этого профиля не разрешается, так как подобные «специалисты» для жертвоприношения должны находить себе исключительно и строго некрещеных младенцев.

Но здесь Н.В. Гоголь даёт нам гипертрафированный образ ведьмы с традиционной внешностью: «старуха, с лицом, сморщив-

шимся, как печёное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щёлкают орехи». Кроме того ведьма, как нам это представляется в одной из строк текста повести, эффективно совмещает в себе злое и доброе начала, что тоже удивительно. Она добивается от продавшего чёрту душу Петра убийства маленького Ивася, родного брата Пидорки, и в то же время про неё «ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни». Страшная ведьма. Гоголь показывает её читателям краткими точными мазками, и мы соображаем, что эта особь женского пола такая же многосторонняя, как и все его литературные образы. Звуки, издаваемые ею, акустически приближают её к мифологическим обитателям преисподней, связанным одновременно и с производительной силой земли, и с умерщвляющей потенцией. Автор подмечает, как «глухо прохрипела старуха». Насколько глухо? Да так, что «позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем», – поясняет Н.В. Гоголь. Дьявольский свист, от которого захолонуло у Петра внутри») и вызывает у юноши звуковые галлюцинации: «почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким...»

Богатство красок цветущего папоротника и точность установок от нечистой силы позволили Петрусью с Басаврюком скоро найти клад, для овладения которым, как теперь уже оказалось, потребовалась ещё и людская кровь. Так жертвой одурманенного сироты стал родной брат Пидорки, о чём мы уже упоминали. Это принесло юноше два мешка золота и благосклонность Коржа в получении его дочери в жёны. Но счастье с молодой женой на дьявольском золоте оказалось недолговечным. Вскоре Петрусь сходит с ума, а впоследствии и золото превращается в пепел. По сути, в пепел превращается и его семья. Пидорка страдает за бессердечность и жадность отца, но ещё больше – за связь её мужа с чертовщиной. Она расплачивается за всё это, но только не за свои собственные грехи и ошибки. Она обречена на муки, конечно, и за то, что не смогла вовремя понять душу своего избранника. За то, что её любовь к нему, её первая в жизни, абсолютная и неудержимая любовь ослепила девушку, что не позволило ей увидеть потемневшие до черноты неясности и слабости в душе её возлюбленного. Возможно, мы ошибаемся. Экспертов и специалистов по Гоголю у нас, что называется, несть числа... Но мы снова и снова говорим вам: мы высказываем всего лишь своё мнение после прочтения.

Не прошло и месяца после свадьбы, как «Петрусья никто узнать не мог». Он лишь пытается что-то вспомнить, но не может и только глядит на мешки с золотом... Пидорка пока ещё не знает происхождения этой беды. «Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и переполох выливали, и соняшницу заваривали – ничто не помогало», – пишет Н.В. Гоголь. Знахари, надо сказать, тоже ведь к чертовскому племени ближе простых людей. О них часто так и говорят: «Знахари что-то знают». В качестве примера вспомним Пацюка, знахаря из «Ночи перед Рождеством», который лечил шёпотом, был «немного сродни чёрту», а Вакуле уверенно и чётко указал на место пребывания самого чёрта. Но в данном случае и знахари оказываются беспомощными, а Петру становится всё хуже: «Бешенство овладевает им; как полоумный, грызёт и кусает себе руки и в досаде рвёт клоками волоса, покамест, утихнув, не упадёт, будто в забытьи, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что это за напасть божия?» Несчастливая женщина страдает, но она продолжает борьбу, хотя «прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки; изныла, исчахла, выплакались ясные очи». Приглашение колдуньи из Медвежьего оврага (вероятно, той же ведьмы, что мы уже

здесь описывали и характеризовали её широкие способности) позволяет Пидорке добиться ясности лишь в истории исчезновения её маленького брата, которого, как оказалось, в угоду нечистой силе убил её муж.

Критическая масса грехов уже превысила все «допустимые нормы», и молодой женщине уже невозможно уклониться от предначертанной ей свыше участи стать очередной жертвой судьбы, не по её вине замешанной на крови, обмане, предательстве и богоотступничестве. Она «дала обет идти на богомолье; собрала оставшееся после отца имущество, и через несколько дней её точно уже не было на селе. Куда ушла она, никто не мог сказать. Услужливые старухи отправили её было уже туда, куда и Петро потащился; да один раз приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки, по всем приметам, узнали Пидорку; что ещё никто не слышал от неё ни одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад к иконе божьей матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя», – сообщает нам версию её дальнейшей жизни Гоголь.

Судьба Пидорки, представленная нам Н.В. Гоголем в повести «Вечер накануне Ивана

Купала», имеет свои отличительные особенности от судеб других его героинь из романтических сюжетов. Важность повести в том, что это первое оригинальное произведение молодого писателя, затронувшее тему любви и её превращения в предмет торга, её обесценивание дьявольским преодолением, имеющим свою цену в деньгах и преступлениях. Образ Пидорки исключительно оригинален в том, что в битву с бесовщиной она вступает в одиночку, располагая лишь теми невеликими силами, которые потенциально может иметь молодая женщина, почти девочка. Мы видим её отношение к любви, её отношение к семье, видим, что её силы, направленные на преодоление под божьим крестом и в душевной чистоте, преумножаются, хотя их у неё и не хватает. Чертовщина зашла уже слишком далеко, и её уже не остановить. Деньги непоправимо искалечили души и отца и мужа Пидорки, они же изуродовали жизнь их дочери и жены, хотя она к этим деньгам и к способу их получения непричастна. Но деньги не смогли убить или отравить её душу. Стал бы Пидоркиным мужем лях: «обшитый золотом, с усами, с саблею, со шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок»? Счастья с деньгами, но без любви её душа принять бы не смогла, как и не откликнулась бы она любовью на насилие в выборе её будущего.

Страшна загадочная и разрушительная сила сатаны: «Басаврюк! У! Какая образина! Волосы – щетина, очи – как у вола!» – пишет Гоголь. У него «щетиновые брови», «исподлобья такой взгляд, что кажется, унёс бы ноги бог знает куда», «голос, точно пуля, посаженная в спину, убивает» и постоянная «бесовская усмешка». Ещё страшнее его портрет ночью: «весь синий, как мертвец... Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот в половину разинут». Что-то демоническое, ужасное, вносящее смятение и страх чувствуется во всём существе этого образа. Эта сила не только страшна, но и неотвратима. Она вмешивается в жизнь людей, а здесь – уничтожает её, как и мечты Пидорки о счастье. И только автор сохраняет возможность человеку для спасения с Божьей помощью. Рядом с персоналиями, одушевляющими дьявольскую силу, к человеку тянутся «сотни мохнатых рук», которые усиливают тему дьявольского зла и его жажды к вторжению в отношения людей, предлагая им новые ценники за измену, предательство и кровь... Почему же они так и не дотянулись к Пидорке? Потому что мощь её душевных сил им не поддаётся, потому что в испытаниях, через которые она проходила, её силы ещё больше укрепились.

Повесть о Купале – это первое произведение из цикла «Вечеров...», где в противоборстве с нечистой силой гибнет человек. Ещё более драматическую ситуацию мы встретим только в «Страшной мести», где погибает семья, а под прицел чертовщины попадает всё человечество. В других же повестях раннего Гоголя в весёлой фантастике и черти, и ведьмы не сковывают человеческие таланты, а напротив, мобилизуют их внутренние ресурсы на достижение целей, что и позволяет им побеждать.

Вот такой у Гоголя получился вечер с Пидоркой, её мужем и с папоротником, что должен был зацвести среди ночи и зацвёл как раз накануне празднования летнего солнцестояния – на Ивана Купала, хотя девушка цену этой красоте осознала и поняла много дней спустя.

События дают нам повод ещё раз задуматься о сущности человека и его качествах без каких-либо нравочений и призывов со стороны автора. А молодую вдову Пидорку нам, конечно же, очень жалко. Сильная девушка была, да, видно, не тому досталась... Все эти страхи и ужасы Гоголь сумел изящно растворить в лёгком потоке юношеской фантазии, которая, однако, оказалась мудрее иного высоколобого философствования о любви, о верности, о нравственности и о морали...

Цена идеологической измены женщины

Принято считать, что по глубине смыслов и внутренней драматургии повесть «Страшная месть» входит в число наиболее сложных для восприятия и понимания произведений Николая Васильевича Гоголя. Наверное, это действительно так. Прежде скажем, что такого тесного переплетения реальных и сверхъестественных событий у Гоголя больше нет нигде. Вместо границы их раздела мы замечаем лишь неприметную и размытую тень от её очертаний, а оттого и погружаемся в нереальный мир, кажущийся естественным продолжением действительного или наоборот. Гоголь с первой строки заставляет нас осторожно, чтобы самим не пораниться, «прощупывать» ту иррациональную почву, опасный край той пропасти, где теряются координаты добра и зла и граница между хорошим и плохим.

Напомним, что мы прежде всего пытаемся понять женские образы, созданные гением Гоголя, а здесь это Катерина – жена Данила Бурульбаша. Катерина в прекрасной форме едва раскрывшегося бутончика пиона, розы, чего угодно. Чтобы осознать глубину образа этой героини, повесть нужно читать, потому как пересказ о «кратком её содержании» для

понимания сути описанных событий здесь не годится. Поэтому мы и попытаемся здесь отойти от привычного изложения основных линий сюжета и предложим вам понять хронике происходящего из одного обширного абзаца. Вот он.

После двадцати одного года странствий по тем землям, «где и церковей нет», в семью молодой, красивой и успешной женщины, жены и молодой матери Катерины внезапно является её отец. Где он был и чем занимался – неизвестно, но, как принято считать, а мы это знаем, почти всякое бродяжничество – это признак безродности, а безродность – один из атрибутов демонизма. Последующие события показывают, что так оно и произошло. Появление этого мужчины в молодой семье начинается с его надуманных придиорок к своей дочери и скандалов с её мужем Данилой. Дело доходит до его попытки убить своего зятя, а продолжается его неоднократными магическими действиями по склонению дочери к плотской измене мужу с ним, то есть с отцом («когда целует Катерину, странным блеском горят его глаза»). По ходу развития событий влечение отца к дочери проявляется всё более и более настойчиво, что сопровождается смертями от его рук зятя, годовалого внука, а затем и дочери. Смысл событий, продолжаю-

щихся на протяжении всего повествования, нам становится понятным лишь на последних его страницах. Конечно, здесь мы сжали наше сообщение о сюжете почти что до неприличия, и, да простит нас Гоголь Николай Васильевич, лишь для того сделали это, чтобы избежать необходимости погружения в детали и подробнее остановиться на образе главной героини повести.

Главная героиня – Катерина. Вот какой мы видим эту молодую женщину в первых строках повести «Страшная месть» на свадьбе у сына есаула в Киеве. «Дивились гости белому лицу пани Катерины, – пишет Гоголь, – чёрным, как немецкой бархат, бровям, нарядной сукне и исподнице из голубого полутабенку, сапогам с серебряными подковами...» Исследуя цветовые решения Н.В. Гоголя при создании этого текста, Андрей Белый («Мастерство Гоголя») пишет: «Голубое и розовое связаны, как и серебряное, с Катериною, зыбко-нежный, как ива, склоняемая в порывах, дующих отовсюду; ива так склонена к Днепру, как Катерина к Даниле; и зыбь береговых ив сопровождает её: «Зеленокудрые! Они толпятся вместе... с цветами к водам, ...глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются»; так Катерина не наглядится на светлого своего Данилу; и сумасшедшая, она бежит к деревьям; они ро-

няют листья под ноги её. Только у Катерины – голубые глаза (у прочих гоголевских украинок – чёрные и карие); и платье «из голубого полутабенку». На факте её сумасшествия мы остановимся, но уже ближе к завершению нашего пересказа событий. Сейчас только о цветах, красках и о том, какой её увидел и представляет себе Гоголь Николай Васильевич, что для нас выделил обладающий редкостным литературоведческим талантом Андрей Белый, спрессовав эти слова классика и предложив их рассмотрение в столь оригинальном контексте. И согласитесь, что даже эти строки из Гоголя позволяют нам понять, что в жизни Катерины много пульсирующей динамики. Она переменчива, она не константна: то счастлива, то несчастна, то радостно-восхитительная, то убита горем. Её жизнь – это не только поэзия успеха и счастья любимой и любящей молодой женщины, но и проза, переполненная горечью гибели и коварства родных людей, болью разочарований и потерь.

Вскоре мы убеждаемся в том, что «поэзия успеха» в нашей героине скорее строка, чем куплет или песня. Ибо оказывается, что Катерина, пожалуй, самая несчастная женщина из числа всех литературных героинь Н.В. Гоголя. Она в буквальном смысле слова заминирована изнутри эмоциональными потрясениями

и катастрофами, психологическими надры-
вами и трагическими развязками как женщи-
на, как дочь, как мать и жена. В праздничном
торжестве от свершившегося акта замужества,
состоявшегося материнства и удавшейся жиз-
ни, что могло бы говорить о её счастье, мы ви-
дим Катерину лишь в самом начале повести.
Но вскоре её радостное состояние бесследно
растворяется в прессингующих её несчастьях,
а на смену оптимистическим чувствам и на-
строениям приходят тревога, страх, отчаяние,
ненависть, месть и другие, такие же неодушев-
лённые и неосязаемые признаки бытия, как и
сами существительные, их означающие.

Приведём такой пример. Вначале обоюдно
безжалостного с обеих сторон поединка Ка-
теринино мужа с её отцом в ней преобладают
дочерние чувства: «Данило! – закричала
громко Катерина, ухвативши его за руку и по-
виснув на ней. – Вспомни, безумный, погляди,
на кого ты поднимаешь руку!» Несколькими
минутами позднее её сердце готово «разор-
ваться на части», она думает только о муже:
«Может, теперь изнемогает мой милый; а я
лежу здесь!» Затем она бросается ему в ноги и,
пытаясь предотвратить трагедию, играет уже
на его отцовских чувствах, утверждает: «не
за себя молю. Мне один конец: та недостой-
ная жена, которая живёт после своего мужа;

Днепр, холодный Днепр будет мне могилою...
Но погляди на сына, Данило, погляди на сына!
Кто пригреет бедное дитя? Кто приголубит
его?» Ещё минута – и в её действиях мы замечаем
поразительные изменения. Она забрасывает
мужа обвинениями в его бесчеловечности:
«О! я теперь знаю тебя! ты зверь, а не человек!
У тебя волчье сердце, а душа лукавой гадины.
Я думала, что у тебя капля жалости есть, что в
твоём каменном теле человечье чувство горит.
Безумно же я обманулась».

Как бы то ни было, но она своего добива-
ется: между тестем и зятем наступает зыбкое,
но всё-таки перемирие. Как раз в эту минуту
Гоголь и даёт старт новому повороту отноше-
ний отца к дочери: «"Для тебя только, моя дочь,
прощаю!" – отвечал он (отец – Г.Д.), поцеловав
её и блеснув странно очами. (Мы уже вспоми-
нали этот «не отцовский» отцовский поце-
луй – Г.Д.) Катерина немного вздрогнула: чу-
ден показался ей и поцелуй, и странный блеск
очей. Она облокотилась на стол, на котором
перевязывал раненую свою руку пан Данило,
передумывая, что худо и не по-козацки сделал,
просивши прощения, не будучи ни в чём ви-
новат». «Чуден» поцелуй получил своё дьяволь-
ское продолжение и во сне, где колдун-отец
предпринимает первую попытку соблазнить
свою дочь: «...ты посмотри на меня, Катерина,

я хорош! Люди напрасно говорят, что я дурён. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами! – Тут навёл он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась». Так Катерина рассказывает приснившейся ей сон мужу. Но тесть и Даниле показался таким же странным, непонятным и подозрительным. «Сидит у меня на шее твой отец! я до сих пор разгадать его не могу. Много, верно, он грехов наделал в чужой земле», – говорит он и следующей ночью теперь уже пытается и сам понаблюдать за действиями тестя.

Всех главных действующих лиц – дочь, её мужа и отца – в тексте повести Гоголь «сопровождает» разными красками. (Это наблюдение тоже от Андрея Белого.) Цвета Данилы – золотое и синее, Катерины – голубое, розовое и серебряное, тестя – чёрное с красным. Красная лягушка вещает о появлении колдуна, серебряная жалоба ивы – о грядущих слезах Катерины. А мы вспоминаем тот эпизод, где появляется душа Катерины, вызванная её отцом, и, как здесь подтверждается, на самом деле колдуном. Это становится понятным и героям повести, и её читателям. Душа Катерины в этом эпизоде многим напоминает образ русалки из «Вия», в чём (в ком) погружена мысль драматических отношений мужского и женского начал. К этому позднее мы тоже

ещё вернёмся, а здесь лишь напомним, что Данило наблюдает за действиями тестя через окно, и ему видится, как в его собственной опочивальне происходят изменения. И в чём? Он замечает, что там уже «вместо образов выглядывают страшные лица». А что же колдун? Данила видит, что в комнате колдуна-тестя появляется «что-то белое, как будто облако», и это облако превращается в женщину. Перед читателями развивается магический акт, где одержимый инцестуальным вождением колдун вызывает к себе потенциального эротического партнёра – его душу или, точнее, его эфирное тело, и это тело принадлежит дочери колдуна Катерине. Выслеживая колдуна, муж Катерины видит в окне замка сцену чародейства, которая сопровождается полётом нетопырей и хождением тестя вокруг стола.

Он видит, что очертания женской фигуры проходят сквозь прозрачные слои «астрально-го» света (голубой, бледно-золотой, затем розовый). И эти очертания оказываются душой его спящей жены: «Вот она как-то пошевелила прозрачную головою своею: тихо светятся её бледно-голубые очи; волосы выются и падают по плечам её, будто светло-серый туман; губы бледно алеют, будто сквозь белопрозрачное утреннее небо льётся едва приметный алый

свет зари; брови слабо темнеют... Ах! это Катерина!»

Ночь сменяется восходом: «Тонкий розовый свет становится ярче», и тогда-то, в утренней облачной ауре, появляется эфирное тело Катерины. «"Будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льётся едва приметный алый свет зари" – он же, добавим, цвет крови, – пишет М. Вайскопф. – Если вспомнить вдобавок, что маг – это именно отец Катерины, то демиургический подтекст чар станет ещё очевиднее (отец как бы заново вызывает дочь к бытию)». В то же время космологические компоненты сцены – небо, звёзды, утренняя заря – перекликаются с фольклорными мифологемами. Те же элементы включаются и в народные женские заговоры на красоту. Действительно, колдовство направляется на сопоставление с такими образчиками этого жанра, как, например: «Умоюсь я росой, утрусь белым светом, покроюсь я красным солнышком, запояшусь я частыми звёздами, выйду в добрые люди»; «Солнышком я украшусь, месяцем просвечусь, звёздочками утычусь, зарёй подпояшусь». «Понятно в то же время, – продолжает автор, – что эти заговоры, в свою очередь, выказывают зависимость от более универсальных представлений касательно мирового тела или же Адама, тело которого,

согласно апокрифам, было сотворено из всех элементов мира или частей света».

Данило становится свидетелем продолжающихся устремлений тестя к оболыщению своей дочери и его жены: «Я поставлю на своём, я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня!..» Позднее мы поймём, что его напор объясняется не одним лишь его греховным любострастием, но и глобальной «антихристовой» целью: овладев своей дочерью, он стремится мистически разрушить естественные связи и погубить православие. А в ту ночь Данило видит и слышит, как ведёт себя душа его Катерины. «Нет, не будет по-твоему! – заявляет она. – Правда, ты взял нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить её; но один только бог может заставлять её делать то, что ему угодно. Нет, никогда Катерина, доколе я буду держаться в её теле, не решится на богопротивное дело. Отец, близок страшный суд! Если б ты и не отец мой был, и тогда бы не заставил меня изменить моему любому, верному мужу. Если бы муж мой и не был мне верен и мил, и тогда бы не изменила ему, потому что бог не любит клятвопреступных и неверных душ».

Наблюдая сквозь окно за встречей отца-колдуна с душой своей дочери, Данило укрепляется во мнении, что его жена даже на

подсознательном уровне любит его и оттого даже здесь ищет у него поддержки, и находит её, встретившись взглядом с его глазами. Конечно, Данилы в комнате нет, он, забравшись на дерево и укрывшись в его кроне, видит всё это со стороны и пытается понять, что же происходит в самом деле. Здесь тёмно-синее над душой её – властно, красное – нет. Её душа не поддалась чёрту, любовь ничем не запятнана. Данила возвращается домой. «Тёмно-синее небо... было засеяно звёздами, – пишет Гоголь, – синезупанный хлопец сидел насто- роже при доме и курил люльку».

Выяснив, что отец Катерины антихрист, Данило заявляет: «Если бы я знал, что у тебя такой отец, я бы не женился на тебе; я бы ки- нул тебя и не принял бы на душу греха, по- роднившись с антихристовым племенем», – но тут же вспоминает, настолько верна ему жена, и сообщает: «Я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём». Здесь же и Катерина отмежёвывает- ся от своего отца: «Нет, не называй его отцом моим! Он не отец мне. Бог свидетель, я от- рекаюсь от него, отрекаюсь от отца! Он ан- тихрист, богоотступник! Пропадай он, тони он – не подам руки спасти его. Сохни он от тайной травы – не подам воды напиться ему. Ты у меня отец мой!»

Следует обратить внимание на то, что на- меченная Данилой казнь тестя, к тому време- ни находящегося уже в темнице, в отдельных деталях уподобляет Катерину колдуну. С од- ной стороны, она как бы всей душой и телом с мужем, а с другой – позволяет отцу-колдуну избежать кары. Те же признаки двойничества возникают и в разговоре Катерины с Дани- лой, который уже предчувствует свою ско- рую гибель. Здесь она упрекает его в том, что её муж говорит, «как слабая жена», давая и в этом случае тоже понять, что сама она, может быть, сильнее простой или обычной женщи- ны. Но сильнее ли она мужа, она не говорит. Таким образом, Гоголь продолжает развитие мотива, намеченного в самом начале повести, когда позволяет нам задуматься и осознать то, что у Данилы существует некая женская грань души. Это побуждает нас вспомнить тот слу- чай, когда среди днепровских волн (напротив кладбища с «высохшими мертвецами» и шата- ющимися крестами) Данило, находясь в лод- ке, забрал из рук испуганной жены своего ма- ленького сына и успокаивал его колыбельной песенкой. Многогранность образа Катерины возрастает путём сокращения числа граней в образе её мужа. Это своего рода «односторон- ная диффузия», что, однако, возникает теперь уже и в сознании читателей. Иными словами,

«плёнка» крутится так, что перед нами быстро мелькают картинки, а к чему это ведёт, что там происходит – мы начинаем понимать уже за пределами кинотеатра и времени демонстрации и отдельных кадров, и самого фильма.

Итак, поддавшись лживым уговорам отца, Катерина выпускает его из заточения. И хотя он так и не добился власти над её телом, но здесь обманут и Данило Бурульбаш, считающий, что чародей выскользнул из его цепей самостоятельно. Значение этого факта её «идеологической измены» мужу возрастает благодаря тому, что власть колдуна-тестя над душой Катерины пересиливает власть её мужа, а значит, некое бестелесное «антихристово» обладание ею или её волей уже наступило. Колдун не заместил Данилу на супружеском ложе, но он уже «вытеснил» его из жизни жены. Мало того, он продолжает свои злодеяния и постоянно является к Катерине во снах, угрожая дочери убить её сына, если она не выйдет за него замуж. Таким образом, его борьба за место в супружеском ложе по-прежнему продолжается, и продолжается всё более и более настойчиво и изощрённо. «Отступничество» Катерины не только дамочным мечом висит над её семьёй, но и вносит разрушения в мир православного казачества и его внутреннее единство.

Только жертвенной кровью мужа смывается её грех, и сквозь облака на «антихриста» смотрит уже чудный лик «дивной головы». Мотив сближения мужского и женского начал развивается и даже неким образом трансформируется, когда по «вызову» колдуна вместо ожидаемой души Катерины является лик незнакомца. Это «мужское воплощение» женской души точно так же пугает колдуна, как напугали ведьма и Вий Хому Брута. Следовательно, мы можем здесь допускать, что этим неведомым незнакомцем могла быть и сама Катерина?! Ведь позднее она, как когда-то Данилу, но теперь уже есаулу Горобцу, пересказывает свой сон с угрозами колдуна убить её ребёнка, и именно она главным образом виновна в смерти своего младенца. Да она и сама понимает, что, выпустив колдуна, создала смертельную опасность для семьи. Оттенки «ведьмовства» Катерины усилены в описании её безумной пляски. В ней смешано всё: как научить бабу «сделаться молодой», как превращаться из панночки в старуху и наоборот... Это напоминает нам не только «адский тропак» из «Пропавшей грамоты», но и тот «танец», который исполнял колдун на свадьбе у есаула в Киеве в самом начале «Страшной мести». После несвязных заявлений и реплик «неслась Катерина, безумно поглядывая на все

стороны и упираясь руками в боки. С визгом притопывала она ногами; без меры, без такта звенели серебряные подковы. Незаплетенные чёрные косы метались по белой шее. Как птица, не останавливаясь, летела она, размахивая руками и кивая головою, и казалось, будто, обессилев, или грянется наземь, или вылетит из мира». И когда усталая пани Катерина уже с большим трудом еле-еле передвигает ногами перед соратниками умершего мужа, она даже жестами и притопыванием напоминает нам пляску перед дворней Хомы из «Вия» перед началом последней в его жизни ночи.

Колдун снова и снова появляется перед Катериной. То во сне, чтобы угрожать: «Я зарублю твоё дитя, Катерина! – кричал он, – если не выйдешь за меня замуж...» (и он свою угрозу исполнил), то наяву – под видом «брата Копряна» в красном жупане, напоминающем о «красной свитке» чёрта в «Сорочинской ярмарке», чтобы под легендой выполнения предсмертной просьбы её покойного мужа склонить её к замужеству. После потери от рук отца-колдуна мужа, затем ребёнка и, как оказалось по ходу повествования, когда-то давно ещё и её матери (от тех же рук) – целью обезумевшей Катерины становится лишь поиск отца, для того чтобы отомстить ему за её пропавшую жизнь.

В финале повести мы видим уже другую Катерину. Она целыми днями бродит по тёмным дубравам. «Острые сучья, – пишет Н.В. Гоголь, – царапают белое лицо и плечи; ветер треплет расплетённые косы; давние листья шумят под ногами её – ни на что не глядит она. В час, когда вечерняя заря тухнет, ещё не являются звёзды, не горит месяц, а уже страшно ходить в лесу: по деревьям царапаются и хватаются за сучья некрещёные дети, рыдают, хохочут, катятся клубом по дорогам и в широкой крапиве; из днепровских волн выбегают вереницами погубившие свои души девы; волосы льются с зелёной головы на плечи, вода, звучно журча, бежит с длинных волос на землю, и дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмеваются, щёки пылают, очи выманивают душу... она сгорела бы от любви, она зацеловала бы... Беги, крещёный человек! уста её – лёд, постель – холодная вода; она защекочет тебя и утащит в реку. Катерина не глядит ни на кого, не боится, безумная, русалок, бегаёт поздно с ножом своим и ищет отца».

Безумие обостряет её внутреннюю интуицию, а её душа ещё настойчивее ищет возможности отмщения, но делает это она уже помимо своего разума. В том случае с «братом Копряном», который мы уже упоминали, на самом

деле она узнаёт своего отца. И хотя результатом их встречи для Катерины становится смерть от его руки, но ещё до этого кровью её семьи не только искуплены предательство и слабость Катерины, но и восстановлена целостность мира, а пришествие антихриста на Землю отложено.

Андрей Белый не раз, как в том же «Мастерстве Гоголя», подвергал жёсткой критике «мнение фрейдистов и Розанова» «за дурное воображение» и сюсюканье о «нежной тайне», позволявшей и в Катерине «увидеть страсть к отцу»: видеть ответную страсть к нему – дочери. И это в тот миг, когда Катерина могла бы «задрожать от страсти» в розовом свете под чарами колдуна? В мгновенье, когда она, к ужасу колдуна, хотя не подозревающего о том, встретила глазами с Данилою? Мы вспоминаем и рассказываем об этом факте подробнее, чтобы наши читатели представляли, какая отчаянная полемика разворачивалась тогда, да она ещё, по сути, и не совсем завершилась, вокруг повести Гоголя и образа этой молодой несчастной женщины.

В.В. Розанов действительно «пакостничает» – этот диагноз принадлежит тоже Андрею Белому. Пакостничает, выявив половые сношения отца с дочерью в строках, повествующих о встрече в замке, когда «по всей комнате тихо разлился прозрачно-голубой свет», а «волны

прежнего бледно-золотого переливались, ныряли, словно в голубом море и тянулись слоями, будто на мраморе». Именно в тех «волнах» и «слоях», что на мраморе, Розанов и углядел то, что не смогли обнаружить, ни современники Н.В. Гоголя, ни его многочисленные читатели, ни критики всех поколений. Но Розанов заметил, выяснил-таки, определил, что «волны» и «слои» – на самом деле семенные нити или, проще сказать, сперматозоиды колдуна.

Но, «если бы "бледно-золотые волны" были тем, чем их желает увидеть Розанов, они явились бы после, – разумно замечает А. Белый. – До какого идиотизма доводит больное воображение!» И действительно, изображённые Гоголем волны и нити заполняют комнату, где уже всю «шаманит» отец Катерины, он колдует в те минуты, когда не только Катерины, но и её души в этой комнате ещё нет. Даже согласившись, например спяну или от перенапряжения, с первой частью физиологической трактовки волн и всего остального розановцами, добавляем на «пять копеек» своего ума и логики ко второй её части. И видим. В отсутствие Катерины (её души, а тем более её тела в ту минуту в комнате с колдуном не было) – мы повторили это не от забывчивости – речь могла бы вестись не о половом сношении отца с дочерью, а о само-

удовлетворении мужчины, получаемом без участия женщины. Подобные действия в таких проявлениях называются онанизмом. Конечно, идиотизм может заползти в любые сферы жизни, включая критику. Здесь тот же подход, что встречается в текстах наших сатириков и сейчас, когда «солнце, воздух и вода – укрепляет организм» или что-то аналогичное. Похожее можно было бы адресовать Розанову, Ермакову и всем их последователям.

Мы снова обращаемся к Михаилу Вайскопфу, теперь уже к его размышлениям о структуре эротической грёзы в поэтике романтизма Гоголя. Он обращает наше внимание на «Боккал» Тика, где искры тоже вытягиваются нитями: «Мой перстень рассыпался на мелкие голубые и золотые искры, они потянулись по воде тонкими нитями и скоро совсем исчезли...»; «...по зеленоватым волнам потянулись розовые нити, долго переплетаясь между собою, и слились на дне сосуда в прекрасную, пышную розу»; «От розы потянулись зелёные и розовые нити...», а затем появилось «...существо удивительное, неимоверное – словом, женщина, едва приметная глазу».

Как видим, в этих магических текстах, включая «Страшную месть» с её «вытканым» образом Катерины, содержится общий мотив нитей, который, безо всякого сомнения, при-

надлежит к мифологическим универсалиям. В третьей главе своего труда «Образы и символы», названной «Бог – вязатель и владыка узлов», теперь уже Мирча Элиаде подробно, с привлечением обширного материала, пишет о магии нитей, узлов и сетей – от «нити судьбы» до вселенской ткани, сотканной богами.

Белый справедливо утверждает, что «Розанов и фрейдисты с профессором Ермаковым» прежде всего наивно подошли к содержанию повести "Страшная месть", когда осью сюжета увидели преступную страсть отца к дочери. И они «тут же присочинили ответную страсть дочери (в подсознании); их попытки связать эту страсть с бытом древних культур, выявляющих, по Ермакову, первобытную чувственность, а по Розанову чувственность изощрённую, – интересны как экскурсии в область атавизма; но при чём сюжет "СМ" («Страшной мести» – ГД.)? Половая противоестественность – следствие чего-то ещё более коренного; попытка Розанова уплощает сюжет, который не только психологичен, но главным образом социален».

А чтобы больше уже к этому вопросу не возвращаться, мы скажем о главном. В основе мифологической подоплёки изложенных в повести событий лежит ненависть «антихриста» к православному братству, в чём влечения любострастного отца к дочери и нашли своё

место. Её суть становится понятной тогда, когда к читателям приходит понимание, что колдун-отец – это последний (!) мужчина в том роду, начало которому положил Иуда Петро. И в основе действий колдуна содержится попытка реализовать самую последнюю возможность Иудиного рода (других – уже не существует) совершить зачатие и продлить его. Таким образом, попытки отца овладеть дочерью – это что-то вроде спецоперации семейной династии Иуды. Вспомним слова Андрея Белого: «Корень всех злодеяний оторванца от рода в том, в чём неповинна его личность».

Мы отдаём себе отчёт в том, что «тиражируя» отдельные, забавные до неприличия, версии понимания образа нашей героини и её качеств, мы и сами уподобляемся «пропагандистам» Розанова и иных «детей Фрейда». В этой связи заметим, что «идея» преступной страсти отца к дочери является всего лишь одной из многочисленных «ступеней» для нашего продвижения к пониманию тех мыслей и действительно фундаментальных идей, которые Гоголь предложил своим читателям глубоко переосмыслить во время знакомства с его текстом. Сами мы это уже давно поняли и столь подробно останавливаемся на этой стороне вопроса лишь потому, что в нашей заметке рассматривается прежде всего об-

раз Катерины как один из наиболее сложных женских образов, созданных гением Гоголя. В Катерине вихрем проносятся несколько жизней, слитых в одну судьбу. И все эти жизни фиксирует Гоголь, обращая внимание на её внутреннее и внешнее эмоциональное состояние в каждой из ситуаций, где бы она ни оказалась. И ещё. Внешность. О ней мы знаем немного: знаем, что красива. Как-то сложилось так, что обязательным атрибутом «товарного», извините, качества женщины привычно видеть: грудь, губки, талию, реснички... Здесь эротика Катерины целомудренная. Она всегда хорошо одета, аккуратна и привлекательна, хотя и не говорится ни слова о том, в чём её привлекательность или притягательность заключена.. При этом от первой до последней страницы повести её образ наполнен эротизмом, чистотой, страстью и нерушимой неприкасаемостью при любых обстоятельствах.

Финал повести такой же внезапный, как и дебют. Катерина погибла после того, как испустила свою вину. Но она погибла в «бою», в продолжающемся противоборстве со страшной сатанинской силой – и тем самым не только восстановила и упрочила честь своего имени и репутацию, но и общественное равновесие в нашем неустойчивом мире. Объём наших теоретических знаний не позволяет нам бо-

лее мастеровито рассуждать об этом образе и его исключительном значении. Прочтите повесть «Страшная месть», и вам откроются такие дали, в которых вы пока ещё ни разу в жизни не бывали.

Альфред Хичкок однажды обозначил формулу успешного триллера. Приятно испытывать страх, замечал он, находясь в полной безопасности. Но тот, кто возьмётся за экранизацию «Страшной мести» сегодня, вместе со своим фантастическим боевиком или триллером точно войдёт в историю мирового кинематографа. И это будет блокбастер по сценарию 23-летнего юноши, находившегося как раз в самой гуще страхов, опасностей и чертовщины, подстерегавших его тогда на каждом шагу в недружелюбно настроенной к нему столице...

О поэзии любви за одним столом со Шпонькой

В настоящей главе мы буквально проносимся или пробегаем по сюжетам повестей, где у литературных героинь юного писателя на повестку дня выдвигался вопрос любви, замужества или борьбы за счастье семьи (с помощью нечистой силы либо без её заботливого внимания). Поэтому нам представляется лю-

бопытным ознакомиться здесь также и с тем, как эту тему понимал сам Н.В. Гоголь, но уже в более практическом или в прикладном смысле. Эту тему здесь мы затронем лишь слегка, на небольших примерах, и не скажем, что они дают нам полное понимание о действительном понимании писателя. Мы попытаемся лишь обозначить её существование, ибо споры о её существовании продолжаются и сегодня.

Наверное, лучше всего нам будет это понять, даже мельком ознакомившись с отдельными письмами из переписки Николая Гоголя со своим в то время безумно влюблённым другом – А.С. Данилевским. В письмах с видом великого знатока юный писатель разъясняет ему, как любовь может испепелить человека дотла, ссылаясь на то, что это дважды уже с ним якобы едва не случилось. Искренне ли Гоголь об этом пишет или это его фантазия? Фантазировать он любил. Точный ответ на этот вопрос сегодня пока ещё не найден. И наверное, нет того биографа Гоголя, который не попытался бы найти ключ к пониманию событий, произошедших в тех двух эпизодах, если они, конечно, были на самом деле. А в результате бессчётные исследователи вынуждены тоже упражняться в выдумках сказаний и легенд, представляя читающей публике, включая и нас с вами, всего лишь новые

версии возможных событий при наиболее вероятных обстоятельствах. Как бы то ни было, но сведения о некоторых взглядах юноши по фамилии Гоголь на чувства к женщине, как нам кажется, представляются исключительно познавательными и любопытными.

А.С. Данилевский входил в число тех немногих ровесников Гоголя, которых Николай Васильевич причислял к «ближайшим людям своим», называя его «родственником», «двоюродным братом» или «кузеном». Да и могло ли быть иначе, если родители юношей жили по соседству, а сами ребята не только вместе учились в Нежинской гимназии, но и покорять столицу после выпуска из неё отправились сообща. Гоголь не раз выручал Данилевского в самых непростых ситуациях, да и Данилевский по жизни ему отвечал тем же. В их отношениях случалась и напряжённость, а однажды Данилевский обиделся на Гоголя всерьёз. На письмо, где он живописал о своей пылкой влюблённости, Гоголь, как ему показалось, ответил шуткой. Это случилось тогда, когда разочарования и потрясения юного поэта оттесняли ощущения полноты существования и азарт литературного созидания. Он уже приобрёл известность писателя и завершал вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»,

куда входила и его занимательная весёлая и грустная повесть о Шпоньке и его тётушке.

Представления о том, что думал юный литератор о женщинах, о браке и семье, а также об истоках его стиля шутить под серьёзной маской, мы можем получить из письма Гоголя Данилевскому от 30 марта 1832 года. Это письмо Николай Гоголь начинает солидно и в первых же его строках по теме высказывается весьма обстоятельно. Однако далее, выдерживая ту же настроенность и интонацию повествования, он мягко поэтизируется и незаметно веселеет:

«С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено моё письмо? (Имеется в виду предыдущее письмо. – Г.Д.) И что ты нашёл бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о поэтической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона? Поэтическая сторона: "Она несравненная, единственная" и проч. Прозаическая: "Она Анна Андреевна такая-то". Поэтическая: "Она принадлежит мне, её душа моя". Прозаическая: "Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом и всем, одним словом – ensemble?" (всецело (фр.) – Г.Д.).

Прекрасна, пламенна, томительна и ничем неизъяснима любовь до брака; но тот только

показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но, зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть или, лучше сказать, самая книга – потому что первая только предуведомление к ней – спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днём открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюблённый в произведение великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нём новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидеть прежде. Любовь до брака – стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь – это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но, чем более вглядываешься в неё, тем она более открывается, развёртывается и, наконец, превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частью, небольшой рекою, впадающей в этот океан. Видишь, как я прекрасно расска-

зываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем, это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию». (Хрия – это риторические правила построения рассуждения.)

В письме от 30 марта 1832 года супружеская жизнь позиционировалась предпочтительней. А парадоксальность в том, что холостяк Гоголь рассказывает неженатому Данилевскому о преимуществах «любви после брака», заменяя отсутствие личного опыта семейной жизни убеждённой в своей правоте при опоре на литературные авторитеты. «Ты, я думаю, уже прочёл "Ивана Фёдоровича Шпоньку", – пишет Гоголь. – Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем как после брака делается совершенно поэзией Пушкина».

Шутливый тон этого заявления нас не должен вводить в заблуждение точно так, как и несерьёзное сравнение кроткого Ивана Шпоньки с поэзией Языкова. Гоголь уже применял подобный приём, сравнивая, например, заведомо несовместимых Булгарина и Байрона в письме к Пушкину. Вместе с тем, как бы мы ни относились к незаконченности «Шпоньки», сам писатель пусть и с явной иронией, но

последовательно вёл биографию Ивана Фёдоровича к той жизни, что с «помощью» тётушки могла бы в определённой мере изменить его именно «после брака».

Гоголеведы считают, что писатель работал над образами Шпоньки и его тётушки тогда, когда он жил в Павловске, а по соседству, в Царском Селе, пребывали Пушкин и Жуковский. Едва ли можно предположить, что Гоголь знал тонкости семейной жизни своего литературного кумира. Может, редкие посещения четы Пушкиных и способствовали тому, чтобы какие-то представления об этой семье у него сложились, да и Пушкин был не прочь порой продемонстрировать идиллическую картину своего семейного счастья. Но известный художник Карл Брюллов, отличавшийся убеждениями о невозможности искренней «любви после брака», в своих воспоминаниях писал, что в картинках семейного счастья поэта не раз замечал «натянutosть».

Напомним, что из повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» мы так и не узнали, каким же стал её главный герой после брака, да и состоялся ли брак – тоже не знаем. Очевидно, что замысел Гоголя изменился уже после написания этого занимательного письма. Но мы вполне понимаем, что в его рассуждениях о сердечных чувствах Данилевского нет ни

иронии, ни насмешки, ни легковесности. Напротив, Гоголь демонстрирует действительно «океаническое» понимание любви, с её безбрежной открытостью и тревожной радостью юношеского прикосновения к этой загадочной стихии.

Его герои, как и полагается не только литературным героям, но и любым другим «реальным» людям, время от времени влюбляются, помышляют жениться, а то и женятся. Этой теме Гоголем, как известно, посвящена целая пьеса «Женитьба». Он не раз собирался её отдать для постановки в театр, но передумал и увлёкся «Ревизором». Перечитывая текст «Женитьбы», невольно ловишь себя на мысли о том, как много в нём чертыханий. Не менее двадцати раз такое встречается на сорока пяти страницах текста. Во многих других произведениях Гоголя романтической направленности такого тоже немало, но в «Женитьбе» больше всего. О боге автор здесь вспоминает тоже, но в два-три раза реже. Кто его знает, может быть, именно она – женитьба – в подсознании Гоголя тогда чаще всего и ассоциировалась с бесовскими шалостями, а не с божьим даром?

Открываем одну из страниц пьесы «Женитьба», читаем: «Вот как начнёшь эдак один на досуге подумывать, так видишь что, наконец, точно нужно жениться. Что, в самом деле?

Живёшь, живёшь, да такая наконец скверность становится». Его Подколесин будто бы прав – из житейской скверности можно попытаться выбраться и таким методом. Но у него так ничего и не получилось, в самый ответственный момент он сиганул в окно и убежал. Возмутилась даже Фёкла, немало повидавшая на своём веку: «Ещё если бы в двери выбежал – иное дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно – уж тут просто моё почтение». Этот поступок Подколесина, кажется, мог бы хорошо понять Иван Фёдорович Шпонька, перед новеньким мундиром которого и Шпонькой под ним, как известно, застыла такая же проблема: «Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. это казалось ему так странно, так чудно, что он никак не мог подумать без страха. Жить с женою!.. непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!.. Пот проступал у него на лице, по мере того чем более углублялся он в размышление». Ясно, что информацию о его бракосочетании мы уже не получим никогда, ибо Иван Фёдорович Подколесину не уступит ни в чём.

«Романтически влюблённому приятелю Гоголь весело советует прикрепить его красавицу к земле, – замечает Бочаров, – чтобы черты её не были "слишком воздушны"».

(Из анализа как раз предыдущего письма Данилевскому, которое Гоголь написал ему 1 января в 1832 году). Художник Гоголь сам усиленно прикрепляет свою красавицу к земле и патетически утверждает земную именно красоту, когда ставит в центр своего переживания сюжета картины Брюллова («Гибель Помпеи») обречённую женщину, дышащую «всем, что есть лучшего в мире». «Нам не разрушение, не смерть страшны (...) нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша». Разрушение прекрасного женского тела он ставит в центр катастрофы! В другом же случае такое же разрушение описывает он в свирепых подробностях яростной мечты Тараса Бульбы. Тот лелеял в мыслях физическую расправу над прекрасной полячкой, причаровавшей и погубившей сына его, – «не поглядел бы на её красоту, вытащил бы её за густую, пышную косу, поволок бы её за собою по всему полю, между всех козаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, её чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, покрывающим горные вершины. Разнёс бы по частям он её пышное прекрасное тело».

Во всех вариантах отношения героев Гоголя к представительницам прекрасного пола можно обнаружить своеобразное «бегство от

женщин». Оно присутствует и в нереальном обожествлении женщины в самых его ранних произведениях, и в незадачливой инфантильности размышляющего над этим вопросом Ивана Фёдоровича Шпоньки: «Я совершенно не знаю, что с нею делать!» Здесь же и низведение женской природы до физического уровня (как в «кулинарных» сравнениях «Женитьбы»). «При всём многообразии казуистики, – пишет В.Г. Адаме, – всюду та же отступательная целеустремлённость и нарушение нормальной активности. Герои Гоголя избегают реального контакта с женщиной, останавливаются на полпути или же обращаются в бегство.(...) Эта реакция – типичная и повторяющаяся в жизни Гоголя». То же самое можно сказать и об отношении Гоголя к браку – в том виде, в каком он существует в человеческом обществе: «Человеческий институт женитьбы был определён им отрицательно. Развязнейшие объяснения в любви Хлестакова, разумевшего под браком совершенно иную категорию ощущений, отталкивали его ещё больше. (...) Нравственное падение людей женатых, столь частое, удручало его окончательно».

Наверное, для того, чтобы всецело присоединиться к тому выводу, который нам предлагает В.Г. Адаме, нужно было бы и нам глубже вникнуть в первоисточники. Но ведь выводы

будут такими же субъективными, и с той лишь разницей, что под ними будет стоять другая фамилия. Ведь у Гоголя люди влюбляются и женятся не так уж и часто. Даже самый первый из его литературных героев – Ганц Кюхельгартен после возвращения из долгих странствий думает о семье, хотя уже «перегорел» со всеми своими «коварными мечтами». Он осознал, что без «железной воли» в душе ему остаётся лишь только «семьёй довольствоваться скромной», но и не для души, какой бы она у него ни была, а только в качестве поощрения Луизы за её идеальную верность.

В сборнике «Вечеров...» романтический идеал Н.В. Гоголя выражается в мечте о справедливых и добрых отношениях между людьми и представлениях о том, каким должен быть человек. Конечно, эти идеи и мотивы можно было бы окрестить своего рода поэтической утопией. Как раз исключением из поэтического букета этих грёз является повесть «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», где ведущие партии исполняют ярко выраженные «существователи». Это Шпонька (на украинском языке «запонка», что подчёркивает его незначительность) и его тётушка Василиса Кашпоровна. (Происхождение имени Василиса – греческое значение: царица, царственная – Г.Д.)

В период работы над этой повестью Гоголь видит жизнь людей уже глазами петербуржца и понимает, что крушение его утопии неизбежно. В названии повести тётушкин племянник будто бы главный герой. С него всё и начинается. Здесь рассказывается и о его службе в Могилёвской губернии, и о его быте, и о его времяпровождении. Но роль Ивана Фёдоровича оказывается отнюдь и не столь значительной, как мы надеялись, открывая первую страницу. На самом же деле он всегда ведомый. Даже во время службы Ивана Фёдоровича вдали от родного дома им постоянно управляет ведущая. Это его тётушка Василиса Кашпоровна, женщина очень сильная, активная и неглупая.

«Любезный племянник Иван Фёдорович! – пишет она ему. – Посылаю тебе бельё: пять пар нитяных карпеток и четыре рубашки тонкого холста; да ещё хочу поговорить с тобою о деле: так как ты уже имеешь чин немаловажный, что, думаю, тебе известно, и пришёл в такие лета, что пора и хозяйством позаняться, то в воинской службе тебе незачем более служить. Я уже стара и не могу всего присмотреть в твоём хозяйстве; да и действительно, многое притом имею тебе открыть лично. Приезжай, Ванюша; в ожидании подлинного удовольствия тебя видеть, остаюсь многолюбящая

твоя тётка. Василиса Цупчевська. Чудная в огороде у нас выросла репа: больше похожа на картофель, чем на репу».

Тётушка написала «ты уже имеешь чин немаловажный». А мы замечаем, как из её слов на нас уже вполне себе «выглядывает» опрятно упакованное простой и непосвящённой в тонкости служебного роста женщиной её необыкновенно «душевное», «припорошенное» лёгкой похвалой, откровенное ехидство относительно весьма сомнительных карьерных достижений племянника. И.Ф. Шпонька действительно не герой. Ко всему прочему он ещё очень робок, стеснителен, совершенно несамостоятелен. И потому его тётушка, прекрасно зная эти качества, в письме загадочно намекает о том, что «многое притом имею тебе открыть лично».

За её посулами – сокровенная мечта женить племянника и чего-то прибавить к «именьицу». Из боязни его испугнуть (ведь самостоятельно он не привык хоть что-то решать и делать), она увлекает Ивана Фёдоровича загадочными целями: «многое», «открыть» и «лично». Нежным финалом послания – «Приезжай, Ванюша» – она усиливает важность неотложной встречи и подписывается своей звучной фамилией, которая в тексте уже больше ни разу не встречается. Абсурдистским включением в

текст репы и картофеля, не имеющих совершенно никакого отношения к теме, Н.В. Гоголь демонстрирует нам прекрасный образец того, как причудливую женскую логику можно усилить достоверностью абсолютно бесполезной информации. Так, казалось бы, простенькое письмо Василисы Кашпоровны становится «стратегически и тактически прицельным» требованием к племяннику, призывом к незамедлительным действиям, что у Гоголя получилось потрясающе реалистично, логично и превосходно.

Шпонька отвечает бесхитростно. Пишет о семенах и свиньях, благодарит за коврижки, а затем переходит к самому главному: «Насчёт вашего мнения о моей службе я совершенно согласен с вами и третьего дня подал в отставку. А как только получу увольнение, то найму извозчика». Если добавить, что над сочинением столь незамысловатых строк Шпонька просидел неделю, то наше предположение о тётушке как о руководящей и направляющей силе в жизни её племянника и о его умственных способностях теперь уже представляется абсолютно верным.

Двадцатидвухлетний автор повести Н.В. Гоголь даёт «открытый урок», как надо писать, чтобы плотно заполнить смыслом самый легкомысленный прозаический текст. Мысленное

представление об образе Василисы Кашпоровны у нас складывается уже при чтении её писем. Ведь Николай Васильевич, по сути, уже представил нам очередной женский образ! И в этом тоже один из признаков настоящего таланта писателя. Потрясает именно то, что мы уже видим человека, не ознакомившись даже с описанием его внешности! Позднее мы, конечно, разглядим в этой женщине и добродетельную глупость, и железное упрямство, и непререкаемую бездну премудрости, и страсть к сплетням, и талант в разведении собственных интриг, и даже мужской характер. Но всё это будет потом, а мы читаем и уже сейчас это предполагаем, уже чувствуем, что без этого не обойтись!

Вскоре мы наконец-то встречаем и саму тётушку. Уже при чтении первых строк о ней мы замечаем, что это редкостный руководитель и талантливый организатор. Она властвует в доме, в хозяйстве, в отношениях с дворовыми, с односельчанами, с племянником... «Тётушка Василиса Кашпоровна в это время имела лет около пятидесяти, – сообщает нам Гоголь. – Замужем она никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь девическая для неё дороже всего. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не сватал её. Это происходило оттого, что все мужчины чувствовали при ней

какую-то робость и никак не имели духу сделать ей признание. "Весьма с большим характером Василиса Кашпоровна!" – говорили жёны, и были совершенно правы, потому что Василиса Кашпоровна хоть кого умела сделать тише травы». Выступая всю жизнь в «мужской» роли, тётушка Шпоньки приобретает все признаки «маскулинности», то-есть телесных, психических и поведенческих, особенностей, которые чаще всего характеризуют мужчин. Про таких здоровых, сильных, активных и неудержимых женщин обычно говорят «конь с яй...» (Ну, вы, наверное, и сами слышали такого рода сравнения дам с изящными лошадками). Здесь оно точно к месту, хоть и не совсем поэтично. Прочтите – и убедитесь сами:

«Пьяницу мельника, который совершенно был ни к чему не годен, она, собственной своей мужественною рукою дёргая каждый день за чуб, без всякого постороннего средства умела сделать золотом, а не человеком. Рост она имела почти исполинский, дородность и силу совершенно соразмерную. Казалось, что природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить тёмно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировую шаль в день Светлого Воскресенья и своих именин, тогда как ей более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты.

Зато занятия её совершенно соответствовали её виду: она каталась сама на лодке, гребя веслом искуснее всякого рыболова; стреляла дичь; стояла неотлучно над косарями; знала наперечёт число дынь и арбузов на баштане; брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через её греблю; взлезала на дерево и трусилась груши; била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки. Почти в одно время она бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила медовое варенье и хлопотала весь день и везде поспекала. Следствием этого было то, что маленькое именье Ивана Фёдоровича, состоявшее из осьмнадцати душ по последней ревизии, процветало в полном смысле сего слова. К тому же она слишком горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку». Такую характеристику тётушки мы имеем от автора и убеждаемся, что в ней её образ выглядит убедительно, объёмно, красочно, реалистично, зримо.

Может быть, мужские манеры госпожа Цупчевська могла приобрести ещё в юности. Возможно, юность у неё была бурной. XVIII «русский» век заметно отличался расширением социальной и культурной значимости женщины, когда «слабый пол» принялся осваивать

политику, литературу, журналистику, науку и прочее. «Кажется, что Россия есть страна, где полы перепутались; женщины управляют, женщины председательствуют в учёных обществах, женщины участвуют в администрации и дипломатии. Недостаёт лишь одного этой стране, одной лишь привилегии этим красавицам: быть во главе войска» – так о екатерининской России отозвался в своих мемуарах известный авантюрист-путешественник Джакомо Джованни Казанова.

В отношениях с сорокалетним племянником Василиса Кашпоровна руководствуется тем, что «воно ще молода дытына», и втягивает Шпоньку в абсолютно не свойственные его натуре авантюры. Это, прежде всего, спор по поводу земельного участка с соседом, а также женитьба. Властвующая над природой атлетка делает всё для того, чтобы с помощью женитьбы навечно привязать к себе племянника. А тот, услышав об этой идее, «стоял, как будто громом оглушённый», и истекал потом «по мере того, чем более углублялся он в размышление». Впрочем, судьбоносная встреча Шпоньки с потенциальной невестой закончилась не судьбоносно, хотя ему и понравилась Марья Григорьевна. Отметим, что барышня оказалась такой же пустой, глупенькой и инфантильной, как и сам Иван Фёдорович. Ко-

нечно, вместе им было бы легко подружиться, но причина «не судьбоносности» даже не в ней. Она-то как раз давно уже созрела к тому, чтобы выскочить в мужние жёны. Причина здесь всё-таки в Шпоньке.

Весь ужас тётушкиной идеи целиком «открывается» Шпоньке в финальном страшном сне, после которого он просыпается в «страхе и беспамятстве», и снова в поту, что «лился с него градом». В общем, «ещё несвязней сновидений он никогда не видывал», но мы этот сон вам пересказывать уже не будем. Сами почитайте. Положение Шпоньки безвыходно: для него равно опасны «культура», символизируемая страшным учителем латыни, что случилось с ним ещё в школьные годы, и земля, олицетворённая требованиями богатырской родственницы. А в результате Иван Фёдорович освобождает себя как от мира культуры (прекращая учение на дробях, а службу – в чине подпоручика), так и от брака, предлагаемого тетушкой. Так внутреннее уродливо ломает чувства и душу робкого отставника, который боится всего неведомого. Как и у Подколесина в «Женитьбе», чувства к женщине у Шпоньки – пародия на чувства, наполненная содроганием от мыслей о любви. Они несопоставимы с теми чувствами, которые с такой чудной поэзией открываются в образах

Вакулы и Оксаны, Лёвка и Ганны и других молодых людей в насыщенных страстью историях, которые нам встречаются в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

В последнем абзаце повести о Шпоньке упоминается о «новом замысле» его тётушки, относящемся, видимо, уже непосредственно к самой церемонии свадьбы или условиям, при выполнении которых она может состояться. Николай Васильевич пишет, что читатель о деталях тётушкиной затеи узнает уже в следующей главе, но других глав не существует, что ещё раз подчёркивает происходящий абсурд, ибо добавить о Шпоньке уже нечего, потому что о нём и так сказано больше, чем он того заслуживает...

В повести мы встречаем ещё одну женщину – матушку Григория Григорьевича Сторченко. Это мастерица по солению огурцов, явный прототип будущей Коробочки Настасьи Петровны. В характеристике её внешности Гоголь ограничился скупым конкретным сравнением – «вошла старушка, низенькая, совершенный кофейник в чепчике», – которое исчерпывающе определяет эту достойную представительницу помещичьего сообщества. Это тихая и ограниченная старушка, помыслы которой за пределы стряпни и домашнего хозяйства не выходят ни на один шаг. Кстати,

формула и самого Шпоньки видится нам как «ни то, ни сё», хотя в дальнейшем он всё больше и больше напоминает нам личность господина Манилова. Шпонька – недоросль, но в отличие фонвизинского – он духовный недоросль. Не поспедев для русского народа на красавиц, природа не стала экономить на дураках. Это видно, глядя на Шпоньку, что ж тут поделаешь. У Шпоньки нет внутреннего содержания, и в этом содержание и Шпоньки и повести. Степан Иванович Курочка – автор записей о Шпоньке – столь же ограничен, как и те герои, о которых он рассказывает. «Пасичник» может сообщить о нём лишь то, что во дворе, где он живёт, стоит большой шест с перепелом и толстая баба в зелёной юбке, хотя Степан Иванович и «ведёт жизнь холостую». (Такого же рода подробность о холостячестве, но сожительстве с «приставшей» ко двору бабой позднее встречается и в биографии Ивана Ивановича Перерепенко, которого мы узнаём в период его грызни с Иваном Никифоровичем.) Так что во времена Гоголя и такое было возможно сплошь и рядом. Существовала не только «жизнь до брака» и «жизнь после него», но и жизнь без брака, которая сейчас именуется гражданским браком.

За добродушным описанием жизни Вытребенек и Хортыще в повести Гоголя перед

нами, как в калейдоскопе, меняются картинки праздной, заполненной мелкими хозяйственными заботами жизни украинского поместья: его убогий, ограниченный мирок хорошо известен писателю с самого детства. Это мир могучего изобилия природных благ и в то же время мир полного духовного оскудения распорядителей ими. В весёлых строках «Вечеров...» Гоголя Белинский увидел не смех ради смеха, а полноту жизни. «Это комизм весёлый, улыбка юноши, приветствующего прекрасный божий мир, – пишет он. – Тут всё светло, всё блестит радостью и счастьем; мрачные духи жизни не смущают тяжёлыми предчувствиями юного сердца, трепещущего полнотою жизни. Здесь поэт как бы сам любит созданными им оригиналами. Однако эти оригиналы не его выдумка, они смешны не по его прихоти; поэт строго верен в них действительности. И потому всякое лицо говорит и действует у него в сфере своего быта, своего характера и того обстоятельства, под влиянием которого оно находится».

ГЛАВА IV. «ХОРОШО ЖЕ!»

До настоящей страницы в своих размышлениях о героях, а в большей мере – о литературных героинях Н.В. Гоголя мы путешествовали по следам тех событий, которые нам стали известными из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Нам бы не хотелось самонадеянно утверждать, что в этом обозрении нам удалось увидеть образы поэта «другими» глазами или привнести в их понимание нечто крайне неординарное или неожиданное. Понятно, что чаще всего мы опирались на уже существующие воззрения и оценки. Тем не менее отметим, что в наших суждениях второстепенные детали или выводы подчас признавались главными, а отдельные, казалось бы, нерушимые в гоголеведении постулаты – поддержки не нашли.

Прежде чем перейти к повести «Вий», к тому необычайно интересному, загадочному и непонятному женскому образу, который нас ожидает там, мы приведём вам обширную цитату из творчества В.Г. Белинского, где он даёт поразительно точную, взвешенную и правдивую оценку тем хуторянкам и хуторянам,

с которыми мы уже успели познакомиться. Конечно же, это оценка прежде всего Гоголю, благодаря которому наше знакомство с ними состоялось.

«Скажите, какое впечатление, прежде всего, производит на вас каждая повесть г. Гоголя? Не заставляет ли она вас говорить: «Как всё это просто, обыкновенно, естественно и верно и, вместе, как оригинально и ново! – пишет в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» В.Г. Белинский. – Не удивляетесь ли вы и тому, почему вам самим не пришла в голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этих же самых лиц, так обыкновенных, так знакомых вам, так часто виденных вами, и окружить их этими самыми обстоятельствами, так повседневными, так общими, так наскучившими вам в жизни действительной и так занимательными, очаровательными в поэтическом представлении? – продолжает он. – Вот первый признак истинно художественного произведения. Потом не знакомитесь ли вы с каждым персонажем его повести так коротко, как будто вы его давно знали, долго жили с ним вместе? Не дополняете ли вы своим воображением его портрета, и без того уже нарисованного автором во весь рост? Не в состоянии ли прибавить к нему новые черты, как будто забытые автором, не в состоя-

нии ли вы рассказать об этом лице несколько анекдотов, как будто бы опущенных автором? Не верите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что всё рассказанное автором есть сущая правда, без всякой примеси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти создания ознаменованы печатью истинного таланта, что они созданы по непреложным законам творчества. Эта простота вымысла, эта нагота действия, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемых автором происшествий – суть верные, необманчивые признаки творчества; это поэзия реальная, поэзия жизни действительной, жизни, коротко знакомой нам».

Просто? Дальше уж некуда, как просто и доходчиво сказано: с душевной теплотой и глубоким пониманием и замечено, и написано! Погружаясь в гоголевские строки, мы будто бы передвигаемся по аллеям вернисажа лучших образцов народного декоративно-художественного творчества. А вскоре мы замечаем, что через внешнюю простоту отношений и красочность быта, через бесхитростность диалогов и незамысловатость происходящих событий писатель уже давным-давно познакомил нас со своими героями и создал нам условия, чтобы и мы поняли каждого из них.

«Отношение к женщине?» – теперь уже вопрос от другого мастера – Андрея Белого, из глубины такой же «простоты», из его раздумий о гиперболических формах поэта в книге «Мастерство Гоголя». Он иллюстрирует это отношение короткими и такими же внешне простыми фразами самого Гоголя: «За девками гоняются «гуртом» («Ночь перед Рождеством»); «коли человек влюбитя, он... что подошва» («Тарас Бульба»); «мало нужды до красоты» («Ночь перед Рождеством»); «что это у вас, великолепная Солоха?» («Ночь перед Рождеством»); «вздумал... её пощупать» («Вий»); «когда скину с тебя исподницу, то нехорошо будет» («Вий»); «обабился... сделался чѣрт знает что, тьфу!» («Вий»); «когда стара баба, то и ведьма» («Вий»); «Как будто два человека: один наверху, другой внизу... – А кто наверху? – Баба. – Ну, вот это и есть чѣрт» («Сорочинская ярмарка») и др.

И тут же мы задумываемся над тем, кому же из литературных героев принадлежат эти простые слова и фразы? Ведь читая Гоголя, даже при всём его гротеске и иронии, мы постоянно восторгаемся: как мягко, дозированно и стильно даже для сегодняшнего дня они звучат. Как от страницы к странице реалистично воспринимаются они нами: порой с аплодисментами, а порой и со вздохами

горьких разочарований... Сколько мы встречали у Гоголя таких девушек и женщин, возле которых хотелось бы присесть рядом? Сколько очаровательных и трогательных, праздничных и живых девушек с внутренним светом, исходящим от их сердец, девушек, притягивающих завистливые взгляды парубков и мужчин, разбежалось по страницам Николая Васильевича? Порой нам кажется, что Гоголь создал такие образы, которые даже наших современных прелестниц способны обречь на невыгодные для них сравнения. А сколько у него таких сельских дамочек, которых следовало бы с опаской обходить десятой дорогой? Здесь уже в голову так и является наш бессмертный фольклор: «Мёд приносят пчѣлы, а скандал бабы»; «В венке – ангел, а в чепце – чѣрт»; «В девичьей светлице не только приведения водятся»; «Нет жены, то и ведьму за сердце прижмѣшь»...

Похоже, что сбавившее темп продвижения вперѣд гоголеведение с нами далеко не во всѣм будет согласно... А уста литературных персонажей, как женских, так и мужских, всё там же – «на кончике пера» художника. Какие же мужские доблести «соскакивают» с него, в чём существо подвигов и завоеваний условно «противостоящего» женщинам мужского «лагеря» Гоголя? Сектор обзора, как нам кажется, здесь

такой же удивительный, но и реалистичный: «горилки побольше! Чтобы играла и шипела, как бешеная» («Тарас Бульба»); «не мало поставили вёдер» («Страшная месь»); «что скину, то пропью» («Тарас Бульба»); «хватил полведра» («Страшная месь»); «выпивал... разом по целому ведру» («Ночь перед Рождеством»); «от штанов разит спиртом» («Вий»); «выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц... танцует в небе» («Ночь перед Рождеством»).

Так может быть, в повести «Вий» и не зря панночка положила глаз на Хому Брута, а глаз, как и профессиональное чутьё ведьмы, у неё был намётан профессионально – это факт. Встретились два одиночества? Так может, вышперечисленные примеры и состоят в основе причин множества других особенностей? Ведь женщина Н.В. Гоголя периода «Вечеров...» или «Миргорода» практически «прописана» в романтическом диапазоне ангела – демона, а её красота внушает постоянное чувство опасности, готовой пробудить разрушительные силы. В «Вие» это «страшная, сверкающая красота!», в «Тарасе Бульбе» она выныривает, «как из тёмной морской пучины», там – это «гордая женщина», да и сам Бульба, которого в слабости никак не заподозришь, утверждает, что «велика власть слабой женщины», что «многих сильных погубляла она».

Под клубничным соусом

У Гоголя всё просто, как и отмечает Белинский, и всё так до тех пор, пока мы не вдумаемся в его абзац, в его слово, в его картинку. До того часу, пока мы не углубимся в происходящее, пока не поймём его сути, не проникнемся целями, которые преследуют его литературные героини и герои, пока не увидимся с ними и не ужаснёмся или недоумённо не задумаемся, что они себе замыслили. И тогда уже мы начинаем думать не о сюжете, не о герое, не о событии, а о каждом отдельном слове писателя, о мелочи, что оказалась там, где мы её заметили, и, может быть, даже удивились: зачем она там нужна?..

Последующий ниже эпизод, нашедший себе место на страницах поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», быть может, многие из вас помнят ещё со школьной скамьи. А там Николай Васильевич Гоголь говорит, с каким восхищением помещик Ноздрёв отзывался о «премилом человеке» и «по всей форме кутиле» – о новом своём приятеле поручике Кувшинникове. На ярмарке господин помещик познакомился с господином поручиком и делился своими восторгами об этом факте с господином коллежским советником Чичиковым Павлом Ивановичем. Именно о Кувшинникове, ко-

торый, по «научению» Гоголя, в свободное от службы время «прошагал» по страницам четвёртой главы поэмы, мы хотим, господа читатели, напомнить вам в самом начале нашей четвёртой главы.

«А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников! – восторгался Ноздрёв. – Мы с ним были на всех почти балах. Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и чёрт знает чего не было... я думаю себе только: "Чёрт возьми!" А Кувшинников, то есть это такая бестия, подсел к ней и на французском языке подпускает ей такие комплименты... Поверишь ли, простых баб не пропустил. Это он называет: попользоваться насчёт клубнички». В другом фрагменте изложения этих удивительно ярких и эмоциональных чувств о поручике Ноздрёв рассказывает уже не столько о нём, сколько о своих ощущениях от участия в театральной жизни города. «В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка! – цитирует Гоголь Ноздрёва. – Кувшинников, который сидел возле меня, "Вот, говорит, брат, попользоваться бы насчёт клубнички!"» Гоголь, правда, так нам и не сообщил, что думал на эту тему сам помещик. То ли Ноздрёв завидовал, то ли реально оценив себя и сравнив с поручиком, понял и смирился с тем, что с этим офицером ему тягаться бесперспективно. Этого нам

тоже неизвестно. Известно, что вместе с духоподъёмной экзальтацией Ноздрёва Н.В. Гоголь выпустил из-под пера фривольное значение слова «клубничка», которое тут же расторопно и умело подхватили Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин и многие другие наши великие сочинители...

О клубнике в смысле «клубнички» в наших словарях сообщается как «о чём-нибудь скабрёзном, эротическом», то есть именно о таком, на что и прицелился господин Кувшинников. Но мы его и не осуждаем. Ясно ведь, что это молодой мужчина, возможно холостяк, с приличной зарплатой и со скучающими от непрогнозируемой «гиподинамией» гормонами. Заметим, что и сегодня «клубничный» дух несётся уже не только из анекдотов, но и прайс-листов заведений таких форм собственности, что слабо известны даже полиции, где информация начинается широкими возможностями их персонала, а заканчивается тем, что за дополнительное вознаграждение невозможное становится возможным. Знака 18+ может и не оказаться, но мы ведь и без него понимаем язык баснописца Эзопа. Сейчас даже звёзды массажа не ахти какого сияния и парикмахеры из щитовых вагончиков у рынков,строек или вокзалов предлагают клиентам комфорт и незабываемые ощу-

щения от любых блюд, приготовленных под «клубничным» соусом.

Конечно же, ласкательное обращение к ягодам в прямом смысле их целебных качеств у тех людей, что любят наслаждаться клубничкой, малинкой или земляничкой, сохранилось. Попытаемся обратиться к той роли клубнички, которую она так неожиданно получила в «эротическом кодексе» Н.В. Гоголя при поддержке поручика в отражении женских чар, вызывающих фантазии и желания... Впрочем, этот вопрос может быть полемическим, хотя термин стал уже хрестоматийным. И может быть, на самом деле в повести «Вий», которую мы намерены рассмотреть в этой главе, Гоголь написал только то, что написал, а «про это» нам ничего говорить и не собирался. Ведь Кувшинников в число «знакомых» писателя попал спустя многие годы после того, как в ночном небе автор повести увидел, а затем и изобразил нам панночку-хуторяночку в компании с философом Брутом.

«От того, как от смеха Оксаны всё задрожало резонансом в душе Вакулы, до зачарованности Фомы Брута красавицей-ведьмой...» – замечает В.В. Зеньковский («Гоголь как человек»), – прослеживается лёгкий, совершенно невесомый переход. Дело идёт именно о "чарах женских", о том, как в мужской натуре эти чары как бы

проходят через все слои души и вонзаются в самую глубину человека. Достаточно напомнить о переживаниях Андрия ("Тарас Бульба") от первой встречи с красавицей-полячкой в Киеве до его встречи с ней в осаждённой казаками крепости». Почему же Зеньковский вспоминает Андрия Бульбу рядом с Хомой Брутом? Что же произошло при первой встрече Андрия с прелестной иностранкой?

Вспомним сами, да и вам напомним о сцене из «Тараса Бульбы». Едва познакомившись с юношей, полячка «надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами...» Как это понимать? Игра двусмысленна или она неоднозначна? Или это всего лишь первоначальный этап некой ролевой игры? Здесь можно и не мудрствовать, а предположить и самое элементарное: эта девушка пока ещё не наигралась в куклы. А к такой интересной, да ещё и живой «кукле», каким выглядел тогда Андрий, она прикасалась в тот вечер с огромным любопытством и жадной заинтересованностью потому, что это случилось впервые в её жизни. Среди её игрушек были одни лишь девочки-куклы, но ни Золушкиного принца, ни казака-разбойника, ни оловянного солдатика не было и в помине.

В тот вечер буквально заколдованный юноша своим окаменением напоминал нам философа Брута. По сути, он почти манекен. Андрий, у которого среди игрушек были одни лишь сабли и пистолеты, с недоумением наблюдает за действиями полячки, он ждёт, что же будет дальше. Ведь раньше с ним не игралась ни одна девушка! Метафорически сцены оцепенения (окаменения) у Гоголя имеются и в других эпизодах, как, например, в «Ревизоре», где «немая» сцена носит совершенно объяснимый характер. Однако здесь Андрий не просто отдаётся стихии фантазий прекрасной незнакомки, но и позволяет ей себя нарядить в её «подругу»? К подруге же любая девушка может быть уже намного ближе, она всегда позволит и ей, подруге, находиться ближе к себе. Подруге можно открыть свои секреты, с ней можно что угодно обсудить, её, точно куклу, можно обнимать и целовать, убаюкивать, словно своего будущего ребёнка, и рассчитывать на получение от неё ответной реакции в восторгах о красоте лица, тела или, по крайней мере, нарядов. В действиях полячки мы находим логическую последовательность построения символических значений, где на сцене происходит создание ею близкого к себе по образу двойника и подчинение его своей воле. В такой карнавальном игре эротический подтекст может

быть и неосознанным. Но кто его знает, может быть, это как раз наоборот – эротическая игра с карнавальным подтекстом?

Не стоит удивляться, если кому-то из наших читателей после прочтения этих строк припомнятся забавные костюмчики пионервожатых или медсестёр из рекламы магазинов, куда школьников не допускают. Правда, полячка на себя костюмчик не примеряет. И может быть, она особо и не усердствует в том, чтобы очаровывать собой младшего сына Тараса Бульбы? Она лишь украшает уже очарованного ею мужчину, находя в нём пока ещё непонятую ею «по устройству и принципам действий» игрушку. Окаменение Андрия и его неспособность к сопротивлению или к адекватным ситуации ответным действиям её не беспокоит: в её руках всего лишь кукла!

Действия этой уже сформировавшейся девушки носят и ритуальный характер. Своей неопознанностью происходящего с её участием они открывают в этой игре путь к капитуляции как юноше, так и не наигравшейся в куклы полячке. «Чары красавицы, что мы уже отмечали, – цитируем В.В. Зеньковского, – оказались настолько сильными, динамичность эротического (и эстетического одновременно) восхищения Андрия была так велика, что смогла отбросить в сторону

весь сложившийся уклад души, опрокинуть все, казалось, прочно жившие в душе идеи и чувства». После рассмотрения этого эпизода, наверное, можно безо всяких колебаний присоединиться к мнению В.Н. Ильина о том, что Н.В. Гоголь «был наделён исключительной чуткостью к эротике, к ужасным и погубительным чарам "вечно женственного"» («День гнева: К юбилею Гоголя»).

Следует отметить, что чаще всего как раз мужчины искали в женщинах свой идеал. В отдельных случаях этот «поиск» был связан с престижем «обладания» той или иной дамой или с материальной выгодой от брака с ней. Поклонение женщине и её сакрализация в русской культуре XIX века стала практически нормой, а в описании женских прелестей её красота, по сути, уже идентифицировалась с её божественными возможностями, способностями и талантами. (Конечно, у поручика Кувшинникова в основе лишь прозаическая цель: увидеть и немедленно победить.) И в то же время в женщине начинают замечать, подзревать или предполагать главным образом источник зла и греха, вечную прельстительницу и искусительницу, и в качестве антитезы неземной красавице «выдвигается» дар демонической женщины, красота которой в первую очередь губит и разрушает всё. Конечно,

все эти тенденции, их направленность и выводы из них Гоголь не мог не знать. Почему же тогда у него в «Вечерах...» ведьмы больше всех других одушевлённых созданий умеют что-то совершать, творить или вытворять? Почему они больше других и разрушают, но далеко не всегда разрушают – красотой своею? Напротив, ведь модельная внешность в их женском «коллективе» встречается не часто. И если по всем параметрам внешне отвратительная ведьма из Медвежьего яра умела лечить все на свете болезни, а Солоха – внешне так себе, но оказалась отличной хозяйкой и, вероятно, такой же любовницей, то одна лишь ведьма-панночка из «Вия» совершенная, сексуальная и очаровательная девушка? Её ведь можно полюбить уже только за те её качества, которые так сильно прельщали поручика Кувшинникова?

Но здесь тоже ведь не всё так просто. Эта же милая девушка на всякий случай ещё и вампир, и садистка сексуального характера, и убийца с максимальным уровнем адского озлобления, что легко подтверждается примерами, хотя о них Хома Брут до встречи с панночкой совершенно ничего не знает. Впрочем, нам известны и более «приземлённые» отклики о ней. Вот как о панночке отзывается московский корреспондент газеты Верховной рады Укра-

ины «Голос Украины» В. Тимошенко в публикации «Что Николай Гоголь знал "про это"». (Здесь автор сразу же незатейливо объявляет читателям, что в данном случае пытается всё упростить до... «хозяйственного мыла» и до «ситцевых трусов»). «Дочь сотника, юная панночка, ведьма из "Вия" – обычная сексуальная маньячка, извращенка, скучающая от безделья сельская проститутка, гиперсексуальная девка, которая и не скрывает своих пакостных патологий, – пишет Тимошенко. – Причём для реализации своих порочных желаний была готова на всё. С фантазией, так сказать, подружка... После того как «ухандохала» псаря Микиту, ринулась она ночами искать приключений по хуторам. И всё потому, что гнева отца боялась... Более того, нарядилась старухой, чтобы не быть узнанной. А тут уставшие от долгого пути семинаристы подвернулись. Положила философа Хому Брута в хлев, а когда все заснули, бросилась на него со всей своей адской, порочной страшной страстью. А что философ? Как и псарь, ринулся (после долгого монастырского воздержания и запретов) осваивать предмет своего сексуального беспокойя».

Вояж ведьмы на Хоме заметно усиливает наши догадки о том, что в их ночном «полёте» происходит инициированное панночкой

совокупление, где «томительно-страшное наслаждение» заканчивается полной потерей всех её физических и духовных сил. Правда последние ей там вряд ли нужны были. И именно под её воздействием Хома впадал в состояние запредельных механических движений с «бесовской» их автоматизацией, на что обращают внимание многие авторы. В частности, здесь мы опираемся на М. Вайскопфа («Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст»). Он обосновывает также и тот факт, что сюжет «Вия» в мельчайших подробностях переключается с событиями, отражёнными в народных преданиях и поверьях.

Действительно, здесь мы наблюдаем, как панночка-ведьма отказывается принять на ночлег путников и проявляет обычную для демонов неприветливость, а поедание украденного Хомой караса символизирует дьявольское причастие перед её «объятями». Овечий хлев, куда она отправляет философа на ночлег, соответствует линии зооморфных превращений, а вывернутая овчина ведьмы связана с её маскировкой и оборотничеством. «Старуха, врывающаяся в хлев, – как бы волк в овечьей шкуре, а Хома – козёл отпущения», – представляет нам свою версию Вайскопф. Хома Брут совершает метафизический прорыв в перевёрнутый потусторонний

мир. «В сцене полёта собраны в комплексный образ старухи и красавицы; обнимающая Хому страшная "бабуся" загробная владычица – словно заполняет место предка и одновременно отождествляется с его невестой (эротическая символика скачки)», – продолжаем мы цитировать его же. Но демонологическая парадигма Гоголя, локализованная образом ведьмы, не является полной: автор пропускает многие ключевые атрибуты этого существа, особенно бытовые. Он накладывает табу на некоторые темы, связанные с сексуальной жизнью ведьмы. Хронологическое сопоставление повестей из «Вечеров...» демонстрирует усложнение её образа, сформированного на фольклорных представлениях, а сам Гоголь здесь выступает чуть ли не в качестве аналитика истории народного эпоса.

В повести «Вий» мы встречаемся, пожалуй, с самым заметным отдалением событий от светлой гармонизации мира и с самым глубоким погружением их в пучину тьмы. Эстетическое начало (любование красотой лица и тела панночки) доминирует над началом этическим. Хома покорён, завлечён и околдован красотой вне зависимости от того, кому эта красота принадлежит. В этом-то и проявляется дьявольская суть «любви» (в трактовке Гоголя): отпадение от Бога, грех, влекущий за со-

бой смерть героя и гибель его души. Интерес к телесной красоте в данном случае выступает дьявольским наваждением, тогда как интерес к духовной красоте женщины представляется явлением божественным.

Анализируя образы «бытовых» украинок Гоголя Андрей Белый пишет о «кукольности» их костюмов под стереотипной личиной. Но за этой простотой он, может быть, в чём-то и себе противоречит, потому что нередко замечает и иной акцент. Здесь, например: «В Оксане Гоголь пытается связать два женских типа: Оксана более личность, чем другие "дивчины", за которыми "гоняются гуртом"; но в проблесках личной жизни своей она родственна дочери сотника; "длинные, как стрелы, ресницы" и брови, "как ночь", у последней мыслят; уста усмеваются; в резко очерченной красоте "что-то страшно пронзительное"; в чертах ничего "тусклого, мутного, умершего" ("Вий"); из рассказов о ней создаётся впечатление: её погубило любопытство переступить грань, положенную бытом (отсюда – преступность); в лице же Оксаны, которое "неизобразимо хорошо", также, "сквозь суровость, какая-то издёвка"; она "мучит... бедного" Вакулу; её речи и взгляд, и всё – "вот так и жжёт, так и жжёт" («Ночь перед Рождеством»); женские личности подымают "бесовски-сладкое"

что-то; полька – иностранка, пани Катерина – безумная, панночка – утопленница, дочь сотника "ведьма"; проявление личности вырывает героинь из быта, в котором они – стереотип, штамп...» Но вывод как раз другой: «Им место не в рубрике "душевных движений", а в рубрике костюма, который – ярлык». Почему?!

Так ли всё это? Мы сомневаемся и в то же время ничуть не сомневаемся в его правоте тогда, когда речь заходит о последнем дне в жизни Андрия Бульбы. Андрий, как и Хома Брут, погиб при «активном» участии женщины. Но «Андрий не бесславно погиб; он погиб – с честью», – пишет Белый. В его смерти сияние бессмертной любви, и «вместо того, чтоб обрасти волосами и хрипеть, сотрясаясь предательством (здесь Белый приводит сравнение с колдуном из «Страшной мести»), он в предательстве просиял: «так, как солнце... он весь сияет в золоте». Андрий знает, что идёт на смерть, Хома этого пока ещё не знает, но тревожные сигналы выстраиваются в систему. Белый представляет их нам в тех же координатах, начиная с «проклятой» земли. Хома Брут «сбил с пути» в ночь, когда не было «ни звёзд, ни месяца»; бурсаки старались нащупать дорогу, «но руки... попадали... в лисьи норы»; «везде была... дичь» («Вий»); когда ж через дичь сигналы Хома с ведьмой, дичь «казалась дном...

прозрачного до самой глубины моря» («Вий»); Хома гибнет в месте, где «не было ни деревца»; кругом – «пустое поле»; позднее оно «обросло бурьяном... и никто к нему не найдёт дороги» («Вий»). (Вспомним, как Андрий пробирался в осаждённый запорожцами город.)

В.В. Розанов утверждал, что Гоголь не знал женщин. Мы этого не утверждаем, не знаем и комментировать не собираемся. Но мы думаем так, как мы себе это представляем, и надеемся, что вы тоже уже успели убедиться в этом: о женщинах Н.В. Гоголь написал достаточно много, а их психологические портреты он создавал со знанием дела. Он писал о хороших и нехороших, о красивых и не так чтобы уж очень, об умных и несколько других. Мы не будем горячиться и спорить с профессионалами. Но скажем, что в критических изысканиях наших литературоведов женские образы Гоголя чаще всего рассматривались в отрыве от происходящих вокруг них событий. Это позволяло оппонентам Гоголя, да и сейчас позволяет, делать утверждения о слабости гения в отображении женских образов, о его роковом неумении описать прекрасное. Мы согласимся лишь в том, что в «Вечерах...» во внешних чертах его героинь, особенно юных девушек, много общего. Однако есть ещё и внутреннее содержание! Кроме того, «Вечера...» – это ведь

одна «страница» из творчества поэта, но не собрание его сочинений.

Так почему же упрёки, касающиеся гоголевских литературных героинь, продолжают инерционное движение по горизонтали «сложившегося мнения»? «Прекрасная женственность у него теоретична, литературна... мертва, как мёртвая красавица "Вия"», – писал Ю.И. Айхенвальд, утверждали и другие с ним вместе. Следуя таким «мнениям» многочисленных оппонентов писателя, у нас и правда складывается устойчивое мнение о том, что женские образы, созданные Гоголем, исключительно ходульные, шаблонные и неестественные. А что, других мнений нет? Что же это: боязнь авторитетов или о Гоголе уже сказано всё? Согласившись с такими утверждениями, было бы логичным искать и находить таких дамочек на каждом шагу. Видеть их, например, лениво восседающими на пеньках и табуретках с семечками в руках и шелухой на губах, среди пасущихся гусей в веночках над славными личиками, с высокими бюстами и тонкими талиями под ними. Такая упрощённость в красоте, а ещё зависть, хитрость, скандальность или ветреность в «некрасивостях» его женщин были бы найдены нами сразу же в безжизненной статике, без их движения и сюжетообразующего участия в событиях, на

«дистанции», недостижимой для прикосновения к ним даже кончиков пальцев мужских рук. По нашему представлению, всё выглядит совершенно не так. Женщины в созданных Гоголем образах всегда в гуще событий, причём каждая из них отличается своими душевными особенностями, характером, позицией, хитростью или лукавством, привлекающей соблазнительной или страшашей красотой и, конечно, сжатостью дистанции, отделяющей их от поклонников и равнодушных к их прелестям «кончиков пальцев»...

Литературным героиням Гоголя между несчастьем и счастьем практически всегда приходится с кем-то или с чем-то бороться: с несчастьями, выпавшими на их долю, с препятствиями в пути, с опасностями, которые таит в себе нечистая сила за каждым кустом и поворотом, с её попытками затянуть свои жертвы в бездну лжи и пороков, с личной слабостью. Вовремя распознать всё это непросто как витальной, игривой, кокетливой и смешливой девушке, так и профессиональной многоопытной ведьме, будь она в тот миг пусть даже хоть на вершине карьеры своей благотворительной или разрушительной «душевности». Много позднее Гоголь писал: «Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от пре-

изобилья своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, что бы хотел грешить, но оттого, что не видит грехов своих. Ещё не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно».

Кто и в чём нагрешил и насколько это серьёзно, по тексту повести «Вий» разобраться не просто. События, изложенные в ней, до конца ещё не разгаданы, но главная их идея вполне понятна не только литературоведам, но и нам, хотя встречаются и такие гипотезы, где под сомнение попадает абсолютно всё...

Пьянящий аромат чувств

Мистический сюжет повести «Вий» – это испытание простого, но, тем не менее, избранного таинственными силами человека. Этот человек – мужчина: Хома Брут. Почему избран именно он, как его назначали или избирали, кто и за какие заслуги или провинности? Это неизвестно. Несомненно, что полем испытания является женщина и её красота. Несчастный философ Хома принадлежит к числу таких людей, которые имеют самые простые, даже примитивные потребности, но ещё совершенно не определились во взглядах на смысл своей жизни и её цель. Как будущий

богослов Хома должен чтить слово Божье, веру и её догматы, а он поминает все имя Господа рядом с именем чёрта, не богохульствует, но ругается, молится, но одновременно произносит заклинания и ворует, а не дарует.

Под видом бурсака, семинариста не по призванию, а по легкомыслию – грешника, близкого к комической фигуре фольклорного попа, Гоголь с лёгким юмором, скрывающим едва уловимую тревогу, представляет нам трагического героя с размытой личностью, предваряющего «раздвоенные» гоголевские персонажи. Неожиданные события вменяют Хоме ближайшую, неотложную и неотвратимую цель, а определяет и конкретизирует задачу – сама красота. Красота молодой женщины сама назвала его в качестве «исполнителя», «назначила читать» и молиться. Перед уходом в мир иной через отца панночка просит приказать Хоме молиться «по грешной душе моей (её – ГД). Он знает...» «Ну... верно, уже недаром так назначено», – рассуждает убитый горем отец о последней воле помершей дочери. Назначено! Почему ему? Хоме? Назначение этого ритуала – само по себе совершенно логичное и необходимое действие в тех случаях, когда умирает человек. Вот и здесь ему предстоит молиться о спасении грешной души усопшей девушки. Почему именно ему? – вопрос сно-

ва без ответа. То, что происходит дальше, рационально и доподлинно определить невозможно, но несомненно, что это испытание и что потусторонними силами живому и пока ещё совсем не много нагрешившему человеку предъявлен их счёт.

Так считает «официальная» критика, если бы можно было назвать «официальной» критикой тех терпеливых и въедливых людей, которые посвятили многие десятилетия своей жизни изучению творчества великого поэта. У нас нет таких знаний, нет таких способностей и таланта для того, чтобы подняться до их уровня, нет их усидчивости и остроты взгляда, но может быть, и мы надеемся, что вы согласитесь, у нас есть право на своё мнение? Таким образом мы и пытаемся включиться в коллектив читателей, мечтающих стать мыслителями. Мы ставим вопрос: а не являются ли все последующие события, связанные с Хомой Брутом, последней попыткой высших сил обеспечить панночке жизнь после смерти не в аду, а в более комфортных условиях? Не могли ли эти события, происшедшие в православной церкви, стать для панночки последним шансом для полного очищения и искупления грехов, ею допущенных? А если так, то почему на её пути к Богу высунулся чёрт со своими «сослуживцами» и даже одолел её?

С чего начинается эта трагическая история?

В хлеву усадьбы сотника притомившийся в дороге путешественник бурсак Хома Брут неожиданно оказался один на один с ведьмой и уловил в её движениях совершенно однозначно понятые молодым мужчиной намерения и желания некрасивой, с виду даже страшной и странной старухи. «Слушай, бабуся! – сказал философ, – теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскоромиться». Желания вступить с этой женщиной в любовные игры у него не было и в мыслях. «Но старуха, – пишет Н.В. Гоголь, – раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова». «Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понёс её на плечах своих».

Итак, старуха сама выбрала того постояльца, который был ей нужен. Она «отселила» его от других квартирантов и пришла в хлев ночью, уже «вооружённая» метлой, в готовности к применению своих знаний и навыков в любой сфере. Может быть, как раз здесь нам и уместно будет вспомнить тот вопрос, который до сих пор истязает гоголеведов и не даёт им спокойно спать. Впрочем, многим из них

ответ давно понятен, что, правда, неясно нам. «Теоретична» ли у Гоголя женственность? Чтобы подтвердить это или опровергнуть, к чему как раз склоняемся мы, или, по крайней мере, к тому, чтобы хотя бы выразить наши непрофессиональные взгляды и сомнения, обратимся к одному хорошо известному эпизоду из «Вия». К нему мы будем возвращаться не раз, но начнём с оценки этих событий одним из наших современников, писателем и поэтом Д.Л. Быковым («Украина без Гоголя»).

«Что такое "Вий" – самое загадочное его (Гоголя – Г.Д.) сочинение? – пишет Быков. – В нём можно при желании увидеть эротическую страшную сказку, легенду о порабощающем соблазне пола, и самый Вий подозрительно похож на то, что обозначается другим трёхбуквенным словом. И разговоры о том, что Гоголь жил и умер девственником, как-то плохо согласуются с лучшим описанием любовного акта, которое вообще встречалось мне в мировой литературе (сравнимое по качеству – только у Кафки в "Замке"). Скачка на ведьме, когда то Хома на ней, то она на Хоме, – потрясающее описание соития, сердечного замирания, блаженства на грани смерти».

Скачки? «Здесь можно... вспомнить платоновский образ окрылённой души влюблённого, осложнённый и поляризованный образом

колесницы души (мы помним, он отразится и в "Мёртвых душах"): колесница эта из возничего (разума) и двух коней, рвущих душу в её устремлении к красоте в противоположные стороны – к красоте небесной и к вульгарным земным утехам» – эти слова принадлежат нашему литературоведу из «высшей лиги» – С.Г. Бочарову («Красавица мира». Женская красота у Гоголя»). «Под "седлом" ведьмы Хома Брут и сам уподобляется верховому коню: скачка по воздуху под ведьмой, смена позиции и скачка верхом на ней, затем побивание женщины поленом, что тоже есть простой эротический символ ("палка")», – продолжает он. Превращение старухи в красавицу становится «результатом грубого акта, описанного иносказательно в виде полёта-скачки и затем овладения – избиения, и все дальнейшие роковые события суть последствия этого грубого акта».

По сути, взгляд Бочарова совпадает с приведённым нами ранее мнением Быкова. Согласитесь, мы встречаемся с фактом воодушевляющей лёгкости «приятного труда» в той ситуации, когда, как говорится, против природы уже «ничего не попишешь». Ведь, с одной, стороны секс является действительно одним из самых примитивных «механических» способов общения, несмотря даже на

то, что в его технике могут быть использованы совершенно необыкновенные и неестественные модификации. И в то же время он приносит людям прекрасный и запредельный по высоте ощущений всплеск благотворящих эмоций. Он взвихряет человека необъятными чувствами, в которых только и возможно зарождение новой жизни.

Литературные повествования описывают зримую сторону любви, то, что происходит при свете дня, или то, что рисует воображение даже впотьмах. Но любовное переживание нельзя нарисовать, вобрать в зону зрительного восприятия. Наслаждение есть прежде всего осязательный опыт, а для передачи такого рода ощущений наш язык менее всего приспособлен. Слова и способы языковой артикуляции, поставляют нам прежде всего мир объектных, зрительных впечатлений, затем – слуховых, тоже предполагающих дистанцию, и лишь в последнюю очередь – ощущения осязания, которые непосредственно сливаются с осязаемым. Обратимся же к Гоголю, как это получилось у него. У человека, за которым «закрепилась» слава девственника.

После таких авторитетных и наших самотканых теоретических выкладок и догадок не откажем себе в удовольствии обратиться

к «скачке», но теперь уже более конкретно. Н.В. Гоголь пишет:

«В ночной свежести было **что-то влажно-тёплое**. (Здесь и далее выделено мною – Г.Д.) Тени от деревьев и кустов, как кометы, острыми **клинами** падали **на отлогую** равнину. Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине. Он чувствовал какое-то **томительное, неприятное и вместе сладкое чувство**, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко и что сверху её находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере, он видел ясно, как он отражался в нём вместе с сидевшею на спине старухою.

Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как **голубые колокольчики**, наклоняя свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала **спина и нога, вытуклая, утругая, вся созданная из блеска и трепета**. Она оборотилась к нему – и вот её лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, **с пенъем вторгавшимися в душу**, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, **задрожав**

сверкающим смехом, удалялось, – и вот она опрокинулась на спину, и **облачные перси её, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной окружности**. Вода в виде маленьких пузырьков, как бисер, обсыпала их. **Она вся дрожит** и смеётся в воде...

Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится? Но там что? Ветер или музыка: **звонит, звонит**, и вьётся, и подступает, и **вонзается в душу** какою-то **нестерпимую трелью...**

"Что это?" – думал философ Хома Брут, глядя вниз, несясь во всю прыть. **Пот катился снего градом. Он чувствовал бесовски сладкое чувство**, он чувствовал **какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение**. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою. **Изнеможённый, растерянный**, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклятия против духов – и вдруг почувствовал **какое-то освежение**; чувствовал, что шаг его **начинал становиться ленивее**, ведьма как-то слабее держалась на спине его. Густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного. Светлый серп светил на небе.

"Хорошо же!" – подумал про себя философ Хома и начал почти вслух произносить заклятия.

Наконец с быстротою молнии **выпрыгнул из-под старухи и вскочил, в свою очередь, к ней на спину**. Старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Всё было ясно при месячном, хотя и неполном свете. Долины были гладки, но всё от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах. **Он схватил лежавшее на дороге полено** и начал им со всех сил колотить старуху. Дикие **вопли издала она**; сначала были они сердиты и угрожающи, **потом становились слабее, приятнее**, чаще, и потом уже тихо, **едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики**, и заронялись ему в душу; и невольно мелькнула в голове мысль: точно ли это старуха? **«Ох, не могу больше!» – произнесла она в изнеможении и упала на землю.**

Он стал на ноги и посмотрел ей в очи: расцвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей. **Перед ним лежала красавица, с расстрёпанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами. Бесчувственно отбросила она на обе**

***стороны белые нагие руки и стонала,
возведя кверху очи, полные слёз.***

Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то ***странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им;*** он пустился бежать во весь дух».

И.Ф. Анненский называл Хому Брута интеллигентом в малороссийском мире Гоголя, и не только потому, что он «философ». Его зависимость от тела очевидна. В «Арабесках» Н.В. Гоголь упоминал про «великую истину, что если может физическая природа человека, доведённая муками, заглушить голос души, то в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом». Может быть, с мерками этой великой истины и следует подходить к событиям «Вия». И не является ли торжество души над телом основным заданием для происходящего испытания? Может, в невидимой даже самому Хоме борьбе его души с его телом и состоит суть неразгаданного сюжета повести? Может, и так, но здесь тело мужчины и его инстинкты откликнулись на зов женщины скорее вопреки душе, которая до какого-то момента держала в памяти информацию о том, что из себя визуально представляла эта женщина. Что же на самом деле происходило у Хома с панночкой? Похоже, что здесь угадали все, но

надежды на ясность – ни зги! Надежды нет на то, что дало бы нам понимание: почему в эту историю попал философ Брут? Восхищение и недоумение стоят рядом!

Ночной полёт с ведьмой описал Гоголь, объяснить его для себя и сделать выводы о его сути, наверное, сможет каждый из нас, но только без ответов на вопросы: почему назначен он и в чём провинилась она?..

Так когда же звенят колокольчики?

Кто же те русалки, которыми любовался Н.В. Гоголь, а вместе с ним любовались и мы, вчитываясь в строки его повести? В.Ю. Скосарь разъясняет нам («Об эротическом образе русалки»), что они у славян входят в число наиболее распространённых мифологически-эротических образов, которые чаще всего изображаются в виде обнажённых красивых девушек с длинными распущенными волосами. Все они утопленницы и стали ими по причине несчастной любви. Их душевная правда состоит в том, что им не удалось найти выхода из сложившихся жизненных ситуаций. Они не встретили взаимности, понимания и сочувствия, не добились любви и счастья или же потеряли всё. Это сонм юных и не очень юных,

но молоденьких дев, очень хорошо знающих, что в жизни случаются измены и обманы, источниками которых являются мужчины. А потому считается, что наибольшую опасность русалки представляют для мужчин, которых они за уже допущенные ими «грехи» или даже в назидание способны заманить к себе в пучину и защекотать насмерть.

Такую мистически-эротическую девушку-русалку в полёте разглядывает Хома Брут в те минуты, когда его уже успела заманить в «ловушку» и «поработить» другая женщина: панночка. Наверное, это самое красивое место в повести. И это самое удивительное место, потому что философ раньше уже видел лицо ведьмы и знает, как отталкивающе оно выглядит. И какое же изумительное сочетание пленяющей мистической тревоги и манящей эротики мы встречаем в тех гоголевских строках, где Хома Брут, невзирая на это, тем не менее «чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу». (Не подумайте, что мы повторяемся от забывчивости.) Он видел выплывающую обнажённую русалку с гипнотизирующим его взглядом, с пронзительными глазами, «с пеньем, вторгавшимся в душу». Водяная дева словно бы дразнила его смехом, переворачивалась на спину, соблазняла его

видом грудей «эластически-нежной округности», которые вода обсыпала мелким бисером пузырьков... Хома «чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение».

Быть может, «водяная дева» именно здесь и пытается очаровать и заманить этого безродного бурсака, но молодого и сильного мужчину? Заманить собою, «отобрав» его у панночки?.. Но для чего? Не для того ли, чтобы заменить ведьму собою как раз в соитии? Помня о феерических приёмах Гоголя и его непредсказуемости в поворотах сюжетов, здесь уже невольно задумаешься. От кого же Хома испытывает это «сладкое чувство»? Русалка вступает или она уже вступила в «соревнование» за Хому? Она демонстрирует ему свою красоту, наготу и соблазнительность, соблазнительность не русалки, а восхитительной одушевлённой реальной женщины. А если мы видим русалку не глазами автора, а – Хома, то она уже выиграла, победила? Но «отобрать» Хому у ведьмы она может только для того, чтобы подвергнуть его такой же смертельной опасности. Однако это оказалось ей не под силу. Она ведь стала русалкой от неразделённой любви, из-за совершенно конкретного парня или мужчины, а не какого-то абстрактного дяди без имени

и фамилии. Она ведь поэтому-то и утопилась. А панночка в подобных играх с мужчинами, как мы знаем, уже накопила существенный практический опыт. И один из примеров, с тем же псарём Микиткой, теперь уже покойным её партнёром по любовным приключениям, мы знаем.

Вот как это выглядит в повести: «Один раз панночка пришла на конюшню, где он (Микитка – Г.Д.) чистил коня. Дай, говорит, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А он, дурень, и рад тому: говорит, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и как увидел он её нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие её ножки, пошёл скакать, как конь, по всему полю, и куда они ездили, он ничего не мог сказать; только воротился едва живой...», а затем исхудал и «сгорел сам собою». Это лишь один случай, но что-то нам подсказывает, что в её биографии были и другие. Может быть, поэтому она и потребовала, чтобы миссию её отпевания возложили на иногороднего священника, на того, кто о её похождениях знает меньше других?..

Мы уже высказывались о том, что скачки Хома с панночкой пронизаны высочайшим эротическим напряжением. Добавим, что в

сознании философа Хома это напряжение постоянно вытесняет страх. Хома боялся затеряться в огромном, необъятном просторе, но не мог совладать со своими желаниями пронзить и наполнить его собой. С.А. Карлинский, обращаясь к этой сцене («Сексуальный лабиринт Николая Гоголя»), смотрит шире (или глубже?) и находит в описании скачки метафорическое описание оргазма: «Но там что? Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьётся, и подступает, и вонзается в душу какую-то нестерпимую трелью... Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение». Если приведённые здесь слова Н.В. Гоголя действительно принять в качестве описания кульминации сексуального возбуждения, характеризующегося сильнейшим наслаждением и удовлетворением (или оргазмом), то почему бы не считать, что именно в них и погружён переход телесного измерения – в космическое? Вожделение, вызванное полётом на ведьме, переносится на соблазнительную русалку, мелькающую где-то внизу, растворяется в пространстве, в вихре полёта, в музыке ветра, но русалке на этот раз от Хома по факту происходящего ничего не достается...

Хома помнит, что телесно он обладает противной старухой и погружён в неё. Но он не

знает, с кем дрящееся соитие может найти своё завершение, потому что пока ещё представляет себе на месте старухи прекрасную русалку, которой на самом деле он не обладает. В этом состоянии Хома даже не задумывается над тем, что русалка представляет для него ничуть не меньшую, а даже ещё большую опасность. Он не может не знать, что русалки опасны. Взгляните, что за «конструкцию» мы здесь закрутили! Впрочем, её закрутил Николай Васильевич, а мы лишь попытались изложить наше понимание этой конструкции.

Панночка, старуха, русалка, утопленница... Ох уж эти женщины! Ох уж этот Гоголь! Он снова и снова побуждает нас возвращаться к ним, к женщинам, и думается, что не только к молодым и сексуальным, а ко всем, которые попадают на его страницы даже тогда, когда они не совсем женщины... Схематичность Гоголя в обрисовке женщин?! Мы много слышали об этом и читали. Где она, в чём? Здесь? Или во тьме рождественской ночи, где баба с фиолетовым носом сообщила той, у которой такого носа нет, к кому вечерами ходит её муж? После её слов вывод за вами: «Так это ты, сука, – сказала дьячиха, подступая к ткачихе, – так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?»

Но вернёмся к Хоме. Пока ещё он на вершине блаженства одухотворённого женщиной. «Что тут описано, какова символика полена, можно ли точнее и яснее передать полубредовые мысли и видения, мелькающие в мозгу во время – "Что думал ты в такое время, когда не думает никто?" – неправда, все думают, но только Гоголь передал ритм, тон, пограничную близость другого измерения... и заметьте, что всё дано через пейзаж, через теплоту и влажность, через призрачную русалку», – продолжаем мы цитировать Д.Л. Быкова. «В этом фрагменте всё дышит эросом», – пишет он, а мы не находим аргументов, чтобы его не поддержать.

В годы беззаботного детства, после просмотра кино с философом Леонидом Куравлевым и панночкой Натальей Варлей, а также с жутким Виём, вампирами, вурдалаками и демоническими тварями из семьи кошачьих, по пути из клуба мы пугали девушек, а они, хоть и не ведьмы, но отвечали нам тем же. Казалось, что всё это у нас получалось весело и, как сейчас говорят, прикольно, хотя сквозь смех и отчаянную смелость на неосвещённых улицах провинциального райцентра в полутора часах езды от гоголевской Диканьки иной раз пробирал страх. Казалось, что встреча с кем-то из обидчиков семинариста Хома Брута

неизбежна, а опасность затаилась за ближайшим кустом. Наверное, в такие вечера и ветер шумел листьями деревьев, и лягушки квакали, и кузнечики о себе напоминали, а кому-то – даже колокольчики звенели... «Как всё-таки странно, – писала Мурасаки, – что мелочи вдруг приходят на память, а то, что волновало когда-то, с годами забывается».

А представьте, если бы нам сегодня удалось усадить Николая Васильевича Гоголя в кресло и научить его обращению с пультом телевизора. Наверное, его точно ошеломили бы не только фильмы или мультфильмы, но и мы. «Мы» – это наши современники: холёные колдуны, предсказатели и потомственные цыганки-гадалки на экранах. «Мы» – это их «талант» и «мастерство» так же легко и выгодно женить, выдать замуж или вернуть мужа, как и беспроблемно развести с ним или «обнулить» чью-то пассию... Как удивился бы Гоголь, что переходить «установленным порядком» в русалки уже не требуется, а тест-драйв метлы не нужен. Заплати! – и всё у тебя получится! Битвы экстрасенсов и схождение с небес огня, духи предков и их воскрешение, вековые проклятия и Марс в Козероге, пришельцы, зомби против оборотней, а пророчества и астрологические прогнозы на каждый день и час. Священники и астрологи, каббалисты и

парапсихологи, сельские колдуны, хироманты и нумерологи, мистики, эзотерики и прочие медиумы пустили корни так глубоко, что «маленькому человеку», о котором так много писал Гоголь, остаётся лишь копить деньги на них, как для покупки шинели копил их известный нам Акакий Акакиевич. «Россия всё время куда-то идёт, бредёт, плетётся, падает, спотыкается, поднимается, – замечает Н.В. Коляда, – в каких-то шинелях, робах, в каких-то платочках... на какую-то вечную каторгу или чёрт её знает куда. Всё это с танцами, с казачьими песнями, все поют и пляшут... как у Есенина – "пьём и пляшем", а что делать?..» Но без привлечения чёрта и его друзей-подружек только у Бога можно выпросить милости даром, то есть бесплатно. Он всемилостив. Печально, что «за Бога нет» без всяких церемоний теперь можно так легко получить как срок, так и ярлык сатаниста либо шайтана как раз тому, кто из экрана телевизора в подобных программах ни разу не выглядывал. Это состояние, болезнь или уже диагноз?.. А если ещё и любовь всё чаще и чаще – с предоплатой, то как же теперь нам быть с колокольчиками?

Д.Л. Быков называл строки Н.В. Гоголя о ночных приключениях Хомя Брута с ведьмой «лучшим описанием любовного акта» и сравнивал их лишь с теми, что созданы Ф. Кафкой в

романе «Замок». Это позволяет и нам открыть страницы названного произведения, чтобы познакомить вас с тем, что так поразило Быкова и как это выглядит по отношению к картинкам Гоголя. Прежде отметим, что Франц Кафка оставил след во многих женских сердцах. Но ни с одной из женщин он так и не решился соединить свою судьбу, хотя был трижды помолвлен и какое-то время жил с замужней дамой. Кафка всегда с ужасом отзывался о женитьбе и отдавал предпочтение эпистолярному общению с дамами, поскольку они его больше пугали, чем влекли, а сексуальные отношения с ними он считал «отвратительными» и в дневниках отмечал, что секс является карой «за счастье быть вместе».

Вот выдержка из его романа «Замок»:

«Не успел он уйти из комнаты, как Фрида уже очутилась под стойкой, рядом с К.

– Мой миленький! Сладкий мой! – зашептала она, но даже не коснулась К.; словно обессилив от любви, она лежала на спине, раскинув руки; видно, в этом состоянии счастливой влюблённости время ей казалось бесконечным, и она скорее зашептала, чем запела какую-то песенку. Вдруг она встрепенулась – К. все ещё лежал неподвижно, погружённый в свои мысли, – и стала по-ребячески теревить его:

– «Иди же, здесь внизу можно задохнуться!»

Они обнялись, маленькое тело горело в объятиях у К.; в каком-то тумане, из которого К. всё время безуспешно пытался выбраться... И потекли часы, часы общего дыхания, общего сердцебиения, часы, когда К. непрерывно ощущал, что он заблудился или уже так далеко забрёл на чужбину, как до него не забредал ни один человек, на чужбину, где самый воздух состоял из других частиц, чем дома, где можно было задохнуться от этой отчуждённости, но ничего нельзя было сделать с её бессмысленными соблазнами – только уходить в них всё глубже, теряться всё больше».

А вот ещё один абзац из того же «Замка», поскольку мы не знаем, какой именно имел в виду Быков, ссылаясь на роман: «Чего-то искала она, и чего-то искал он, бешено, с искажёнными лицами, вжимая головы в грудь друг друга, но их объятия, их вскидывающиеся тела не приносили им забвения, ещё больше напоминая, что их долг – искать; и как собаки неистово роются в земле, так зарывались они в тела друг друга и беспомощно, разочарованно, чтобы извлечь хоть последний остаток радости, пробегали языками друг другу по лицу. Только усталость заставила их благодарно затихнуть».

Принято считать, что Франц Кафка страдал многими невротическими комплексами

и фобиями. Известно, что «терапевтический негативизм», под которым подразумевается отказ от лечения реального или мнимого душевного расстройства, отмечался также и у Достоевского, Гофмана, Рильке. Этот феномен нередко называют «сверхценной идеей». Кафка невысоко оценивал своё писательское мастерство, но этот болезненный ипохондрик и вечно недовольный жизнью человек после смерти стал величайшим писателем XX века и кумиром мирового уровня.

Можно сколько угодно писать о «противном» гоголевском характере, о его злости, закрытости, нелюдимости, ипохондрии, приметах шизофрении или даже безумия, в чём преуспели очень многие именитые версификаторы. Но большинство персонажей Гоголя – это добрые, весёлые и душевно здоровые люди. Ночная чертовщина живёт в его строках будто бы только для того, чтобы полнее заявить о жажде к самой жизни. На его хуторах приручаются даже кошмарные черти, а соблазнительные русалки вызывают больше поэтической тоски по недостижимым в реальной жизни совершенствам, чем страха перед мутной зеленью пучин. Думается, что любому здравомыслящему читателю ясно, как божий день, что в творчестве Гоголя нет даже намёков на спады или деградацию.

Поэтому мы очень сомневаемся в теориях, связанных с его приступообразной шизофренией, маниакально-депрессивными психозами или «монашеским» характером, как это многие себе представляют и рассказывают другим.

Дело здесь не в болезни. Гоголь поставил себе титаническую задачу написать всю русскую литературу так, как до этого он написал всю украинскую. Он был близок к успеху, но цели не достиг, ибо невозможно было описать ту реальность, которая тогда ещё не существовала. Он начал сжигать свои сочинения задолго до 1852 года. (Кстати, Кафка тоже просил сжечь все его рукописи, чего, к нашему счастью, не произошло.) Думается, что разговоры о болезнях и Гоголя, и Кафки значения не имеют, поскольку своим творчеством они блестяще подтвердили свою гениальность. Как замечал Ю.В. Манн («Встреча в лабиринте: (Франц Кафка и Николай Гоголь)»), «...совершившийся в XX веке, особенно ко второй его половине, выход Гоголя на авансцену мировой культуры, ощущение его как необычайно актуального художника, предвосхитившего тенденции иррациональности и абсурдизма в современном искусстве, – именно это событие выдвинуло соотношение двух имён как историко-литературную проблему». Он замечает, что «завуали-

рованной отсылкой к анонимным сверхличным силам» Ф. Кафка продолжил гоголевские традиции персонифицированного воплощения фантастики в потусторонних силах и их отношений с героями повествований.

Одна из главных эмоций, наполняющих произведения Кафки, – страх. Его герои – в постоянном ожидании опасности, причём не от конкретного лица, а откуда-то «сверху». У Гоголя в «Ревизоре» присутствует точно такой же «неопознанный» страх. Его герои не боятся друг друга. Но в Хлестакове они видят источник неодолимого ужаса высшей, таинственной и страшной силы. А какой же страх у Хомы Брута? Он боится красоты?.. Красота это сила? Или это страшная сила? «Он подошёл ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз, – пишет Гоголь. – Такая страшная, сверкающая красота!» В тех же стенах едва освещаемой свечами церкви: «Трепет пробежал по его жилам: пред ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда ещё черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови – ночь среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над

закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щёки, пылавшие жаром тайных желаний; уста – рубины, готовые усмехнуться...»

Ведущие стилисты ежегодно составляют рейтинг самых пугающих черт женской внешности с точки зрения мужчин. Не стал исключением и прошлый год. В 2016-м под категорию «модно, аж жуть!» угодили ногти, покрытые чёрным лаком (особенно заострённые), а также тёмная матовая губная помада. По словам мужчин, всё это напоминает им покойников или сюжеты из фильмов ужасов. А мы знаем, мы будто бы давно знакомы с панночкой из «Вия». Нам кажется, что мы видим её и живой и мёртвой, но такой таинственной и прекрасной своей неповторимой загадочностью... О мнении стилистов двадцать первого века Николай Васильевич, конечно, не знал, но неужели он предвидел и это или респонденты стилистов Гоголя начитались? Второе – это вряд ли. Прекрасная женщина, неотразимая панночка оказалась «оружием» страшной силы. «Именно эрос привёл героя к гибели, к истреблению, которое и осуществил таинственный, никогда ни в каком украинском фольклоре не упомянутый Вий, – замечает Дмитрий Быков. – Однако эротическая трактовка, при всей её соблазнительности, далеко не исчерпывает подтекстов "Вия" – в том

числе религиозных; мстительное язычество ворвалось в православную церковь – вот ещё одна версия, и нельзя не признать, что тут Гоголь оказался пророчески прав».

До самой смерти Гоголь не знал любви, этого, по его словам, «первого блага на свете». Это – факт огромной важности, объясняющий многие особенности и его характера, и его творчества. Мысли Гоголя о демонической природе красоты и губительности любви основаны на его личном опыте. Он испытывал ужас перед любовью и предчувствовал её страшную, разрушительную силу над своей душой. Его натура была так чувствительна, что «это пламя превратило бы его в прах в одно мгновение», точно Микиту, что хоть с Виём и не встречался, но после встречи с панночкой «сгорел, совсем сгорел собою!» Так повторяется в сказочном образе личное признание Гоголя. «К спасенью моему, – замечает он, – твёрдая воля отводила меня от желания заглянуть в пропасть». Смирнову-Россет Гоголь, пожалуй, любил с увлечением, может быть, потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем её души. Она сказала ему один раз: «Послушайте, вы влюблены в меня...» Гоголь разозлился, убежал и три дня к ней не ходил...

Но колокольчики Гоголя звенели, продолжали и продолжают удивлять и радовать лю-

дей своей мелодичностью. Вот как слышит их звук ещё один писатель. Это тоже мужчина – Лоуренс Дэвид Герберт, который пытается показать нам пример, а может, опыт любви в ощущениях женщины. «Как чутко вняла этому Конни: во чреве одна за другой покатались огненные волны, – пишет он в романе «Любовник леди Чаттерли». – Нежные и лёгкие, ослепительно сверкающие; они не жгли, а плавил внутри – ни с чем не сравнимое ощущение. И ещё: будто **звенят-звенят колокольчики**, всё тоньше, всё нежнее – так что вынести не вмоготу». Какая «звонкая» переключка лоуренсовских образов с гоголевской сладострастной скачкой панночки и Хомы! Лоуренс: «...Будто **звенят-звенят колокольчики**, всё тоньше, всё нежнее – так, что вынести не вмоготу». Гоголь: «Но там что? Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьётся, и подступает, и вонзается в душу какую-то нестерпимую трелью... Он слышал, как **голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели**». А далее – стоны осёдланной Хомой ведьмы и снова похожий на звон колокольчиков звук. Звон **«тонких серебряных колокольчиков»**, который запал юноше в душу.

«Скачка Хомы на панночке, – пишет М.Н. Эпштейн («О демоническом эротизме

у Гоголя»), – есть эротически отстранённое, метафорическое описание соития; таким образом, переключка Лоуренса с Гоголем здесь не случайна – видимо, **колокольчики действительно звенят**. Если сексуальность, замечает он («Между любовью и сексуальностью»), – это область первичных хотений, которые требуют скорейшего утоления, то эротика – область соблазнов, которые возникают из запретных механизмов культуры и проигрывают весь её героический и трагический пафос в обратном порядке, как процесс медлительного, колеблющегося, «поступательно-возвратного» разоблачения её покровов. Ведь всякое прикрытие дразнит, как отсроченное наслаждение, как некая прибавочная стоимость в экономии желания. Эрос как продукт цивилизации несравненно могущественнее полового инстинкта. Цивилизация есть самовозрастающий эрос, механизм его расширенного воспроизводства через преодоление. Традиции и табу – тот могучий пресс, под давлением которого натуральный сок здорового инстинкта превращается в хмельное вино, которое кружит головы поэтам и завоевателям. «Соблазнительность – это двойная желанность, в которой "сексуальное" желание дополняется "эротическим". Без запрета нет соблазна».

В одной из фраз повести «Невский проспект» небольшой фрагмент текста Н.В. Гоголя метафорически превращается в события, описанные в «Вие». Здесь бедный художник сомневается: «та ли это (женщина – ГД.), которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте». В Петербурге происходит то же самое, что и на малороссийском хуторе, только в столице мужчина преследует женщину, а там – преследуют его. Объединяет то, что активная сила движения – женская красота и намёки на участие «адского духа» в случае как с панночкой, так и со столичной барышней, хотя последняя – жертва пошлости проспекта, а не злого духа.

В полётах над хутором и на панели Невского проспекта происходят волшебные изменения. Философ видит внизу, под ногами и под земной поверхностью, сквозь неё – перевёрнутый мир. Питерский художник видит картину, которую тогда ещё не написал Шагал: «всё перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар нёсся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз.

И всё это произвёл один взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он нёсся по лёгким следам прекрасных ножек, стараясь сам умерить быстроту своего шага, летевшего под такт сердца».

Кто же произвёл этот авангардистский сдвиг в картине мира, задаётся вопросом С.Г. Бочаров («Филологические сюжеты»): «Взгляд, поворот головки. Кто автор этой картины Шагала – неужто панельная дева? Но за нею летит художник, а за героем – художником следует автор – художник. Чья точка зрения в этой столь обещающей будущие артистические прозрения поразительной деформации образа мира, в чьих взглядах, в чьих глазах он возник? Наверное, во встретившихся и совместившихся взглядах всех участников события, включая и завершающую энергию авторского участия. И вспомним теперь, как в то же самое творческое время у автора магически встречаются взгляды и обладают силой прямого реального действия, и как решают именно взгляды всё событие и участь героя в возникающем параллельно "Вии". Но не забудем и про полёт. Картина Шагала у Гоголя – это сдвиг в его гоголевском пространстве, приведённом в состояние ускоренного движения, космическая картина, схваченная из подвижной точки созерцателя, находящегося в полёте.

И взгляды участников действия, включая автора, встречаются в этой подвижной точке. Но первичным актом в этой встрече назван в тексте поворот хорошенькой головки. Символически – эротические значения, связанные с полётами в сновидениях и известные как народным снотолкованиям, так и вослед им психоанализу, – они, несомненно, присутствуют и в полётах художника на проспекте и бурсака-философа на хуторе – и, вероятно, в этих двух случаях поляризуются».

Хома Брут в малороссийском мире Гоголя новый для этого мира герой, герой уже трагический при всей своей бытовой пустоте. Примерно в то время, когда рождалась повесть, в «Арабесках» Гоголь вспоминает «великую истину»: «если может физическая природа человека, доведённая муками, заглушить голос души, то в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом». Наверное, с этой великой истиной можно подойти и к событиям «Вия». Мысль Гоголя может быть для нас поводом вспомнить о средневековой инквизиции, об ужасах душевных пыток, талящихся за прозрачной оболочкой малороссийского мира. В любом случае душа и тело бедного юноши в незримой для него борьбе друг с другом и есть суть неразгаданного сюжета.

Повесть «Вий» верно определена А.Д. Сивявским центром творчества писателя и его поворотной вещью. «Вий» «рожден» параллельно первым петербургским повестям, и в частности – «Невскому проспекту». В обеих повестях, малороссийской и петербургской, сюжет рождения нового героя писателя – это сюжет испытания женщиной и красотой. В описании мёртвой красавицы-ведьмы действительно те же атрибуты гоголевских красавиц: ресницы-стрелы, уста-рубины, снежная белизна чела. «Такая страшная, сверкающая красота!» – пишет Гоголь. Сверкающая – но и живая женщина Гоголя блещет. Портретные свойства покойницы усилены до свойств малороссийских красавиц. И в этом В.В. Розанов действительно прав. Причастность к страшному миру, видимо, есть двойственная причастность. Она и активная сила, и жертва. И эта сверкающая красота её – орудие мира, находящееся в плену. Поэтому испытывая героя, красота, видимо, ждёт от него спасения, как панночка-ведьма, являющаяся по своей сути «сестрой» Перуджиновой Бианки с Невского проспекта. «Он знает...» – «заказывает» она отцу на отпевание Хому, но Хома – ничего не знает.

«Русская красавица непременно стыдлива. Она отворачивается, руками и платком засло-

няется, – пишет И.И. Соловьёв («Размышления об Эресе»), – прячет ото всех своё сияющее лицо, ступает неслышно, живёт незаметно, за околицей, как вечернее солнце. Нет в ней гордости и упоения своей красотой, как у греческой Афродиты». Он обращает наше внимание на то, что и у Геракла, и у Афродиты мощь и краса проявляются в первые же минуты нашего знакомства с ними в подвигах ратных и любовных, на то, что у эллинов красота не прятала себя. Скрывалось только уродство.

Нашим же героям (богатырю или красавице), «прежде, чем вступить в битву или отдаться любви», необходимо перебороть сон. На фоне их скрытности и застенчивости нас поражает лишь бесстыдство: без плавной горделивости и с берущей за душу позорной откровенностью. Это бесстыдство не нагого, как у эллинов, тела, а мгновений вздёгнутого подола, что можно заметить у героинь Достоевского, Толстого, Бунина, Горького, Куприна... Поскольку у нас красоту принято прятать, уродство выставляет себя всегда нагло, и в обращении нам тотчас же чудится не закон естества, а непристойности, грех и соблазн.

У Н.В. Гоголя мы видели панночку и русалок безо всякого ограничения для обзора этих «объектов», и в то же время у нас и одного слова не найдётся для того, чтобы говорить об «об-

нажёнке» или непристойных откровенностях. И всё потому, что любая из рождающихся строк зависит от уровня мастерства, таланта и гениальности поэта, каким был Гоголь Николай Васильевич.

Когда мы слышим: «Не надо тревожить прошлое...» – нужно всегда, как нам кажется, иметь в виду, что в продолжение этой фразы очень логично встраивается её наиболее уместная концовка: «...и тогда чёрт с ним, с нашим будущим!»

Так думают и говорят часто, но Гоголь так не считал. Он писал о прошлом так, словно бы в те минуты думал лишь только о будущем...

ЭКСКУРСИЯ ПО ЧУЖОЙ ПОЛЯНЕ

Теперь вы уже ознакомились с нашими незатейливыми взглядами на образы литературных героинь, которые Николай Васильевич Гоголь создавал в начале своей творческой карьеры. Не хотелось бы, чтобы у вас сложилось мнение о нашем стремлении «прописаться» на литературоведческой «поляне». Наши рассуждения исходят от заурядного почитателя таланта Н.В. Гоголя, читателя, ощущающего себя там не более чем любознательным экскурсантом.

Н.В. Гоголь как поэт взошёл на литературной ниве в 1831 году с небольшой фантазией «Женщина», а завершил эту тему письмом «Женщина в свете», вошедшим в «Выбранные места из переписки с друзьями» в 1846 году. Эти совершенно разные и по стилю изложения, и по существу помещённых поэтом в строки идей справедливо называют «рамой», обнимающей полотно женских образов, «поселившихся» в его книгах. В нашем сборнике мы встретились лишь с некоторыми из них, хотя здесь могли бы рассчитывать на уютные места Настасья Петровна Коробочка, например, Уленька

Бетрищева, весьма популярные во всех отношениях пижонки и сплетницы из губернского города NN и другие... Мы вспомнили лишь тех, кого юный Николай Васильевич увидел и показал в начале своего творческого пути. Гоголь словно штампует их из текста в текст, и всякий раз – «не описание, а апофеоз», как сказал в 1891 году В.И. Шенрок. «Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскroивши чёрные как уголь тучи, нестерпимо затрепещет она целым потопом блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты», – пишет Н.В. Гоголь в отрывке «Рим» для романа «Аннунциата». Может, у неё и есть какая-то «итальянская» уникальность? А вот у Оксан, Катерин, Пидорок, Галь... очи и брови, а губки?.. Нечего сказать – и точка! Ну-ну, Гоголь! Такие оценки писателю вошли в коллективную привычку, укоренились в ней и обернулись его обвинением в отсутствии умения...

Н.В. Гоголь всегда добивался запредельного уровня смысла слова и в реализме, хотя это не всеми признаётся, и в социальной философии, о чём почти не упоминается. И в мистике, что ему чаще всего ставят в заслугу или в вину, хотя порой кажется, что блики последней отражаются даже в его личной жизни. У его бабушки Татьяны Семёновны был бурный роман с её домашним учителем Афанаси-

ем Гоголем: побег из родительского дома, драматическое возвращение, счастливая развязка, «амнистия» от родителей и долгая счастливая жизнь... Невероятным событием выглядит история знакомства его отца – Василия Гоголя с будущей супругой – Марией Косяровской, матерью Николая. 14-летний Василий сообщил родителям о видении Богородицы во сне, которая указала ему будущую невесту. А когда семья проезжала через один из хуторов, он заметил годовалую девочку Машу и сообщил родителям, что именно на неё ему указала святая рука. С тех пор Василий Афанасьевич стал в этом доме и нянькой, и воспитателем, и гостем. А когда Маше исполнилось 14 лет – сделал ей предложение. Правда, родители девушки просили жениха подождать ещё хотя бы год, пока подрастёт невеста. Он пообещал, но терпения хватило только на месяц.

А вот с кем из девчонок дружил в детстве Николай – мы не знаем.

Создавая «Ревизора», Гоголь определил Ивану Александровичу Хлестакову чин коллежского регистратора, желая подчеркнуть молодость и незрелость главного героя и тем самым – забавную тупость уездных начальников. Ведь коллежские регистраторы – самые низкооплачиваемые и бесправные госслужащие! Это канцелярские писцы из «низов»... И по-

чему так подробно именно о них? Да потому, что после учёбы в Нежине в 1831 году Николай Гоголь примчался в Санкт-Петербург и начал здесь свою карьеру с коллежского регистратора... В этом же году впервые под его именем в печати, а именно в «Литературной газете», появился отрывок «Женщина».

Где и когда юный автор мог понять столь благородную тему – тему ЖЕНЩИНА? Сказать трудно, но П.А. Плетнев, рекомендуя молодого автора как обещающего «что-то очень хорошее», не преминул упомянуть об этой публикации и Пушкину. Случай неординарный: юноша приезжает в столицу и тут же знакомится не только с Плетнёвым и Жуковским, но и с самим «солнцем русской поэзии»! Неужели юношеское эссе «Женщина» явилось тем катализатором, который ускорил становление малоросса в высших литературных кругах огромной империи? Или другой вопрос: зачем он Пушкину? Ведь для получения «пропуска» в большую литературу Гоголю предъявить поэту тогда было нечего. Он мог показать ему лишь «Женщину», опубликованную под своим настоящим именем. Под другими его публикациями стояли нарочито придуманные псевдонимы.

«Мы зреем и совершенствуемся, но когда? когда глубже и совершеннее постигаем женщину, – утверждал в своём витиеватом сочи-

нении мелкопоместный помещик господин Н.В. Гоголь. – Она поэзия! она мысль, а мы только воплощения её в действительности». В тексте юный ученик Платона Телеклес жалуется учителю, что ему изменила возлюбленная, и прокликает коварную природу женщины, но ситуацию комментирует как бы и Платон, умудрённый опытом старец, и в то же самое время его слова для читателей «выкладывает» 22-летний провинциальный юнец!..

Ю.В. Манн писал: «Гоголь был очень отзывчив на женскую красоту. В первую очередь на духовную, но и, конечно, на физическую, телесную. В этом не приходится сомневаться, когда читаешь гоголевское описание красавиц. Его отношение к женской красоте равносильно отношению к соблазну, а соблазн требует защиты или преодоления. Он преодолевает соблазн и тем самым реализует заронённую в нём с детства идею самовоспитания. От любви он спасается бегством. Бежит от красавицы, но тем самым и от себя, от скрытых опасностей своей души, от разрушительных сил, которые способны в ней обнаружиться».

Мы уверены в том, что Гоголь Николай Васильевич ещё далеко и далеко не разгадан. Наступит время, и камни ещё полетят в огород многих беллетристов и литературоведов – современников Гоголя, и даже последовате-

лей, и даже предшественников, потому что новейшее понимание современного прочтения Гоголя и времени, в котором жил и творил великий поэт, «стучится» в дверь, и оно обязательно «достучится» до понимания философии Гоголя, оставив в покое философию его личной жизни...

Что же касается его литературных образов женщин, то пора бы уже отойти от взгляда на них сквозь реснички и веночки. Как писал наш русский поэт, эмигрант Георгий Иванов, «Меняется причёска и костюм, // Но остаётся тем же наше тело, // Надежды, страсти, беспокойный ум, // Чья б воля изменить их не хотела...»

При подготовке настоящего сборника автор опирался на труды литературоведов и историков, материалы научно-теоретических конференций и круглых столов, использовал полемические материалы и оценочные суждения, предположения и выводы из выступлений и отдельных статей учёных, писателей, критиков, современников Н.В. Гоголя и его биографов, а также читал публикации журналистов и реплики равнодушных к творчеству писателя граждан в СМИ.

Их авторами являются: Айхенвальд Ю.И., Аксаков К.С., Анненкова Е.И., Белинский В.Г., Белый А., Бочаров С.Г., Быков Д.Л., Вересаев В.В., Виноградов И.А., Войцехович И., Выгонский С.И., Лоурэнс Д.Г., Гранатова А., Герцен А.И., Даль В.И., Ермилов В.В., Ерофеев В.В., Звездин А., Зеньковский В.В., Инститорис Г., Ильин В.В., Ильина Н.И., Шенрок В.И., Карлинский С.А., Куренков С., Ли Ки Чжу, Лотман Ю.М., Манн Ю.В., Мелетинский Е.М., Мережковский Д.С., Мочульский К.В., Мурасаки С., Нечуй-Левицкий И.С., Прохорова И.Е., Розанов В.В., Северянин И.В., Синцова С.В., Синявский А.Д., Скосарь В.Ю., Соловьёв И.И., Сумароков П.И., Тимошенко В.В., Толстой А.Н., Тютчев Ф.И., Ушаков Д.Н., Шпренгер Я., Эшштейн М.Н., Юрлов Н.А., Яхонтов А.Н. и другие.

Спасибо за внимание.

Содержание

<i>Не только румянец: тайны гоголевских красавиц.....</i>	3
<i>За кулисами восторга.....</i>	9
Глава I. О ЖЕНСКИХ НОЖКАХ САХАРНЫХ, ПРЕЛЕСТНЫХ.....	19
Дама с голубыми глазами.....	24
Царственная красота Оксаны.....	45
Чертовская прелесть Солохи.....	74
Глава II. В ПРЕДВКУШЕНИИ СЧАСТЬЯ.....	115
С лёгкой усмешкой на алых губках	118
Предание о ненарочно расстегнувшейся кофточке	141
Так сомневалась ли Галя?	158
Глава III. ЛЮБОВЬ КАК ВЫСШИЙ ДАР И ДЬЯВОЛЬСКАЯ СТРАСТЬ.....	187
Эротический аспект кулинарного искусства.....	191

Любовь по контракту с чёртом	221
Цена идеологической измены женщины	240
О поэзии любви за одним столом со Шпонькой	262
Глава IV. «ХОРОШО ЖЕ!»	285
Под клубничным соусом.....	291
Пьянящий аромат чувств.....	308
Так когда же звенят колокольчики?	319
<i>Экскурсия по чужой поляне</i>	343

Георгий ДЗЮБА

**ГОГОЛЬ О ДЕВУЧЬИХ
СМЕШИНКАХ И ПЕЧАЛИНКАХ**

Дизайн и вёрстка – Александр КАШЛЕВ
Корректор – Ольга ЕГОРОВА
Обложка – Татьяна ПАРАМЗИНА
Фото на обложку – Наталья ВАШКЕВИЧ
Консультанты – Наталья ГОРБУНОВА,
Наталья КИСЕЛЁВА

Подписано в печать 17 апреля 2017 г.
Формат 60х90 1/32
Печать офсетная. Бумага офс. Печ. л. 11
Тираж 1000 экз. Заказ № К-617

ООО «Палитра Д»
127521, Москва, Старомарьинское шоссе, д. 6
Тел.: (495) 619-08-68

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

9 785990 785618 >